

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

На правах рукописи

ПАШЕНЦЕВ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

**НАБИЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ
ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА О. САХАЛИН. X-II ВВ. ДО Н. Э.**

Специальность 5.6.3. Археология (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

в 2-х томах

Т. 1

Научный руководитель –
доктор исторических наук
Василевский Александр Александрович

Владивосток 2026

Содержание

Введение	4
Глава 1. <i>Набильская</i> культура в истории и историографии археологических исследований Сахалина	13
1.1 Этапы историографии и истории изучения эпохи палеометалла о. Сахалин	13
1.2. История изучения <i>набильской</i> культуры	18
1.3. Историография <i>набильской</i> культуры	23
1.4. Источниковедческий анализ опорных комплексов <i>набильской</i> культуры	37
Глава 2. Изучение комплексов <i>набильской</i> культуры	62
2.1. Палеоэкологическая ситуация на острове Сахалин в I тысячелетии до н. э.	62
2.2. Абсолютная хронология <i>набильской</i> культуры	67
2.3. Поселения <i>набильской</i> культуры: ландшафтно-географическая характеристика	76
2.4. Жилища <i>набильской</i> культуры: типологические особенности	85
2.5. Керамика <i>набильской</i> культуры	100
2.6. Каменный инвентарь и украшения <i>набильской</i> культуры	127
2.7. Выводы к главе 2	155
Глава 3. Культурные взаимодействия <i>набильской</i> культуры в I тыс. до н. э.	160
3.1. Соотнесение <i>кашкалебагшской</i> культуры финального неолита с <i>набильской</i> культурой	161

3.2. Соотнесение и определение взаимодействий археологических комплексов северного Сахалина эпохи палеометалла (<i>пильтунская</i> культура, <i>какорминская</i> группа керамики) с <i>набильской</i> культурой	171
3.3. Характер взаимодействия <i>набильской</i> и <i>сусуйской</i> культур на южном Сахалине в I тыс. до н. э.	194
3.4. Обзор палеокультурных процессов в I тыс. до н. э. на сопредельных с о. Сахалин континентальных и прибрежных районах Дальнего Востока	202
Заключение	208
Список использованных источников и литературы	215
Список сокращений	264

Введение

Актуальность исследования. Изучение археологических культур острова Сахалин важно в контексте изучения археологии островного мира Дальнего Востока. Территория острова исторически служила связующим звеном между континентальными и прибрежными районами азиатского материка и островным миром [Василевский, 1993]. Роль Сахалина как неизбежной территории миграций особенно заметно проявляется в I тыс. до н. э. когда на острове появляются археологические культуры, содержащие изделия из металла. Их появление позволило ставить вопрос о выделении эпох раннего железного века и палеометалла острова Сахалин [Василевский, 1990, с. 3; 1993, с. 57; Дерюгин, 2010, с. 246; Василевский, Грищенко, 2012, с. 29].

Исследования археологических памятников I тыс. до н. э., проведенные на северном Сахалине в первые десятилетия XXI столетия, позволили ввести в научный оборот несколько ранее неизученных феноменов. В частности, были выделены *набильская*, *пильтунская*, *кашкалебагшская* культуры, *тымский* тип керамики и установлено наличие керамики *какорминского* типа, связываемой в литературе с *урильской* культурой, либо рассматриваемой как синкретичное явление в рамках *урило-польцевского* круга [Василевский и др., 2005б, с. 17; Vasilevski et al., 2008, p. 73; Дерюгин, 2010, с. 246; Грищенко, 2015, с. 130; Дерюгин, 2020, с. 77; Яншина, 2013, с. 318-330].

В результате этих исследований информационный потенциал источников качественно изменился:

- в рамках многослойных объектов появилась возможность соотнесения между собой, слагающих их комплексов, то есть накоплены данные для относительно-хронологических построений;
- произошло накопление материалов для исследования естественнонаучными методами, в первую очередь, радиоуглеродным с построением шкалы абсолютной хронологии;

- преодолена диспропорция в изученности комплексов севера и юга острова и появилась возможность корректного сопоставления стратифицированных источников I тыс. до н. э. на всей территории Сахалина с учётом культур палеометалла соседних территорий от Нижнего Амура до о-ва Хоккайдо [Василевский, Грищенко, 2012; История Сибири, 2019].

Среди выделенных культур эпохи палеометалла особое место занимает *набильская* культура. Судя по радиоуглеродным датам её носители появляются на острове раньше носителей остальных культур, относящихся к эпохе палеометалла, а комплексы содержат остатки железа и инвентаря, имеющего очевидное импортное происхождение. Кроме того, прослеживается инфильтрация *набильской* культуры в южную часть о. Сахалин и её воздействие на формирование *сусуйской* культуры. Таким образом, исследование *набильской* культуры имеет ключевое значение для реконструкции историко-культурных процессов, протекавших на о. Сахалин в X-II вв. до н. э.

Объект исследования – культурно-исторические процессы на о. Сахалин в эпоху палеометалла.

Предмет исследования – *набильская* археологическая культура как феномен: её периодизация, материальный комплекс и роль в культурных взаимодействиях.

Цель исследования – на основе анализа комплексов *набильской* археологической культуры и ранее изученных археологических культур I тыс. до н. э. провести реконструкцию культурно-исторической ситуации на о. Сахалин в эпоху палеометалла

Задачи исследования:

1. Провести анализ литературных источников и определить степень изученности культур эпохи палеометалла о. Сахалин.
2. Выполнить комплексную характеристику *набильской* культуры в её историко-культурном и природном контексте на основе анализа ландшафтно-почвенных характеристик, особенностей жилищ, корпуса

керамики, каменного инвентаря, а также с привлечением палеоклиматических данных.

3. Обобщить и систематизировать результаты радиоуглеродного датирования комплексов I тыс. до н. э., уточнив и дополнив на их основе хронологическую шкалу археологических культур о. Сахалин этого времени.

4. Выделить признаки и культурно-хронологические этапы *набильской* культуры.

5. Провести сравнительный анализ *набильской* культуры с синхронными ей археологическими культурами о. Сахалин I тыс. до н. э. и определить характер и последствия их взаимодействия.

Хронологические рамки исследования определяются хронологией *набильской* археологической культуры. На основании радиоуглеродных дат нижняя граница исследования определена X, верхняя – II вв. до н. э.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией острова Сахалин. В целях корреляции привлекаются материалы соседних территорий: Приморья, Приамурья и Алданского нагорья

Основу **источниковой базы** настоящего исследования составляют материалы, полученные в ходе стационарных археологических раскопок семи ключевых памятников *набильской* культуры, расположенных в северной и южной частях острова Сахалин. Эти объекты, исследованные в период с 2004 по 2015 гг., представляют собой преимущественно жилища и прилегающие к ним пространства. Согласно классификации археологических источников [Классификация в археологии, 2013], исследованные комплексы могут быть разделены на три группы по степени сохранности контекста и достоверности культурно-хронологической атрибуции.

1. Полузамкнутые (условно закрытые) комплексы высокой степени достоверности.

К этой категории относятся жилища и поселения, в которых артефакты залегают *in situ* на уровнях полов, стратиграфия не нарушена поздними перекопами, а культурный слой не содержит примесей иных эпох. Хотя такие

объекты не являются результатом одномоментного события (в отличие от погребений или кладов), их стратиграфическая чистота и фиксация материалов в первичном залегании обеспечивают надежную ассоциацию находок и высокую достоверность культурно-хронологической интерпретации [Клейн, 1978; Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]. К данной группе отнесены:

- жилища 1-3 поселения Джимдан 5 (ранний этап) [Василевский, 2006];
- жилище 187 поселения Чайво 1 (средний этап) [Василевский, 2005в];
- жилища 1-3 поселения Аскасай 7 (средний этап) [Грищенко, 2015];
- жилище № 51 поселения Лебединый 1 (средний этап) [Василевский, 2007];
- жилище поселения Усть-Айнское 1 (средний этап) [УАМ СахГУ. Колл. 205];
- жилище 1 поселения Мыс Островной, пункт 7 (поздний этап) [Василевский, 2017б];
- жилище 1 поселения Мыс Островной, пункт 4 (поздний этап) [Грищенко, 2019].

Указанные комплексы выступают в качестве опорных (эталонных) для характеристики *набильской* культуры.

2. Комплексы во вторичном залегании, имеющие значение для относительной хронологии.

К этой группе относятся материалы, стратиграфическая позиция которых позволяет установить их относительный возраст, хотя сами они не могут служить основой для количественного анализа, вследствие переотложенного характера материалов. Примером служит комплекс *набильской* культуры поселения Чайво 6, залегающий ниже горизонта *пильтунской* культуры [Василевский, 2005б]. Его положение фиксирует относительную древность

набильской культуры по отношению к *пильтунской*, что важно для построения хронологической шкалы [Классификация в археологии, 2013, с. 24–25].

3. Открытые комплексы.

К ним относятся переотложенные материалы, происходящие из сборов на разрушенных участках или из слоёв со смешанным культурным контекстом, в частности, сборы на эпонимном памятнике Старый Набиль [УАМ СахГУ. Колл. 210]. Интерпретация таких материалов возможна только по косвенным признакам и при соотнесении их с опорными комплексами.

Кроме того, при подготовке работы использовались материалы Сахалинского областного краеведческого музея, Тымовского краеведческого музея, Охинского краеведческого музея, Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой, содержащие как опорные, так и дополнительные коллекции по *набильской* и сопредельным культурам.

Таким образом, база источников включает 10 жилищ из 7 опорных памятников, исследованных раскопками на общей площади более 5000 м². Подавляющее большинство материалов происходит из полузамкнутых комплексов с непотревоженной стратиграфией и фиксацией находок *in situ*, что обеспечивает высокую степень достоверности культурно-хронологических построений.

Методы исследования. Методологическую основу работы составляют мир-системный подход [Бродель, 1992; Валлерстайн, 2006; Frank, Gills, 1993] и концепция хозяйственно-культурных типов [Левин, Чебоксаров, 1955; Чеснов, 1970]. На макроуровне они позволяют рассматривать о. Сахалин как периферийную зону, интегрированную в систему дальних связей с континентальными центрами металлопроизводства, и формулировать гипотезы о внешних факторах культурных изменений, таких как климатические флуктуации, миграции.

Для определения характера миграций использованы критерии, разработанные Л. С. Клейном [1999; 2013]. Под *колонизацией* понимается

появление полностью сформированного культурного комплекса без следов смешения с местным субстратом, что указывает на освоение слабозаселённых ниш. *Инфильтрация* диагностируется по присутствию инородных элементов (в керамике, украшениях) внутри устойчивого местного контекста, сосуществованию разных традиций и формированию синкретических черт материальной культуры [Клейн, 1999, с. 62-65]. В керамике эти процессы отражаются в появлении смешанных гончарных навыков [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

Инструментарий для верификации гипотез и изучения механизмов трансформаций предоставляют подходы микроуровня:

1. *Историко-культурный подход* [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012], применённый к анализу керамики, позволяет дифференцировать субстратные и адаптивные гончарные навыки и выявлять следы культурных взаимодействий (инфильтрация, заимствование технологий, деятельность пришлых мастеров).

2. *Процессуальный (системно-экологический) подход*, разработанный Л. Бинфордом для анализа систем расселения охотников-собирателей, реализуемый через функциональный анализ каменного инвентаря, планиграфию поселений и типологию жилищ, даёт возможность реконструировать стратегии жизнеобеспечения в условиях климатических изменений.

Сопряжение макро- и микроуровней осуществляется через понятие «историко-культурный процесс», что позволяет перейти от констатации синхронности природных и культурных явлений к установлению причинно-следственных связей.

В работе использованы следующие группы методов:

• *Общеархеологические*: стратиграфический, планиграфический, типологический, классификационно-статистический, метод «связей» [Каменецкий, 1970; Дьяков, 1989; Колпаков и др., 1990; Серегин, 1984; Молодин и др., 2012].

- *Методы абсолютной и относительной хронологии*: радиоуглеродное датирование (LSC и AMS) с калибровкой по новейшей кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020], стратиграфия и сравнительно-типологический анализ.

- *Естественнонаучные методы изучения керамики*: петрографический анализ, рентгеноструктурный анализ, повторный обжиг в муфельной печи [Волкова, Цетлин, 2016], оптическая микроскопия.

- *Методы анализа каменного инвентаря*: морфологический, технико-типологический [Гиря, 1997; Деревянко и др., 1994], функциональный (трасологический) [Семёнов, 1957].

Детальное описание применённых методик, объёмов исследованных коллекций и конкретных процедур приведено в соответствующих параграфах:

- радиоуглеродное датирование и отбор опорных дат – в параграфе 2.2;

- реконструкция жилищ, включая анализ планиграфии, стратиграфии, взаимного расположения столбовых ям и очагов – в параграфе 2.4;

- методика анализа керамики *набильской* культуры – в параграфе 2.5.

Кроме того, для сравнительного анализа привлечены образцы керамики *пильтунской*, *кашкалебагшской* и *анивской* культур, а также керамики *какорминского* типа;

- методы изучения каменного инвентаря и украшений – в параграфе 2.6.

Изложенный комплекс методов представляет собой целостную исследовательскую стратегию, основанную на соподчинении макро- и микроуровней анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе анализа полузамкнутых (условно закрытых) комплексов дана всесторонняя характеристика *набильской* археологической культуры, разработана её периодизация, построена типология жилищ и керамики. Установлена корреляция культурной динамики с палеоклиматическими изменениями. Выявлены и охарактеризованы четыре миграционные волны на северный Сахалин, определён характер их взаимодействия с *набильской*

культурой. Показана роль *набильской* культуры как проводника инноваций эпохи палеометалла на юг острова, что привело к формированию *сусуйской* культуры.

Положения, выносимые на защиту:

- культурная динамика *набильской* культуры на протяжении X–II вв. до н. э. определялась взаимодействием двух факторов: долговременным трендом похолодания климата, вызывавшим трансформацию хозяйственно-адаптационных стратегий, и инфильтрацией на северный Сахалин носителей иных культурных традиций, реконструируемой по изменениям в керамике и появлению импортных украшений;

- для *набильской* культуры предлагается следующая культурно-хронологическая шкала:

ранний этап – X –IX вв. до н. э.

средний этап – VIII – V вв. до н. э.

поздний этап – IV – II вв. до н. э.

- традиции изготовления керамики с гребенчатым орнаментом, связанной с *набильской* археологической культурой, в пределах VIII – V вв. до н. э. распространяются на южном Сахалине, где они оказывают воздействие на местные традиции гончарства. В результате данного воздействия происходит формирование керамики *сусуйского* типа;

- специфика эпохи палеометалла на о. Сахалин определяется отсутствием местной металлургии в условиях импорта готовых металлических изделий. Сохранение неолитических технологических традиций при наличии единичных железных артефактов маркирует периферийный характер региона по отношению к континентальным металлургическим центрам.

Структура работы. Диссертация содержит введение, основную часть, содержащую три главы, заключение, список литературы, список сокращений и приложений, а также иллюстрации и таблицы.

Практическая значимость исследования. Результаты, изложенные в диссертационном исследовании, могут использоваться при подготовке

учебных, учебно-методических работ, пособий и учебников по истории Сахалинской области для студентов и школьников, и монографических исследований по истории региона. Исследованные материалы могут использоваться при подготовке музейных выставок, тематико-экспозиционных планов музейных экспозиций по археологии региона.

Апробация результатов исследования. Основные положения, изложенные в диссертационном исследовании опубликованы автором в пяти статьях, изданных в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 5.6.3 Археология. Помимо статей из перечня Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, исследуемые материалы и связанные с ними частные вопросы опубликованы автором в 14 статьях и тезисах научных конференций.

Результаты исследований были представлены автором в виде 12 докладов на международных, российских и региональных конференциях в Южно-Сахалинске (2012, 2013, 2017, 2022), Благовещенске (2013), Саппоро (2013), Белокурихе (2017), Владивостоке (2019, 2022), Самаре (2022), Якутске (2022).

Глава 1. *Набильская* культура в истории и историографии археологических исследований Сахалина

1.1. Этапы историографии и истории изучения эпохи палеометалла о. Сахалин

В историографии археологии Сахалина сложились два подхода к периодизации истории исследований. Первый, представленный В. О. Шубиным [2005], основан на хронологическом и национальном принципах и выделяет три периода:

1. ранний (русский дореволюционный и советский довоенный) период.
2. период губернаторства Карафуто.
3. советский (российский) период.

Второй, предложенный А.А. Василевским [2008], исходит из критерия качественного состояния науки и включает четыре этапа:

1. Ознакомительный (1850-1920-е гг.)
2. Формирование первых гипотез и классификационных схем (1930-е-1960-е гг.)
3. этап формирования концептуальной, методологической основы современной науки и дальнейшего расширения её информационной базы (1970-е – 1990-е гг.)
4. современный этап информационной археологии, начавшийся во второй половине 1990-х гг. и длящийся по настоящее время.

Однако специального анализа истории изучения именно эпохи палеометалла до сих пор не проводилось.

При проведении нашего исследования мы использовали сравнительно-исторические методы, и, прежде всего, историко-генетический метод. При использовании сравнительно-исторических методов важным является выстраивание четких и сопоставимых между собой критериев и их иерархическая организация [Теория и методология истории, 2014, С. 392].

Таким образом, важной задачей является определение критериев исследования. Для анализа истории полевых исследований было отобрано 38 источников - результатов раскопок комплексов эпохи палеометалла (разведочные работы не учитывались из-за их меньшей информативности).

При характеристике каждого этапа учитывались следующие параметры:

- площадь раскопок и количество исследованных объектов;
- типы объектов (жилища, погребения и др.) и достоверность комплексов (закрытые/открытые);
- географическое распределение работ;
- характер организационной деятельности (тип учреждения, цели, состав отряда, применяемые методы).

Источниковую базу историографического анализа составили 76 работ: монографии, статьи, диссертации, тезисы докладов, в которых выделялись основные идеи исследователей.

Многообразие возможных критериев ставит вопрос о том, что должно лежать в основе периодизации — история исследований или историография. Следуя подходу Л.С. Клейна [2011, с. 10], мы исходим из принципа первичности историографии: именно смена теоретических концепций определяет логику развития науки, а конкретные параметры полевых исследований выступают как дополнительные (акцидентные) характеристики этапов.

Рассмотрение историографии, посвященной изучению комплексов, относимых в настоящее время к эпохе палеометалла позволяет выделить пять теорий, лежащих в основе интерпретации археологических фактов материалов Сахалина, относящихся к эпохе палеометалла. Это:

1. Антрополого-этнографическая концепция, в рамках которой производился поиск истоков современных или легендарных народов.
2. Линейно-историческая концепция, в рамках которой складываются первые археологические периодизации.
3. Диффузионистская концепция *охотской* культуры

4. Концепция локальных археологических культур, объединяющих группы памятников по территориальному, типологическому и хронологическому признакам.

5. Процессуализм, в фокусе которого находится культурно-исторический процесс.

Очевидно, что, как и любая периодизация, периодизация, основанная на выделении приведенных выше критериев условна в части выделения этапных событий. Различные теории взаимодействуют как внутри научных школ, так и между различными школами. Неизбежны и попытки более или менее успешного встраивания старых моделей в новые теоретические построения. Таким образом, концепции не возникают внезапно, полностью заменяя все предшествующие, но эволюционируют, проходя последовательные стадии: вызревания – завоевания господствующего положения в науке – существования в виде пережитков.

Содержание этапов археологической периодизации эпохи палеометалла о. Сахалин.

1 этап (1882-1932 гг.) открывается работами И. С. Полякова на *Сусуйской* стоянке [Поляков, 1883; Поляков, 1884]. Характерная черта этапа — отождествление археологических материалов с известными по письменным или фольклорным источникам народами. Методика раскопок оставалась неразработанной; специальные археологические методы почти не применялись. Работы носили рекогносцировочный характер, проводились научными и учебными учреждениями на южном Сахалине (единично — на северном). Вскрытая площадь за весь период вряд ли превышала 150 кв. м. Исследованы и интерпретированы только погребения (9 объектов), большинство из которых, по-видимому, многослойны.

2 этап (1933-1960 гг.) открывается симпозиумом «Первобытная культура Хоккайдо», на котором Х. Коно ввёл термин «охотская культура». В этот период оформляется понимание *охотской* культуры как самостоятельного явления, противопоставляемого культуре *дзёмон*. Основные достижения:

выделение Н. Ито девяти типов керамики и их относительной хронологии; трактовка *охотской* культуры как охотоморского островного феномена (О. Баба); выделение Р.В. Козыревой этапов древней культуры Сахалина и их связей с континентальными культурами.

Полевые исследования велись научными и учебными учреждениями исключительно на южном Сахалине с применением стратиграфического и сравнительно-типологического методов. Работы носили разведочный характер; общая вскрытая площадь ориентировочно составила 800-1000 кв. м. Исследованы и интерпретированы четыре жилища и четыре погребения, все объекты, по-видимому, многослойны.

3 этап (1961–1985 гг.) начинается с работ Ч. С. Чарда (1961-1962), который определил охотскую культуру как особый хозяйственно-культурный уклад, распространившийся вдоль побережий Охотского моря. В этот период формируются представления о многокомпонентности культуры (Х. Бефу, Ч. С. Чард, Р. С. Васильевский, В. А. Голубев), выделяются этапы её развития (В. О. Шубин, О. А. Шубина), а материалы с керамикой *сусуйского* типа японские исследователи относят к раннеохотским (М. Йошизаки, Т. Оба, Т. Кикүти, У. Маэда, К. Ямаура) или предшествующим *охотской* культуре (Т. Фудзимото, Х. Ойи, Т. Амано).

Полевые исследования на южном Сахалине (научные, учебные учреждения и краеведческие объединения) велись с применением стратиграфического, сравнительно-типологического и эпизодически планиграфического методов; начинается спорадическое использование радиоуглеродного датирования. Раскопками (общая площадь 2531 кв. м) изучены остатки семи жилищ и нескольких объектов иного типа; все объекты многослойны. На северном Сахалине вскрыто 288 кв. м, исследованы два однослойных жилища *пильтунской* культуры.

4 этап (1986–2001 гг.) маркирован выделением О.А. Шубиной и И.С. Жущиховской *северо-сахалинской* неолитической культуры. В это время оформляется рассмотрение материалов в рамках двух культур - *северо-*

сахалинской (О.А. Шубина) и *сусуйской* (А.А. Василевский); А.А. Василевский обосновывает выделение на Сахалине раннего железного века и относит к нему *сусуйские* памятники.

Исследования проводятся научными, учебными и музейными учреждениями с использованием стратиграфического, сравнительно-типологического и (эпизодически) планиграфического методов. Радиоуглеродное датирование применяется чаще, чем на предыдущем этапе, что позволяет А.А. Василевскому составить первую культурно-хронологическую шкалу. На южном Сахалине вскрыто 1869 кв. м, изучены остатки двенадцати жилищ (при этом только два из них содержат однослойные комплексы) и несколько объектов иного типа. На северном Сахалине раскопано 173 кв. м, исследованы четыре жилища (многослойные).

5 этап (2002 – настоящее время) открывается российско-японским симпозиумом «Охотская культура: формирование, трансформации и завершение» (Саппоро, 2002). Основные направления исследований: формирование *сусуйской* культуры под влиянием миграций с севера (А.А. Василевский, У. Маэда, М. Фукуда); выделение понятия «*сусуйское время*» для периода перехода от камня к металлу (А.А. Василевский); анализ взаимовлияния керамических стилей (Т. Кумаки, Т. Аmano, Х. Оно); реконструкция историко-культурных процессов по данным керамики (И.С. Жушиховская, П.А. Пашенцев); трактовка культур палеометалла Сахалина как периферийных по отношению к континентальным металлургическим центрам (А.А. Василевский, В.А. Грищенко). Выделены новые культуры (*набильская*, *пильтунская*). Это отражает применение процессуального подхода.

Методика полевых исследований обогащается широким применением планиграфического метода (включая изучение межжилищного пространства) и метода связей, а также регулярным использованием радиоуглеродного датирования с опорой на актуальные калибровочные шкалы.

Работы проводятся учебно-научным учреждением (СахГУ) и носят охранно-спасательный характер. География исследований смещается

исключительно на северный Сахалин. Все памятники изучаются широкой площадью, включая прилегающее пространство. Общая вскрытая площадь составляет 11 438 кв. м — вдвое больше, чем за все предшествующие этапы. Исследованы остатки 23 жилищ, из которых 13 являются однослойными закрытыми комплексами, что принципиально повышает достоверность источников.

Таким образом, в истории изучения источников эпохи палеометалла о. Сахалин и их историографии выделено пять этапов. Принимая за основу периодизации принцип первичности историографии при характеристике каждого этапа, мы привлекаем ключевые параметры истории исследования. Такой подход позволяет проследить, как расширение и качественное изменение источниковой базы влияло на смену теоретических концепций, избегая их искусственного противопоставления. Следующей задачей является рассмотрение истории изучения и историографии *набильской* культуры в рамках выделенных этапов.

1.2. История изучения *набильской* культуры

В рамках первого этапа изучения палеометалла Сахалина (1882-1932 гг.) первые сборы археологических материалов, часть которых достоверно относится к *набильской* культуре, совершил Рюдзо Тории. В июле 1921 г. он вскрыл несколько жилищ и выполнил подъемные сборы в районе устья реки *Хандуза* на северо-востоке о. Сахалин. Эти материалы были опубликованы Киеси Ямаурой в 1985 г. [Ямаура, 1985, с. 44-45].

В рамках второго этапа (1933-1961 гг.) в южной части острова Такехико Нииока обнаружил археологические памятники, содержащие остродонную керамику. Большая их часть была расположена в районе современного г. Углегорска (Эсутору) – Углегорск 1-3 [Нииока, Утагава, 1990, с. 11-12]. Другими местонахождениями, на которых Т. Нииока произвел сборы керамики данного типа, стали памятники в окрестностях Шахтерска (Торо), с.

Орлово (Усиро) и оз. Айнское (Райчиси) [Нииока, Утагава, 1992, с. 7-9, 144-145; Yoshizaki, 1963, p. 140]. Основное отличие материалов, обнаруженных Т. Нииока в этом районе, от материалов, относящихся к *сусуйскому* керамическому типу, - наличие исключительно гребенчатой орнаментации. Трудно достоверно судить о том, вся ли керамика с гребенчатой орнаментацией, обнаруженная Т. Нииока является керамикой *набильского* типа, поскольку в публикациях отсутствуют подробные описания стратиграфического контекста и сопровождающего инвентаря, однако судя по опубликованным материалам можно предполагать, что к данному типу относится значительная её часть.

На третьем этапе (1962-1985 гг.) при проведении разведочных работ В.А. Голубевым осуществлены отдельные подъемные сборы керамики *набильской* культуры на поселении Кадыланьи 1 на северном Сахалине [Голубев, 1979].

На четвертом этапе (1986-2001 гг.) набильские материалы периодически попадали в поле зрения исследователей при проведении работ разведочного характера. В частности, это разведки, проводимые сотрудницей Сахалинского областного краеведческого музея О. А. Шубиной совместно с краеведом А. С. Колосовским в 1987 г., ею же совместно с краеведом С.В. Горбуновым в 1995 г., С. В. Горбуновым в 1994 г., заведующим сектором НИС ЮСПИ А. А. Василевским в 1998 г. на северном Сахалине, а также А.А. Василевским в 1997 г. – на южном Сахалине [Шубина, 1987; Шубина, 1995; Колосовский, 1987; Горбунов, 1994; Василевский, 2002б].

В 1987 г. при проведении археологической разведки О. А. Шубиной и А. С. Колосовским были зачищены стенки ранее заложенного А. С. Колосовским шурфа, прорезавшего впадину древнего жилища поселения Пильтун 1, расположенного в долине одноименной реки на северном Сахалине. В зачищенном слое обнаружены фрагменты сосудов *набильского* типа, в том числе фрагмент острого дна [Шубина, 1987].

Также в 1987 г. в ходе разведочных работ А. С. Колосовским обследованы остатки разрушенного позднейшей хозяйственной деятельностью поселения

Чамгу 1, расположенного на террасе одноименной реки. На разрушенных участках памятника проведены подъемные сборы фрагментов керамических сосудов *набильской* культуры [Колосовский, 1987].

В 1993 г. разведочные работы на северном Сахалине проводил С. В. Горбунов. Им обследована группа стоянок, верхние почвенные горизонты которых повреждены в ходе строительства и эксплуатации нефтепромысла в районе побережья залива Старый Набиль. На участках поверхности обнаружены многочисленные развалы сосудов и фрагменты остродонной керамики, относящейся к *набильскому* типу. Также здесь обнаружено несколько каменных дисков, янтарные изделия, фрагмент полированного каменного ножа [Горбунов, 1994].

В 1995 г. археологические разведки в северной части острова проведены О.А. Шубиной совместно с С. В. Горбуновым. Работы проводились на земельных участках под хозяйственное освоение. В процессе работ осуществлены подъемные сборы керамики *набильского* типа на разрушенных участках поселения Паромай-мост. Памятник расположен в нижнем течении одноименной реки [Шубина, 1995].

В 1998 г. археологическую разведку в районе залива Старый Набиль проводил А. А. Василевский. Им обследованы разрушенные участки в районе одноименного нефтепромысла и обнаружены многочисленные фрагменты и развал сосуда *набильского* типа. Собранная коллекция поступила в фонды НИС ЮСГПИ, а затем – Учебного археологического музея СахГУ [УАМ СахГУ. Колл. 210].

В 1997 г. археологический отряд под руководством А. А. Василевского проводил разведочные работы в устье протоки из озера Айнское. В ходе работ выполнена зачистка осыпи дюны, в которой прослежен характерный профиль перекрытого эоловыми отложениями древнего жилища. В разрезе обнаружена керамика *набильского* типа и скопления угля. Проведенное впоследствии радиоуглеродное датирование нагара со стенки керамического сосуда указало

на абсолютный возраст 2540 ± 45 (AA 36621) [Василевский, 2002б. С. 93; Василевский и др., 2003. С. 45].

На пятом этапе (2002 – настоящее время) происходит активизация охранно-спасательных работ в зонах хозяйственного освоения северного Сахалина. Коллективом Лаборатории археологических исследований СахГУ (затем - ИАЭТ СО РАН и СахГУ) проведены масштабные раскопки, впервые позволившие изучать набильские комплексы широкими площадями с полным исследованием межжилищного пространства [Василевский и др., 2005; Vasilevski et al., 2008].

На данном этапе были проведены раскопки опорных комплексов *набильской* культуры. В 2004 г. исследования поселения Джимдан 5 (А. А. Василевский, П. В. Кашицын) выявили компактную группу из трех типологически однородных жилищ с остродонной керамикой и каменным инвентарем в бифасиально-отщеповой технике. Материалы Джимдана 5 стали основой для выделения *набильской* культуры [Василевский, 2006а]. Раскопки поселения Чайво 1 (2004 г., А. А. Василевский, В. А. Грищенко) зафиксировали двухкамерное жилище № 187 с керамикой *набильского* типа на уровне пола и фрагментом жадеитового диска [Василевский, 2005в]. На многослойном поселении Чайво 6 (2004 г., А. А. Василевский) материалы *набильской* культуры залежали в переотложенном состоянии вдоль периметра жилища № 1, а также стратиграфически ниже горизонта *пильтунской* культуры, что дало важные данные для относительной хронологии [Василевский, 2006б].

В 2007 г. раскопки поселения Лебединый 1 (П. В. Кашицын, В. А. Грищенко) выявили небольшое жилище *набильской* культуры, впущенное в более древнюю насыпь; получена радиоуглеродная дата [Vasilevski et al., 2008]. Исследование поселения Аскасай 7 (2011 г., В.А. Грищенко, П. А. Пашенцев) полностью вскрыло три жилища и прилегающую территорию. Материалы залежали *in situ* и включали керамику, каменный инвентарь и позволили получить серию радиоуглеродных дат, позволивших обосновать

средний этап *набильской* культуры [Грищенко, 2015а; Грищенко, Пашенцев, 2021].

Раскопки памятника Мыс Островной, пункт 7 (2013 г., А. А. Василевский, П. А. Пашенцев) и пункт 4 (2015 г., В. А. Грищенко) дали представительные коллекции керамики, каменного инвентаря, янтарных и каменных украшений. В жилище пункта 7 впервые для *набильской* культуры обнаружены корродированные фрагменты железа (предположительно, железных изделий) [Василевский, 2017; Грищенко, 2019]. Радиоуглеродное датирование (в том числе AMS-методом) подтвердило принадлежность этих комплексов к IV-II вв. до н. э. [Пашенцев, 2021, 2023].

Также проводились разведочные работы. В 2002-2019 гг. разведками А. А. Василевского, В. А. Грищенко, А. В. Можаяева, В. Д. Федорчука, П. В. Кашицына и автора выявлены новые местонахождения *набильской* культуры на побережьях заливов Пильтун, Чайво, Старый Набиль, в долинах рек Аскасай, Вази, Баури [Кашицын, 2003; Василевский, 2005г; Грищенко, 2013; Пашенцев, 2020б]. Материалы собраны как в ходе подъемных сборов, на развеечных участках поверхностей, так и в шурфах.

Полевая работа дополняется аналитическими исследованиями. Начиная с 2011 г. автором проводился анализ планиграфии многослойных памятников (Чайво 1, Чайво 6), классификация керамики и жилищ, уточнение радиоуглеродной хронологии *набильской* культуры [Пашенцев, 2012, 2021а, 2021б, 2023].

Таким образом, если на первых четырех этапах набильские материалы фиксировались эпизодически и не интерпретировались как самостоятельное культурное явление, то на пятом этапе, в русле процессуального подхода, были проведены систематические раскопки поселений *набильской* культуры. Полученные материалы, и серия радиоуглеродных дат, позволили впервые определить стратиграфические условия залегания, планиграфию, абсолютную хронологию комплексов *набильской* культуры.

1.3. Историография *набильской* культуры

В рамках первого этапа изучения палеометалла Сахалина специальные археологические вопросы еще не стояли в центре внимания исследователей, поэтому материалы *набильской* культуры не рассматривались.

В рамках второго этапа изучения материалов Сахалина исследовательский фокус сосредоточен на разработке археологических периодизаций, поэтому во внимание исследователей попадает керамика *набильского* типа, и прежде всего два её основных элемента: острая форма дна и гребенчатый декор. В начале 1940-х гг. японские исследователи Такехико Нииока и Нобуо Ито высказали предположение о формировании круглодонной посуды с гребенчатыми оттисками под влиянием континентальных традиций, отмечая при этом значительную удаленность и хронологические разрывы между сходными явлениями на материке и Сахалине [Нииока, 1940; Ито, 1942].

Нобуо Ито, выделивший тип *сусуя*, отмечал, что к нему относятся остро-, кругло- и плоскодонные сосуды, орнаментированные оттисками шнура (преобладают на южных памятниках) или гребенки (преобладают на северных), иногда с наколами. При этом, несмотря на различия в орнаменте, вся керамика объединена общностью морфологических признаков и стратиграфическим контекстом [Ито, 1942, с. 23-25, 38]. Касаясь вопроса о происхождении данного явления, Н. Ито отмечает, что круглодонная посуда с гребенчатыми оттисками формируется на Сахалине и имеет континентальные аналоги, исходя из чего он предполагает континентальное происхождение традиций её производства [Там же, с. 42-43]. Однако указывая на вероятность континентального источника керамики *сусуйского* типа, исследователь не объясняет ни происхождение плоскодонных форм сосудов *сусуйской* культуры, ни шнуровых оттисков на них. Важным наблюдением Н. Ито явился вывод об использовании металла при изготовлении изделий из кости. Металлические инструменты Н. Ито считал привозными [Там же, с. 40].

Т. Нииока в статье 1940 г. выделил в особый тип керамику, орнаментированную исключительно гребенчатыми оттисками. В этой работе исследователь относит к особому, *сахалинскому*, типу керамику, обнаруженную им в северо-западной части Южного Сахалина (Карафутто) [Нииока, 1940, с. 373]. В позднейших работах керамику из района устья р. Эсутору (яп назв. р. Углегорка) Т. Нииока относит к древнейшему варианту гребенчатой керамики южной части Сахалина. Согласно его описанию, эти материалы представлены небольшими и исключительно остродонными сосудами, декорированными оттисками зубчатого штампа [Нииока, 1970, с. 6; Нииока, 1977, с. 167]. Судя по опубликованным данным, часть опорных материалов Т. Нииока относится к *набильской* культуре.

На следующем хронологическом этапе Р. В. Козыревой (Чубаровой) в рамках работ сахалинского отряда ДВАЭ ЛО ИИМК АН СССР была подготовлена диссертация «Древняя история острова Сахалин (по археологическим данным)». В работе она выделяет хронологические этапы развития материальной культуры древних жителей острова Сахалин и определяет их содержание [Чубарова, 1955, с. 8-12, 15-16]. В статье «К истории древнейшего населения Сахалина», опубликованной в журнале «Советская этнография» в 1957 г., Р. В. Козырева указывает на наличие культурных параллелей между эскимосскими материалами и материалами изученных ею памятников Сахалина [Чубарова, 1957, с. 75].

Она также указывает на возможные связи остродонной и круглодонной керамики Сахалина с керамикой раннего *дзёмона* Японских островов или с эскимосской керамикой [Чубарова, 1955, с. 13; 1957, с. 68-69; Козырева, 1960, с. 63]. Важно также наблюдение Р. В. Козыревой о параллелях в материалах Приморья, Приамурья и Сахалина, в частности, наличие шлифованных каменных дисков или колец как в раковинных кучах Приморья, так и на сахалинских стоянках [Чубарова, 1957, с. 69]. Изученные материалы Р. В. Козырева относит к позднему неолиту [Там же, с. 75].

Таким образом, в работах японских и советских исследователей, разрабатывавших периодизацию археологических материалов южного Сахалина, были выделены признаки, отражающие влияние культур сопредельных и отдаленных регионов. К ним относятся гребенчатый декор, острая или округлая форма дна керамики, а также сходство в типах каменных и костяных изделий с материалами континента, северо-востока Азии и Японских островов.

На третьем этапе (1961-1985 гг.) обобщение археологических материалов в СССР осуществлялось совместно экспедицией ИИФФ СО АН СССР и сахалинскими научными и учебными центрами (ЮСГПИ, СОКМ). В Японии в это время систематизировались материалы предшествующих исследований.

В рамках диффузионистской модели *охотской* культуры, изложенной Честером С. Чардом в работах 1961–1962 гг., хозяйственный уклад, основанный на приморской экономике, в процессе динамической экспансии распространился в регионе, заложив основы для дальнейшего развития культуры [Chard, 1961; Чард, 1962].

По мнению исследователя, в последние века до нашей эры на Сахалин проникают арктические или субарктические коллективы охотников на морского зверя [Chard, 1961, p. 215]. В совместной статье Х. Бёфу и Ч.С. Чарда эта гипотеза прорабатывается более детально: авторы связывают формирование *охотской* культуры с проникновением на остров групп эскимосского населения, которые привнесли собственный промысловый комплекс, усвоив при этом региональные элементы материальной культуры [Befu, Chard, 1964, p. 15].

В рамках такой глобальной модели детальная разработка конкретных проявлений древней культуры отходила на второй план. Этим, а также локальным характером исследований на севере Сахалина, объясняется отсутствие в советской литературе данного этапа специального изучения *набильских* материалов.

Большее внимание этим материалам уделялось в японских работах. Исследователей интересовало взаимодействие керамики со шнуровым и веревочным декором в контексте связей культуры *дзёмон* с северными территориями.

По мнению Харуо Ои, *сусуйская* керамика с оттисками шнура соотносится с культурами *эпидземона* Хоккайдо, гребенчатые оттиски и резные насечки — с культурами северного Сахалина и Нижнего Амура, а коническая круглодонная форма сосудов уникальна и не имеет ближайших аналогов [Ohyi, 1975, p. 137].

Тосихико Кикучи детально проанализировал источники, на которых базировались предшествующие выводы. Он пришел к заключению, что охотская культура образовалась в результате распространения на южном Сахалине керамического стиля *дзенпоку* (*дзёмон*), носители которого вступили в контакт и испытали влияние носителей линейно-гребенчатого стиля, распространившегося с севера [Kikuchi, 1971, p. 49].

В дальнейшем Т. Кикучи утверждал, что носители *охотской* культуры, принеся на Хоккайдо собственную керамическую традицию, заимствовали декоративные традиции *дзёмона* Японских островов. Отсутствие на Хоккайдо гребенчатой керамики он объяснял не культурными или этническими различиями, а разными представлениями о характере декора [Кикучи, 1978, с. 42].

Тецуя Аmano отмечал, что ареал керамики с гребенчатым декором (тип *эсутору*) тяготеет к северу, тогда как плотность веревочного декора возрастает к югу. По его мнению, часть носителей гребенчатой керамики мигрировала в область распространения веревочной керамики стиля *сусуя*, поглотила её и сформировала раннюю *охотскую* культуру. К раннему этапу этой культуры Т. Аmano относил керамический тип *товада* [Аmano, 1978, с. 81-82].

Важной вехой стало введение в научный оборот коллекции Р. Тории, собранной им в районе залива Чайво в 1920-е гг. К. Ямаура, проанализировавший эти материалы, выделил три типа керамики [Ямаура,

1985]. Первый тип – тонкостенная керамика с гребенчатым декором, прямыми или профилированными горловинами, разнообразными формами венчиков (округлые, треугольные, вогнутые внутрь, утолщенные). По форме орнаментов, венчиков и узорам Ямаура выделяет в нем четыре группы. Второй тип представлен тонкостенным фрагментом с оттисками четырех горизонтальных шнуровых линий. Третий тип – керамика с утолщенной губой, хорошим обжигом и средней толщиной стенки [Ямаура, 1985, с. 49-53]. По мнению Ямаура, керамика первого и второго типов соответствует стилю *эсутору* (по Т. Ниикока), а третьего – стилю *эноура* [Там же, с. 55, 131]. Он делает вывод, что стиль *эсутору* оказал непосредственное влияние на формирование *сусуйской* керамики, которая возникла в результате слияния *эсутору* (гребенчатые оттиски, круглое дно) и стиля *кохоку* (веревочные оттиски, плоское дно) [Там же, с. 58].

Таким образом, в японских исследованиях этого периода закрепляется традиция: шнуровые оттиски в *сусуйской* керамике связывать с традициями *дзёмона* и *эпидзёмона* Японских островов, а гребенчатые – с континентальным влиянием.

На четвертом этапе (1986–2001 гг.) наиболее важные для нашей темы работы проводились на северном Сахалине сотрудниками СОКМ и Сектора первобытной археологии ИИАЭ ДВО АН СССР. Этапным результатом стало выделение *северо-сахалинской* археологической культуры [Шубина, Жущиховская, 1986, с. 17].

В нее были включены материалы памятников северо-восточного и северо-западного побережий, а также местонахождений в долине р. Тымь. Источниковую базу составили коллекции Сахалинского и Охинского музеев, а также сборы краеведов А. С. Колосовского и С. В. Горбунова, то есть преимущественно материалы разведок [Там же, с. 16–17].

Позднейшие исследования показали, что морфология этих сосудов соответствует *набильскому* типу, тогда как декор может быть связан с *набильской*, *пильтунской* или *большебухтинской* традициями [Дерюгин, 2010,

с. 251; Василевский, Грищенко, 2012, с. 37–39; Пашенцев, 2021, с. 69]. Учитывая хронологический разрыв между этими культурами, выделение смешанных типов, сочетающих, по мнению авторов, «некоторые черты орнаментики *северо-сахалинской* культуры и плоскодонность сосудов, характерную для *имчинской* культуры» [Шубина, Жущиховская, 1986, с. 17], вызывает сомнения.

В последующих публикациях О.А. Шубина включила в состав *северо-сахалинской* неолитической культуры материалы поселений Кадыланья 1 и Сабо 1 (по приводимой нумерации – Кадыланья 3 и Сабо 8), исследованных В. А. Голубевым в 1978 г. [Шубина, 1988, 1990]. О. А. Шубина дополнила характеристику культуры описанием жилищ и каменного инвентаря, однако «пластинки правильной огранки» [Шубина, 1988, с. 25; 1990, с. 112], бесспорно, относятся к ранне-неолитическим горизонтам (VII–V тыс. до н. э.) [Грищенко, 2011, с. 93–94] и не связаны с комплексами I тыс. до н. э. Позднее, в своей диссертации 1990 г., А. А. Василевский отметил разновременность признаков, объединенных в *северо-сахалинскую* неолитическую культуру [Василевский, 1990, с. 53].

В 1991 г. О. А. Шубина провела раскопки четырех жилищ на поселении Северо-Сахалинск 1 и включила этот комплекс в *северо-сахалинскую* неолитическую культуру, датировав его III-I тыс. до н. э. [Шубина, 1992, с. 125-126]. Судя по описанию, в жилищах представлена керамика двух или трех типов: толстостенные (0,8-1,0 см) плоскодонные сосуды «с органической примесью животного происхождения» и валиками; тонкостенные (0,3-0,5 см) сосуды с примесью кварц-полевошпатового песка; отдельные фрагменты с шамотом.

Однако из описания неясно, относятся ли второй и третий типы к разным традициям или к одной. Орнамент также сочетает разнородные элементы: крупно- и мелкозубую гребенку, ямочные вдавления, подтреугольные и полуовальные оттиски [Там же, с. 125–126]. Все это ставит под сомнение как культурную однородность материалов Северо-Сахалинска 1, так и их

включение «в круг стоянок *северо-сахалинской* неолитической культуры» [Там же, с. 126].

После получения серии радиоуглеродных дат в начале XXI в. представления об абсолютной и относительной хронологии культуры были пересмотрены. Её стали относить к раннему железному веку или переходному периоду, исключив определение «неолитическая» из названия [Василевский и др., 2004, с. 47–50; Vasilevsky, Shubina, 2006, p. 166]. Было отмечено, что эта культура не предшествует *сусуйской*, а сосуществует с ней [Vasilevsky, Shubina, 2006, p. 165].

Анализ показывает, что в основу *северо-сахалинской* культуры были положены материалы, носившие предварительный характер: сначала открытые комплексы (подъемные сборы, несистемные работы), затем материалы небольших раскопок, при интерпретации которых не всегда разграничивались разнородные комплексы. Главной причиной было отсутствие систематических исследований на севере Сахалина. Предварительный характер этого объединения впоследствии отмечала и один из его авторов [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 50]. В итоге в рамках одной концепции оказались объединены комплексы, отличные как от культур южного Сахалина, так и от *имчинской* неолитической культуры. На том этапе она имела определенную познавательную ценность, позволяя ставить вопрос о связях юга и севера. Однако с накоплением источников стало очевидно, что концепция объединяет разнородные материалы и требует пересмотра.

На пятом этапе (2002 г. – настоящее время), вследствие накопления источников и исследования новых комплексов, происходит выделение ряда культур и керамических типов, в том числе *набильской* культуры.

В центре внимания исследователей оказались вопросы соотнесения различных комплексов I тыс. до н. э. и происхождения культур палеометалла, прежде всего *сусуйской*. В феврале-марте 2002 г. в Хоккайдском университете состоялся 5-й симпозиум по *охотской* культуре. В докладе «Сусуя и Эпи Дземон» А. А. Василевский высказал тезис о том, что слои раннего *эпидземона*

залегают на одном уровне или глубже *сусуйских*. Так, согласно приводимым данным, на дюнах Усть-Айнского 1 первоначально залегают слои с плоскодонной неорнаментированной керамикой, выше – слои с *сусуйской* керамикой, а между ними – слои с гребенчатой керамикой из разрушенного жилища [Василевский, 2002, с. 92–93]. На этом основании А.А. Василевский высказал идею формирования *сусуйской* культуры в середине I тыс. до н. э. как генетически связанной с *северо-сахалинской*, но воспринявшей орнаментальные традиции *эпидземона* [Там же, с. 93].

В том же году вышла монография Усио Маэда, посвященная *охотской* культуре. Исследователь традиционно выделяет в ней ранний (*сусуйский*) период, но материалы *сусуйской* культуры рассматривает как самостоятельный объект исследования (без смешения с позднейшими), применяя комплексный подход и привлекая данные памятников южного Сахалина, а также островов Монерон, Рисир, Ребун и Хоккайдо [Маэда, 2002, с. 208].

У. Маэда выделяет пять хозяйственных типов, каждому из которых соответствует особое расположение поселений. Он приходит к выводу о трансформации стратегии расселения носителей *сусуйской* традиции: от побережий внутренних водоемов к морскому берегу, что способствовало активизации контактов с носителями культур *эпидземона*, у которых были заимствованы техники приморской адаптации [Там же, с. 132]. Подтверждением служит генетическая связь *сусуйских* гарпунов с *эпидземонскими* [Там же, с. 132], а также наличие элементов *эпидземонской* керамической традиции в *сусуйской* [Там же, с. 186].

Рассматривая керамику *сусуйского* типа, У. Маэда отмечает, что её форма и вогнутая внутрь кромка венчика определяются *сахалинским (эсутору)* типом, характерным для севера острова [Там же, с. 191]. Он заключает, что *сусуйскому* периоду предшествовали культуры *кохоку* и *анива (эпидземон)*, а сложение *сусуйской* традиции произошло в результате слияния этого населения с носителями гребенчатой керамики типа *эсутору* [Там же, с. 208].

Таким образом, оба исследователя формулируют сходные концепции: *сусуйская* культура формируется в результате слияния носителей культур *эпидземона* (*анивской*, *кохоку*) и гребенчатой керамики северного Сахалина, которая на этом этапе рассматривалась в рамках *северо-сахалинской* культуры. При этом А.А. Василевский считает субстратом *северо-сахалинскую* культуру, а У. Маэда – культуры *эпидземона*.

Собственную концепцию предложил Тосиаки Кумаки, основываясь на выделении керамических типов и сопоставлении декора и морфологии сосудов. Он сделал важное наблюдение о тенденции к упрощению орнаментов в керамике *сусуйского* типа [Кумаки, 2003, с. 59; 2004, с. 167], а также использовал метод относительной хронологии и стратиграфические данные.

Кумаки считает не обоснованным выделение Т. Ниикока типа *эсутору* как северного варианта с гребенчатым орнаментом, полагая, что тот использовал керамику как раннего, так и позднего этапов *сусуйской* культуры [Кумаки, 2003, с. 59]. Ранее, изучая керамику типа *сусуя* на севере Хоккайдо и прилегающих островах, Кумаки предположил, что остродонные сосуды этого типа наследуют плоскодонным [Кумаки, 1996, с. 18]. Ту же последовательность он проследил на Сахалине.

Предлагаемая периодизация базируется на последовательной смене трех типов керамики. Для первого периода на юге Сахалина и Хоккайдо характерны плоскодонные (А1) и остродонные (А2) сосуды, декорированные парными оттисками шнура и проколами под венчиком, орнаментальная полоса широкая (тип А), начинает распространяться гребенчатая керамика (тип В) и происходит контакт между ними. На севере в этот период распространена керамика типа *хандуза*, собранная Р. Торией на северном Сахалине в 1920-е гг. Во второй период форма сосудов керамики типа А изменяется на остродонную (А2), что происходит под влиянием контактов с носителями керамики типа В и керамики типа *хандуза*. Керамику типа *хандуза* исследователь считает древнее керамики типа В. В третьем периоде происходит упрощение композиций, распространяется керамика типа С и начинает доминировать

гребенчатый орнамент. Во второй половине третьего периода *сусуйская* керамика, по его мнению, начинает приобретать морфологические черты сосудов типа *товада* [Кумаки, 2003, с. 58–59].

Модель Т. Кумаки достаточно точно отражает трансформацию керамики *сусуйской* культуры. Важным представляется вывод о поэтапном сращивании шнуровой (южной) и гребенчатой (северной) орнаментации [Кумаки, 2004, с. 185]. Последующие радиоуглеродные датировки в целом подтвердили данную периодизацию, что говорит о прогностической ценности применённого метода. Большую роль сыграло введение им понятия «керамический тип *хандуза*», позволившего смоделировать взаимодействие севера и юга Сахалина.

Вместе с тем концепция Т. Кумаки не лишена недостатков. Так, гребенчатая орнаментация на плоскодонной керамике, отнесенная им к типу А, по-видимому, появляется уже на раннем этапе *сусуйской* культуры, на что указывают AMS-датировки материалов поселения Белокаменная-часи. Возможно, это говорит о более ранних контактах носителей гребенчатой и шнуровой традиций на юге Сахалина, чем предполагал исследователь.

В 2005 г. Кацухико Кияма ввел в научный оборот материалы сборов на поселении Усть-Айнское 1 (1997 г.). По его мнению, они указывают на возникновение *сусуйской* керамики в результате слияния разных гончарных традиций [Кияма, 2005, с. 7]. Керамика происходит из двух местонахождений: из мелиоративной траншеи (развал остродонного сосуда и донная часть плоскодонного) и из осыпи дюны (развалы двух остродонных сосудов). Все материалы Кияма относит к *сусуйским*, применяя для их датировки периодизацию Т. Кумаки: остродонные сосуды – к типу В, плоскодонную часть – к типу А [Кияма, 2005, с. 12]. Публикуемые К. Кияма материалы имеют большую ценность для понимания инфильтрации носителей *набильской* культуры на юг острова. Сосуды из разрушенного жилища на дюне соотносятся с керамикой *набильской* культуры [Пашенцев, 2021, с. 64-65].

Работа И.С. Жущиховской посвящена взаимодействию *сусуйской* и *северо-сахалинской* культур. На основе изменений в гончарстве она прослеживает культурно-исторические процессы переходного периода от неолита к палеометаллу, анализируя керамику *сусуйской* и *охотской* культур [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 42]. Исследователь понимает историко-культурный процесс как стадияльное развитие, представленное сменой культур: охотская культура наследует *сусуйской*, воспринимая её традиции [Там же, p. 44].

Сусуйская культура, по мнению Жущиховской, наследует традициям различных неолитических культур от Восточной Сибири до Японии. С северным влиянием она связывает гребенчатый декор, округлые и заостренные днища; с южным – шнуровой декор, наlepную технику, ангобирование, использование крупнозернистого песка в тесте, усеченно-коническую форму дна. Интеграция этих элементов на разных памятниках проявлялась по-разному: на одних преобладали южные черты, на других – северные [Там же, p. 47-55]. При этом технология гончарства *сусуйской* культуры, по её данным, не выходит за рамки неолита [Там же, p. 56].

Масахиро Фукуда рассматривает археологические культуры региона во взаимосвязи с природными зонами [Фукуда, 2007, с. 18]. На Сахалине он выделяет зону смешанных лесов на юге и таежную на севере. Культуры, предшествующие *сусуйской*, распространялись в пределах этих зон, образуя, по его терминологии, «биполярную композицию» [Там же, с. 137]. В соответствии с ней, культуры с гребенчатой керамикой севера (*северо-сахалинская*, тип *хандуза*) связаны с *урильской* культурой Приамурья, а южные (*анивская*) - с *эпидземом* [Там же, с. 135-136]. Формирование *сусуйской* культуры в результате слияния гребенчатой и шнуровой традиций, по мнению Фукуда, разорвало эту биполярность и создало предпосылки для сложения *охотской* культуры [Там же, с. 197].

Актуальность идей М. Фукуда подтверждается новыми исследованиями: на северном Сахалине обнаружена керамика *какорминского* типа, которую

одни исследователи связывают с *урильской* культурой [Грищенко, 2015б, с. 122; Дерюгин, 2020, с. 82], тогда как другие рассматривают как синкретичное явление в рамках *урило-польцевского* круга [Яншина, 2013, с. 318-330].

Набильская культура была выделена А.А. Василевским на основе раскопок группы поселенческих комплексов; её характеристика дана коллективом исследователей СЛАЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ [Василевский и др., 2005б, с. 17]. Источниковую базу составили материалы поселений Старый Набиль, Чайво 1, 6 и Джимдан 5. Основные признаки культуры:

1. жилища полуподземного типа с котлованами четырех- и пятиугольной формы, включая двухкамерные с соединительным тоннелем;
2. керамика *набильского* типа представлена остродонными сосудами, у которых диаметр устья, как правило, превышает высоту; орнамент выполнен гребенчатыми оттисками в виде параллельных линий, коротких диагональных линий и отдельных оттисков;
3. немногочисленные каменные орудия обработаны ретушью и шлифовкой; среди них выделяются черешковые и рукояточные формы, уплощенные в сечении шлифованные тесла [Там же, с. 17].

Отмечены прямые аналогии в декоре *набильской* и *сусуйской* керамики, а также случаи их совместного залегания в культурных слоях [Там же, с. 16–17].

В другой работе того же коллектива [Василевский и др., 2005а] приводятся аргументы, разграничивающие *набильскую* и *сусуйскую* культуры:

- 1) наличие в *набильской* культуре двухкамерных жилищ с тоннельным коридором;
- 2) только остродонная керамика с гребенчатым орнаментом в *набильской* против сочетания плоско- и остродонных сосудов со шнуровым декором в *сусуйской*. Авторы делают вывод о раздельном существовании традиций шнуровой и гребенчатой орнаментации [Там же, с. 55-56].

В статье 2008 г. хронологические рамки *набильской* культуры были определены от середины I тыс. до н. э. до рубежа эр, и постулировано сосуществование *набильской* и *пильтунской* культур на северном Сахалине [Vasilevski et al., 2008, p. 74].

Позднее хронология была уточнена: X в. до н. э. – I в. н. э. [Василевский, Грищенко, 2012, с. 37; История Сибири, 2019, с. 159]. Также была высказана гипотеза о наличии в *набильской* культуре парных поселений – зимних и летних [Высоков и др., 2008, с. 181; Василевский, Грищенко, 2012, с. 34; История Сибири, 2019, с. 157].

Несколько иную трактовку *набильской* культуры предложил В. А. Дерюгин. Признавая правомерность её выделения, он считает, что в круг *набильской* керамики следует включить и круглодонные профилированные сосуды с гребенчатыми оттисками, относимые к *пильтунской* культуре. В качестве аргумента он приводит материалы жилища № 48 поселения Лебединый 1, керамика которого, по его мнению, содержит элементы, сближающие её с *набильской* [Дерюгин, 2010, с. 251-252].

Доводы В. А. Дерюгина имеют определенные основания для материалов позднего этапа *набильской* культуры, в керамике которого действительно прослеживаются некоторые элементы *пильтунского* стиля [Пашенцев, 2021а, с. 67; 2021б, с. 141]. Однако на раннем и среднем этапах таких элементов не зафиксировано [Пашенцев, 2012; Грищенко, Пашенцев, 2021; Пашенцев, 2021а]. Что касается жилища № 48 поселения Лебединый 1, то материалы данного комплекса действительно в целом относятся к *пильтунской* культуре, но при этом содержат отдельные набильские черты. Учитывая, что возраст этого жилища соответствует позднему этапу *набильской* культуры, описываемое смешение можно интерпретировать как инфильтрацию элементов *набильского* стиля в декор керамики *пильтунской* культуры.

В 2013 г. вышла статья Тосихико Кикиути, в которой *набильская* и *пильтунская* культуры рассматриваются во взаимосвязи с *токаревской* культурой северного Приохотья. Объединяющим элементом исследователь называет декор и морфологию керамики. При этом, по его мнению, распространение гребенчатой керамики шло с северного Сахалина в северное Приохотье [Кикиути, 2013, с. 26].

На конференции Археологического общества Хоккайдо в 2015 г. были представлены доклады, важные для понимания *набильской* культуры. М. Фукуда, опираясь на материалы стоянки Голый Мыс 1, сопоставил абсолютную хронологию *набильских* и *пильтунских* комплексов с нижнеамурскими материалами. По его мнению, *набильская* культура синхронна *урильской*, а *пильтунская* – *урильской*, *соргольской* и *большебухтинской* [Фукуда, 2015, с. 19]. Это наблюдение указывает на более раннее появление круглодонной керамики на Сахалине, чем в Нижнем Приамурье.

Т. Кумаки в своем докладе обосновывал существование «сахалинского пути» — торгово-обменного маршрута, связывавшего Хоккайдо и Сахалин с континентом. Он обратил внимание на появление остродонной керамики с гребенчатым декором на Хоккайдо, отметив, что в рассматриваемый период этот путь находился в стадии формирования [Кумаки, 2015, с. 38].

Таким образом, в японской традиции керамика, ныне относимая к *набильской* культуре, фигурировала в разных терминологических рамках: как часть «сахалинского типа» (Т. Ниюка), «керамика типа *хандуза*» (Т. Кумаки) или включалась в ранние этапы *сусуйской* культуры (К. Кияма). Это отражает процесс постепенного осознания её самостоятельной роли, задолго до формального выделения *набильской* культуры в российских исследованиях начала XXI в.

Подводя итог, отметим историографический разрыв в изучении *набильской* культуры: значимость материалов с гребенчатой керамикой была осознана исследователями достаточно рано, однако раскопки стратифицированных комплексов начались лишь в XXI в. Выделение культуры в начале 2000-х гг. позволило объединить разрозненные материалы, определить характер и развитие комплексов, выделить этапы и проследить взаимодействия с культурами севера, юга Сахалина и сопредельных континентальных территорий.

История изучения *набильской* культуры отражает общую тенденцию в исследовании эпохи палеометалла Сахалина: от фрагментарных сборов и гипотез о культурных заимствованиях к системному изучению на основе исследования стратифицированных комплексов. Выделение *набильской* культуры сняло вопрос о культурной принадлежности «гребенчатой керамики» и подтвердило культурное разнообразие региона в I тыс. до н. э.

1. 4. Источниковедческий анализ опорных комплексов *набильской* культуры

Основу источниковой базы настоящего исследования составляют материалы, полученные в ходе стационарных археологических раскопок семи ключевых памятников, расположенных в северной и южной частях острова Сахалин. Эти объекты, исследованные в период с 2004 по 2015 гг., представляют собой условно закрытые комплексы (преимущественно жилища и прилегающие к ним пространства), что обеспечивает высокую степень достоверности их культурно-хронологической атрибуции. Ниже приводится подробная характеристика каждого из этих опорных памятников.

Поселение Джимдан 5 имеет ключевое значение для характеристики раннего этапа *набильской* культуры, представляя собой комплекс синхронных жилищ. Памятник располагается на северо-востоке острова Сахалин (Рис. 13-15), в юго-восточной части Северо-сахалинской равнины [Атлас..., 1967, с. 55]. Поверхность последней наклонна от подножий тектонических гор Даги, Перимпала и Дагинского хребта на западе к побережью Ныйского залива на востоке. Рельеф равнины осложнён холмами и увалами, сформированными денудационными процессами. Поселение находится в 5 км от места впадения р. Джимдан в Ныйский залив Охотского моря.

Памятник насчитывает 25 выраженных в рельефе впадин — остатков древних полуподземных жилищ и хозяйственных ям. Он расположен на южном склоне пологого денудационного увала высотой 27-28 м над уровнем

моря. Увал возвышается над заболоченной поймой реки Джимдан, ограничен с севера долиной ручья Горелый, с юга – долиной реки Джимдан. На данном участке долина реки расширяется до 1 км, образуя заболоченную маршевую низменность. Она сформировалась в субаквальных условиях обширной лагуны, существовавшей здесь в среднесуббореальную фазу послеледниковой трансгрессии Охотского моря [Микишин, 2006, с. 7]. С точки зрения геоботанического районирования, описываемая территория относится к Северо-Сахалинскому флористическому району Охотско-Камчатской провинции Циркумбореальной области [Тахтаджян, 1978, с. 48-49; Крестов и др., 2004, с. 7-8]. Поверхность увала сложена хорошо дренируемыми супесчаными грунтами, на которых сформировались почвы подзолистого типа.

Культурные напластования на памятнике характеризуются малой мощностью (от 30 до 70 см) и подзолистым типом почв, типичным для Северного Сахалина. В стратиграфии раскопа площадь которого составила 302 кв. м выделяются три основных горизонта:

Слой 1 (современный горизонт) - дерн и подстилающий его светло-серый подзол (горизонт выщелачивания) мощностью 5-12 см. Находки в этом слое являются перемещенными.

Слой 2 (основной культуросодержащий горизонт) - мешаная супесь желто-коричневого цвета. Представляет собой заполнение жилищных впадин. Слой сформирован при их строительстве и последующей археологизации объектов. Мощность его варьирует от 4 до 40 см, увеличиваясь в границах западин. К этому слою приурочен основной комплекс находок *набильской* культуры.

Слой 3 (археологический материк) - легкая супесь, в верхней части которой *in situ* зафиксированы объекты (полы жилищ, ямы, очаги). Слой стерилен.

Для профилей разрезов характерна выраженная дифференциация, где четко выделяются органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты.

Подобная структура разреза характеризует подзолистый тип почв, широко представленный на Северо-сахалинской равнине. Данная почва формируется на песках, для которых характерен промывной режим, бедность горных пород окислами и почвообразование в условиях кислой реакции среды [Ивлев, 1977, с. 50-51, 68]. Последняя объясняется гумидным характером климата, низким содержанием питательных веществ и оснований в подстилке, преобладанием грибной микрофлоры, что приводит к интенсивному образованию кислот [Щеглов, Брехова, 2016, с. 45].

В ходе раскопок полностью изучены остатки трех жилищ (№1-3), расположенных компактной группой несколько поодаль от основного поселения. Все они представляют собой слабоуглубленные (до 0,3 м) впадины подквадратной формы, площадью 18-21 м². Зольники во всех трёх жилищах устроены на естественном или искусственном возвышении и, судя по форме углистых пятен, были обложены плахами. В жилищах 1 и 2 зафиксированы наземные выходы, ориентированные в юго-восточном направлении, а в стенах – небольшие ниши. В жилищах и вокруг них зафиксировано 117 ям различного диаметра и глубины. Столбовые ямы глубиной 20-50 см дополняются более мелкими ямами, что указывает на сложную конструкцию кровли и долговременность обитания жилищ. Часть ям содержала скопления керамики. Вокруг жилищ и в межжилищном пространстве выявлены скопления артефактов и дебитаж.

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют об одновременности всех трех исследованных построек, врезанных в слой 3 и перекрытых единой толщей отложений.

Коллекция артефактов отличается высокой степенью однородности. Общая численность коллекции из раскопа 1 составляет 1632 артефакта. Наиболее массовой категорией находок выступает керамика. Она представлена исключительно фрагментами лепных остродонных сосудов *набильского* типа. Керамика тонкостенная (3-5 мм), с примесью кварц-полевошпатового песка. Археологически целые формы реконструированы из

скоплений керамики в жилищах 1 и 2. Сосуды овалоидной формы, широкогорлые. Их венчики прямые или вогнутые, часто с закраиной. Орнамент выполнен преимущественно гребенчатыми оттисками, он локализован в верхней части сосудов и образует линейно-геометрические композиции.

Каменный инвентарь изготовлен из местного сырья, такого как кремь (яшмоид) сургучного и светло-серого цветов, кварцит, сланец. Наиболее выразительные категории каменного инвентаря представлены шлифованными рубящими орудиями, такими как долота, тесла, топоры; ретушированными изделиями, такими как наконечники стрел, скребки, бифасы, а также продуктами первичного расщепления (отщепы, сколы, в т. ч. с галечной коркой). Вспомогательный инвентарь представлен отбойниками, абразивами, терочниками.

Датировка памятника основана на типологическом анализе керамического комплекса и серии радиоуглеродных дат. По образцам угля из очагов получены радиоуглеродные даты, которые долгое время оставались дискуссионными из-за противоречивости результатов. Ситуация прояснилась после AMS-датирования нагара с керамики (2840 ± 20 BP и 2800 ± 40 BP), что в совокупности с датой СОАН-5817 (2815 ± 50 BP) позволяет отнести жилища к X-IX вв. до н. э. (подробнее см. параграф 2.2).

Как исторический источник, поселение Джимдан 5 следует рассматривать как полузамкнутый (или условно закрытый) комплекс [Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]: три синхронных жилища с непотревоженными полами (слой 3) и заполнением (слой 2) дают надежную ассоциацию артефактов, залегающих *in situ*. Хотя жилища не являются результатом одномоментного события, их одновременное функционирование и последующая единовременная археологизация в сочетании с четкой стратиграфией и отсутствием признаков других культур обеспечивают высокую достоверность культурно-хронологической атрибуции. Отсутствие

признаков других культур и четкая стратиграфия позволяют отнести его к первичным комплексам [Там же, с. 56].

Поселение Чайво 6 важно прежде всего своими стратиграфическими данными, которые позволяют надежно обосновать относительную хронологию *набильского* и *пильтунского* комплексов на раннем этапе. Оно также расположено в северо-восточной части острова Сахалин, в 1,7 км к западу от побережья залива Чайво Охотского моря (Рис. 13, 16-18). Памятник находится на субгоризонтальной поверхности 12-13-метрового увала на левом борту долины безымянного ручья. Поселение приурочено к северо-восточному борту долины небольшого безымянного ручья, с широкой поймой, в период суббореальной трансгрессии вероятно являвшейся дном проточного озера [Микишин, 2006, с. 7]. В ходе раскопок пункта 1 данного поселения, проведенных в 2004 г., исследована группа из трех жилищ. Жилище 1, в районе которого обнаружен комплекс *набильской* культуры расположено возле бровки увала, жилища №№ 2-3 отстоят от него на 30 метров. Высота над поймой составляет 10 м. Растительный покров представлен лиственничным редколесьем с участием кедрового стланика и лишайниковым покровом – наиболее широко распространённый тип растительности Северо-сахалинской равнины [Крестов и др., 2004, с. 8].

Таким образом, геоморфологическая позиция аналогична другим поселениям *набильской* культуры, однако стратиграфия и состав комплексов отличаются большей сложностью. Культурный слой поселения имеет мощность от 10 до 70 см. В стратиграфии раскопа, общая площадь которого составила 722 кв. м (раскопы 1 и 2), выделяются четыре основных горизонта:

Слой 1 (современный горизонт) - дерново-почвенный горизонт и подстилающая его светло-серая подзолистая супесь мощностью 2-12 см. Находки в этом слое являются перемещенными.

Слой 2 - мешаная супесь желто-коричневого цвета, представляющая собой заполнение жилищных котлованов и формирующая обваловку жилищ. Слой сформирован при строительстве жилищ и их последующем разрушении.

Мощность горизонта варьирует от 5 до 50 см, достигая максимума в границах западин и под плечиками жилищных впадин. К этому слою приурочена основная масса находок, однако они залегают в переотложенном состоянии.

Слой 3 - темно-серая супесь, фиксирующая уровень пола жилищ. Мощность слоя в среднем незначительна (до 3 см), увеличиваясь до 10-20 см в «треугольных» отложениях под плечиками. К этому слою приурочены находки *in situ*, связанные с временем существования построек.

Слои 2 и 3 представляют собой основной культуросодержащий горизонт в раскопах.

Слой 4 (археологический материк) представлен плотной светло-желтой супесью, в которую врезаны котлованы жилищ и окружающие ямы. Слой стерилен.

Для профилей разрезов характерна выраженная дифференциация, где четко выделяются органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты. Подобная структура разреза характеризует подзолистый тип почв.

В ходе раскопок полностью изучены остатки трех жилищ (№ 1-3) и межжилищное пространство. Все постройки представляют собой слабоуглубленные (до 0,3-0,8 м от уровня древней поверхности) каркасно-столбовые полуземлянки подквадратной или прямоугольной формы, ориентированные углами по сторонам света. Площадь построек варьирует от 50 до 99 кв. м. Очаги во всех жилищах кострового типа, устроены на естественном или искусственном возвышении. В жилищах 2 и 3 зафиксированы наземные выходы в виде коридоров, а также следы перестроек и расширения котлованов. В жилищах и вокруг них выявлено 117 ям различного диаметра и глубины (от 4 до 80 см), включая столбовые ямы несущих опор, хозяйственные ямы и приочажные ямки.

Стратиграфические наблюдения и анализ планиграфии свидетельствуют о многокомпонентности культурного слоя (Рис. 18). Основной массив находок, а также конструкции жилищ связаны с *пильтунской* археологической культурой. Ключевое значение для настоящего исследования имеет

обнаружение небольшого углистого пятна подквадратной формы, размерами 0,5×0,5 м (раскоп 1, кв. 7/6). Данное пятно располагается ниже уровня пола жилища *пильтунской* культуры и представляет собой остатки более раннего, разрушенного при сооружении котлована жилища, объекта (предположительно хозяйственной ямы или погребения). Заполнение этого объекта содержало исключительно керамику *набильского* типа, также керамика *набильского* типа разбросана вдоль периметра котлована жилища. Данный стратиграфический контекст имеет принципиальное значение, фиксируя относительную древность *набильского* комплекса по отношению к *пильтунскому* горизонту.

Комплекс артефактов неоднороден по культурной принадлежности. Общая численность коллекции составляет 1632 артефакта. Наиболее массовой категорией является керамика. Керамика из углистого пятна под полом жилища 1 полностью идентична материалам раннего этапа *набильской* культуры, известным по поселению Джимдан 5. Она представлена фрагментами тонкостенных (3-5 мм) лепных остродонных сосудов с примесью кварц-полевошпатового песка. Венчики прямые или слабоогнутые, орнаментированы преимущественно гребенчатыми оттисками, образующими зигзагообразные и линейно-геометрические композиции, а также овальными вдавлениями. Каменный инвентарь из этого контекста малочислен и представлен отщепами.

Датировка раннего *набильского* комплекса на поселении Чайво 6 основана на радиоуглеродном анализе образца из углистого пятна под жилищем 1. Получена дата 2955±80 ВР (СОАН-5830). Калиброванный возраст этой пробы (с вероятным интервалом в X-IX вв. до н.э.) не противоречит типологической датировке раннего этапа *набильской* культуры, установленной по материалам поселения Джимдан 5 (2840±20 ВР, 2800±40 ВР). Прочие радиоуглеродные даты, полученные по образцам из жилищ 1 и 3 (СОАН-5828, 5829, 5831), относятся к *пильтунскому* культурному горизонту

и имеют более поздний возраст (VIII-I вв. до н.э.), что подтверждает стратиграфически зафиксированное сопоставление двух культурных комплексов.

Как исторический источник, Чайво 6 важен прежде всего своими стратиграфическими данными. *Набильский* комплекс залегает здесь не в первичном, а во вторичном контексте [Классификация в археологии, 2013, с. 13], так как он был частично разрушен при строительстве *пильтунского* жилища, что ограничивает возможность использования данного комплекса для количественного анализа. Однако его положение ниже *пильтунского* горизонта фиксирует относительную хронологию, что позволяет использовать этот памятник для построения относительной хронологической шкалы [Там же, с. 24-25].

Поселение Чайво 1 является эталонным для реконструкции конструктивных особенностей двухкамерных жилищ и характеристики среднего этапа *набильской* культуры. Располагается на северо-востоке острова Сахалин в восточной части Северо-сахалинской равнины, на западном берегу залива Чайво Охотского моря (Рис. 13, 19-20). Памятник является одним из крупнейших на северном Сахалине. Общая площадь объекта археологического наследия составляет 275 713 м² (27,57 га). В границах памятника визуально фиксируется 253 впадины древних жилищ, 238 хозяйственных ям и один курган, распределённых по поверхности двух разновысотных береговых террас: аккумулятивной (высотой 3-6 м над урезом воды) и абразионной (10-14 м). Террасы сложены хорошо дренируемыми супесчаными грунтами с почвами подзолистого типа.

К *набильской* археологической культуре относится комплекс жилища 187, исследованного в 2004 г. Оно расположено в 0,17 км от берега залива Чайво, на субгоризонтальной поверхности аккумулятивно-абразионной террасы, образующей второй (верхний) уровень прибрежных террас Чайвинского залива. Высота поверхности над урезом воды в заливе составляет 8 м. Растительность представлена лиственничным редколесьем. Микрорельеф

бугристый, сформированный деятельностью древесных растений, отмечаем рыхлые и слабо-укрепленные песчаные грунты.

Исследования разных лет показали, что поселение содержит культурные слои, относящиеся к различным эпохам: от неолита до нового времени [Василевский и др., 2004, с. 16; Шубина, 2011, с. 24; Можяев, 2011, с. 185]. Стратиграфия, изученная в раскопах 2004 и 2010 гг., характеризуется следующими горизонтами:

Слой 1 (современный горизонт) - лесная гумусированная подзолистоглеевая почва, подстилаемая подзолистым горизонтом выщелачивания светло-серого цвета. Мощность 2-12 см. Находки в этом слое являются перемещёнными в результате биотурбаций.

Слой 2 – мешаная супесь коричневого цвета с включениями углей и углистых линз. Представляет собой заполнение жилищных западин и обваловку стен котлованов, сформированную при их строительстве и последующем разрушении. Мощность варьирует от 15 до 60 см. Слой содержит смешанные находки разных эпох.

Слой 3 – песок тёмно- или зеленовато-серого цвета, фиксирующий уровень пола жилищ. Мощность в среднем незначительна (до 3 см), увеличиваясь до 10-15 см в «треугольных» отложениях под плечиками. К этому слою приурочены находки *in situ*, связанные с временем существования построек.

Слой 4 (археологический материк) - ожелезнённый песок жёлто-бурого цвета, с серыми пятнами. Слой стерилен.

Для профилей разрезов характерна выраженная дифференциация, где четко выделяются органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты. Данная структура разреза характеризует подзолистый тип почв. Стратиграфия жилища 187 отличается чёткостью. В разрезах фиксируется перекрытие пола жилища (слой 3) толщей обваловки (слой 2), которая, в свою очередь, перекрыта дерново-подзолистым слоем.

Жилище 187 представляет собой двухкамерную постройку. Его северная (большая) жилая камера имела подквадратную форму размеры 10×10 м и углублена в землю на 0,7-0,8 м. В центре большой камеры зафиксирован очаг кострового типа (размером около 150×150 см). Вокруг очага и по периметру выявлена сложная каркасно-столбовая конструкция с тремя ярусами обвязки кровли. В северо-восточной стене большой камеры выявлены две ниши, предположительно хозяйственного назначения. Южная (малая) камера имела пятиугольную форму, размеры 5,8×4,3 м и соединялась с жилой узким подземным коридором тоннельного типа длиной 2,7 м. Следы очага в этой камере отсутствовали. Вероятно, малая камера использовалась для хранения припасов или как дополнительное жилое пространство.

В жилище и вокруг него зафиксировано 128 ям различного диаметра и глубины, включая столбовые ямы несущих опор каркаса, а также хозяйственные ямы в межжилищном пространстве.

Артефакты жилища 187 эталонные для *набильской* культуры. Керамика из слоя 3 представлена археологически целыми формами и многочисленными фрагментами лепных остродонных сосудов. Сосуды имеют овалоидовидное тулово, открытое широкое устье и вогнутый венчик с закраиной. Они изготовлены из глины с примесью кварц-полевошпатового песка, тонкостенны (3-5 мм). Орнаментальные композиции, выполненные гребенчатым штампом, локализованы в проксимальной части и демонстрируют становление линейно-асимметричного стиля: фризы из взаимно параллельных горизонтальных линий коротких оттисков, а также ряды таких же оттисков на кромке венчика. Каменный инвентарь из слоя 3 немногочислен. Он представлен шлифованными рубящими орудиями (тесла, долота), а также ретушированными изделиями, среди которых выделяется уплощённый листовидный бифас-клинок с выемками-перехватами. Среди индивидуальных находок из слоя 2 выделяется фрагмент диска из жадеита, свидетельствующий о наличии обменных связей с континентальными

культурами. Общая численность коллекции из раскопа 2 составляет 1632 артефакта.

Датировка жилища 187 основана на радиоуглеродном анализе образца древесного угля из очага. Получена дата 2490 ± 40 ВР. Калиброванный возраст этой пробы (наиболее вероятно в пределах VIII - середины V вв. до н.э.) соответствует хронологии среднего этапа *набильской* культуры. Эта дата, в совокупности с зафиксированным в стратиграфии соотношением с *пильтунским* комплексом, позволяет рассматривать жилище 187 как опорный объект для среднего этапа *набильской* культуры.

Как исторический источник, жилище 187 поселения Чайво 1 является полузамкнутым (условно закрытым) комплексом [Клейн, 1978, с. 99; 1991, с. 375; Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]. Его ценность определяется не только находками, залегающими *in situ* на полу (слой 3), но и сохранностью конструктивных элементов – черт (непортативных артефактов) [Там же, с. 12], что делает данный комплекс эталонным для характеристики среднего этапа *набильской* культуры, несмотря на длительный характер его использования в древности.

Поселение Аскасай 7 уникально как полностью исследованное малое поселение, позволяющее анализировать внутреннюю структуру и социальную динамику на среднем этапе развития культуры. Поселение расположено на северо-востоке острова Сахалин, в восточной части Северо-сахалинской равнины, в долине среднего течения реки Аскасай, в 9 км от побережья залива Чайво Охотского моря (Рис. 24-26). Памятник расположен на мысовидном выступе 2-метровой террасы правого (южного) берега реки Аскасай, слабо возвышающемся над заболоченной поймой. Благодаря компактному расположению объектов и их полному попаданию в зону строительства газопровода «Сахалин-3», памятник был полностью исследован раскопками на площади 2025 кв. м. Терраса сложена хорошо дренируемыми супесчаными грунта и с почвами подзолистого типа.

Стратиграфия памятника отличается высокой степенью сохранности. Культурные отложения четко стратифицированы на четыре горизонта:

Слой 1 (современный) - дерн, гумус и подзол. Находки в этом слое являются перемещенными в результате биотурбаций.

Слой 2 – конгломерат лёгких супесей светло-коричневого цвета с включениями углей и углистых линз. Представляет собой заполнение котлованов и обваловку, сформированную после гибели жилищ в результате оплыва стен. Мощность варьирует от 0 до 40 см, выклиниваясь к центру. Слой содержит переотложенный материал.

Слой 3 – супесь тёмно-зелёного цвета с вкраплением углей, фиксирующая уровень пола жилищ. Мощность в центре незначительна (до 5 см), увеличиваясь к стенкам до 10-15 см. К этому слою приурочены находки *in situ*, связанные с временем существования построек.

Слой 4 - заполнение ям под полом жилища № 1, столбовых ям и очагов. Слой содержит находки *in situ*.

Основание (археологический материк) представлено лёгкой ожелезнённой супесью разных оттенков коричневого и жёлтого цветов. Слой стерилен.

Для профилей разрезов характерна выраженная дифференциация, где четко выделяются органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты. Подобная структура разреза характеризует подзолистый тип почв.

В составе поселения полностью исследованы три жилища и восемь хозяйственных ям, расположенных вокруг них. Все постройки представляют собой каркасно-столбовые полуземлянки.

Жилище 1, площадью 34 кв. м (7×7 м), имеет пятиугольную в плане форму, ориентированную выступающим углом на восток. Оно углублено в материк на 0,5 м. На полу и в плечиках зафиксировано 34 столбовые ямы, включая вертикальные (диаметром 20-40 см) и наклонные, что позволяет реконструировать четырёхскатную кровлю. В полу выявлены две глубокие ямы-погребя (в северо-восточном и юго-восточном углах), содержавшие

фрагменты керамики. Очаг, смещённый к восточной стене, имел овальную форму (200×100 см) и был перекрыт мощным слоем прокала.

Жилище 2, площадью 20 кв. м (5,5×4 м), также пятиугольной формы, углублено на 0,5 м. На полу зафиксировано 14 столбовых ям: четыре центральных вертикальных (диаметром 30-40 см) и четыре наклонных в стенах, что также указывает на четырёхскатную крышу. Очаг расположен в центре.

Жилище 3, площадью около 6 кв. м (2,5×2,8 м), имело округлую форму и было углублено на 0,3 м. По периметру котлована зафиксировано 12 столбовых ямок (диаметром около 20 см), что свидетельствует о шатровой конструкции кровли. Очаг овальной формы (110×80 см) смещён от центра к стене.

В составе археологической коллекции из раскопа 1632 артефакта. Преобладает керамика. В жилищах 1 и 2 подавляющее большинство керамики (более 95%) представлено неорнаментированными фрагментами тонкостенных (3-5 мм) лепных остродонных сосудов с примесью песка. Редкие орнаментированные фрагменты ограничены 2-6 горизонтальными линиями гребенчатого штампа. Напротив, в жилище 3 обнаружены остатки двух сосудов с богатым декором: один – с линейно-асимметричным узором, выполненным отступающе-накольчатой техникой, другой – с криволинейным гребенчатым орнаментом на лощеной и полированной поверхности. Каменная индустрия представлена крайне невыразительно, что, по-видимому, характерно для *набильской* культуры. Нуклеусы и дебитаж практически отсутствуют. Находки представлены единичными орудиями – бифасиально обработанными наконечниками, ножами, концевыми скребками, а также отщепами.

Из очагов и ям получена серия радиоуглеродных дат. Опорными для среднего этапа являются определения из жилищ 2 и 3 (2490±50 и 2385±30 л. н.), калиброванный возраст которых укладывается в интервал VIII-V вв. до н. э. Даты из хозяйственных ям и очага жилища 1 (аномально древняя –

3770±50 л. н.) рассматриваются как вспомогательные (подробнее см. параграф 2.2).

Как исторический источник, Аскасай 7 представляет собой полностью исследованное малое поселение, состоящее из трех жилищ и хозяйственных ям. Это комплекс комплексов [Классификация в археологии, 2013, с. 123], где каждый объект является полузамкнутым комплексом. Благодаря полной вскрытой площади и стратиграфической чистоте возможно реконструировать внутреннюю структуру поселения и социальную динамику, что выводит его на уровень археологического комплекса памятников [Там же, с. 56].

Поселение Лебединый 1 предоставляет материал для изучения вариабельности домостроительства и также относится к среднему этапу *набильской* культуры. Памятник расположен на северо-востоке острова Сахалин, в северо-восточной части Северо-сахалинской равнины, в пределах Пильтунской косы – песчаного бара, отделяющего эстуарно-лагунный залив Пильтун от Охотского моря (Рис. 21-23). Коса имеет сложное строение: её северная часть включает абразионный останец цокольной террасы, который в ходе голоценовой прибрежно-морской аккумуляции стал основой для формирования песчаной пересыпи. В рельефе косы выражены террасовидные поверхности уровней 6-10 м, 4-6 м и 2-4 м, осложнённые бугристыми и грядовыми эоловыми формами [Бровко, 1985, с. 8-9; Ременец, Климов, 1981, с. 123-126]. Памятник находится в районе мыса Лебединый, в 1,5 км к юго-западу от побережья Охотского моря и в 0,35 км к северо-востоку от берега залива Пильтун, на полого-наклонной поверхности высотой 4 м над уровнем моря (3 м над уровнем заболоченной низины). В 60 м к востоку от раскопанной части поселения расположена заболоченная низменность с пресноводными озёрами Бивачное, Головка и др., которая в период суббореальной трансгрессии, вероятно, представляла собой крупное палеозеро, к берегу которого приурочена группа археологических памятников (Лебединый 1, Бивачное 1-4, Головка 1). Растительность представлена лишайниково-шикшевыми ассоциациями и зарослями кедрового стланика. Почвы –

подзолистого типа, сформировавшиеся на хорошо дренируемых супесчаных грунтах.

Памятник многослойный, он включает два пункта (южный и северный) и насчитывает в общей сложности более 180 жилищных впадин. В 2007 г. участок памятника исследовался раскопками общей площадью 1204 кв. м в зоне строительства автодороги в рамках проекта «Сахалин-1» (раскопы 1 и 2). В ходе работ исследованы остатки восьми жилищ и сложный многослойный объект № 51, включавший остатки построек разных эпох – от неолита до раннего железного века. Ключевое значение для характеристики *набильской* культуры имеет шестиугольное жилище, впущенное в насыпь объекта № 51.

В стратиграфии раскопа 2, где был изучен объект № 51, представлены следующие горизонты:

Слой 1 (современный горизонт) - лесная гумусированная подзолистоглеевая почва, подстилаемая подзолистым горизонтом выщелачивания светло-серого цвета. Мощность 5-7 см. Находки в этом слое являются перемещёнными биотурбацией.

Слой 2 – заполнение жилищных западин, ям и отложения курганной насыпи; представлен рыхлой супесью коричневого цвета (ожелезнённой) с включениями углей и углистых линз. Мощность варьирует от 20 до 50 см. Слой содержит материал разных эпох, часто переотложенный.

Слой 3 – нижняя часть плотной коричнево-бурой супеси с углями, а также полы жилищ – зеленовато-серый песок с включениями угля. Мощность до 3-5 см, увеличивается на пристеночных участках пола. К этому слою приурочены находки *in situ*, связанные с функционированием построек.

Слой 4 (археологический материк) – песок желто-белесого цвета, местами ожелезнённый, с серыми подзолистыми пятнами. Слой стерилен.

Для всех разрезов характерна чёткая дифференциация на органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты, что типично для подзолистых почв Северо-сахалинской равнины.

Набильский комплекс представлен небольшим жилищем (получившим обозначение «жилище № 51-а»), впущенным в курганный насыпь объекта № 51. Жилище имело в плане форму неправильного шестиугольника со сглаженными углами, размерами 3×3 м и площадью около 5 м². Глубина котлована от уровня древней поверхности составляла 0,6 м. Конструкция каркасно-столбовая: две столбовые ямы зафиксированы вблизи стенок котлована, они указывают на наличие внешнего яруса обвязки кровли. Ещё несколько ям, расположенных в северной части, предположительно служили для установки внутренних элементов жилища. Внутренний ярус обвязки при небольших размерах постройки, вероятно, не требовал дополнительных опор. Очаг кострового типа устроен на искусственном возвышении и смещён к южной стенке. Судя по конфигурации стенок, можно предполагать семиугольную форму наземной части дома, в основе которой лежал четырёхугольник, близкий к квадрату. Кровля, скорее всего, была шатровой.

Артефактов в жилище немного, что характерно для памятников такого типа. Керамика представлена фрагментами остродонных тонкостенных (3-5 мм) сосудов с примесью песка в формовочной массе. Встречены как неорнаментированные фрагменты, так и обломки с линейными композициями, выполненными гребенчатым штампом (преимущественно горизонтальные линии). Каменный инвентарь крайне беден, включает единичные отщепы и сколы; сколько-нибудь выразительных орудий в слое жилища не обнаружено.

Датировка *набильского* комплекса на поселении Лебединый 1 основана на радиоуглеродном анализе образца древесного угля из очага жилища. Получена дата 2395±65 ВР (СОАН-7100). Калиброванный возраст (с учётом последних калибровочных шкал) укладывается в интервал второй половины VIII - первой половины V вв. до н.э., что соответствует среднему этапу *набильской* культуры и синхронизирует данный комплекс с жилищем 187 поселения Чайво-1 и комплексом Аскася 7.

Как исторический источник, жилище *набильской* культуры на поселении Лебединый 1, несмотря на немногочисленность инвентаря, является

полузамкнутым комплексом [Классификация в археологии, 2013, с. 55–56]. Анализ стратиграфии и результаты радиоуглеродного датирования позволяют уверенно констатировать его принадлежность к среднему этапу *набильской* культуры.

Поселение Усть-Айнское 1 имеет исключительное значение как прямое свидетельство миграции носителей *набильской* культуры на юг острова на среднем этапе. Оно располагается в юго-западной части острова Сахалин, в западной части Айнской низменности (Рис. 27-29). Последняя представляет собой пологую денудационно-аккумулятивную прибрежную равнину, значительная часть которой затоплена водами олигогалинного озера Айнское. Озеро Айнское является лагуной закрытого типа, отчленено от моря косой и соединенной с ним длинной протокой. Основой косы, отделяющей озеро Айнское от Татарского пролива, является песчаная пересыпь – бар. Пересыпь имеет ширину от 0,6 до 2 км, расширяясь с юго-востока на северо-запад. В ее рельефе преобладают эоловые формы, образующие покровные песчаные отложения, отдельные дюны и линейные гряды дюн.

С точки зрения геоботанического районирования описываемая территория относится к Западно-Сахалинскому флористическому району Сахалино-Хоккайдской провинции Восточно-Азиатской области [Тахтаджян, 1978, с. 60-61; Крестов и др., 2004, с. 17]. Растительный покров на территории поселения представлен пихтой, кедровым стлаником, кустарниковой березой, шиповником.

Выявленный на поселении Усть-Айнское 1 объект, относящийся к *набильской* археологической культуре, располагается в южной части, линейно выстроенной параллельно берегу озера, гряды песчаных дюн. Превышение кровли гряды над ее основанием 3-4 м, над у. м. – 6-7 м. Несколько взаимно параллельных гряд, разделенных понижениями, являются древними вдольбереговыми валами. Южная часть гряды, к которой приурочен объект *набильской* культуры, разрушена карьером. В ходе выборки карьера частично поврежден культурный слой.

В стратиграфическом разрезе прослеживается следующее чередование естественно-залегающих почвенных горизонтов.

- серо-коричневый мелкий сыпучий, перевеянный ветром песок, укрепленный корнями деревьев, кустарников и травостоя;
- темно-серый песок, окрашенный гумусовыми пигментами с разложившимися остатками растительности;
- светло-серый оподзоленный песок;
- желто-коричневая супесь.

Для профилей разрезов характерна выраженная дифференциация, где четко выделяются органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты. Подобная структура разреза характеризует подзолистый тип почв, широко представленный на Северо-сахалинской равнине и других участках острова. Данный тип почв формируется на песках, для которых характерен промывной режим, бедность горных пород окислами, почвообразование в условиях кислой реакции среды [Ивлев, 1977, с. 50-51, 68].

Поскольку в литературе не приводится однозначной интерпретации характера, исследованного на поселении Усть-Айное объекта на дюне, приведем описание указанного разреза (Рис. 30). Разрез ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Кровля отложений сложена мелким перевеянным серо-коричневым песком эолового генезиса, армированного корнями деревьев и кустарников. Наибольшая мощность слоя (35 см) в северо-восточной части разреза, к юго-западу он уменьшается, и с юго-западной стороны полностью исчезает. Ниже отмечен слой темно серого, окрашенного гумусовыми пигментами песка, содержащего разложившиеся остатки растительности; слой пронизан корнями. Этот слой является горизонтом погребенного эоловыми отложениями дерна. Профиль его имеет вогнутую форму, с северо-восточной стороны выраженный уступ. Мощность 3-6 см. Ниже залегает элювиальный горизонт светло-серого оподзоленного мелкого песка. Горизонт повторяет профиль вышележащего. Его мощность 3-9 см. Ниже, в центральной части разреза, располагалась прослойка серо-

коричневого цвета, состоявшая из пигментированного углем песка. С северо-восточной стороны основание слоя имеет выраженный вертикальный уступ глубиной до 15 см. Аналогичный уступ отмечается на противоположной стороне впадины. Мощность слоя от 4 до 12 см. Нижележащий слой, слагавший заполнение впадины отличался от последнего включениями углей и различиями в структуре. Мощность данного слоя от 13 до 50 см. Прослойка, располагавшаяся в нижней части культурного слоя разреза, отличается более темным цветом, что объясняется наличием в ней углей и углистых линз. Она субгоризонтальная, к краям котлована «западает». Мощность слоя от 3 до 17 (в юго-западной части) см. Подстилающие и окружающие культурный слой отложения состоят из плотного песка серо-коричневого цвета, слагающего аккумулятивное тело древнего вдольберегового вала.

Указанные отложения характеризуют заполнение котлована объекта *набильской* археологической культуры. Судя по размеру (длина 2,6 м), глубине (0,5 м), характеру отложений и обнаруженному материалу, мы интерпретируем этот объект как остатки древнего жилища. Данный вывод подтверждает интерпретацию объекта на дюне А. А. Василевского, одного из руководителей совместных работ 1997 г. [Василевский, 2003, с. 93].

В заполнении жилища обнаружены развалы двух археологически целых остродонных сосудов. Их морфология и орнаментация полностью соответствуют канонам *набильской* керамики: овалоидовидная форма, вогнутый венчик, орнамент в виде линейно-асимметричной композиции из рядов прямых и кривых линий с рядами диагональных оттисков-«подвесок», выполненный пятизубым гребенчатым штампом (Рис. 60-1, 64-3). По нагару с одного из сосудов получена AMS-дата 2540±45 ВР (АА 36621), калиброванный возраст которой приходится на вторую половину VIII – первую половину VI вв. до н.э.

Как исторический источник, объект на поселении Усть-Айнское 1 представляет собой частично разрушенное, но диагностируемое жилище *набильской* культуры. Несмотря на повреждение культурного слоя карьером,

развалы сосудов сохранились *in situ*, что позволяет рассматривать его как полузамкнутый комплекс [Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]. Важнейшее значение памятника заключается в подтверждении миграции носителей *набильской* культуры на юг Сахалина, что делает его ключевым для понимания культурных взаимодействий.

Поселение Мыс Островной, пункт 7 является эталонным комплексом для характеристики позднего этапа *набильской* культуры, демонстрируя изменения в домостроительстве, хозяйственной специализации и появление металла. Расположено на северо-востоке острова Сахалин, в северной части Северо-сахалинской равнины, в пределах Пильтунской косы – песчаного бара, отделяющего одноименный залив от Охотского моря (Рис. 21, 31-32). Памятник находится в западной части косы, в 75 м к востоку от береговой линии залива Пильтун, на 2-3-метровой террасовидной поверхности, образованной морской и лагунной аккумуляцией, а также перевеянными песками. Рельеф осложнён участками ветровой эрозии. Растительность здесь представлена кедровым стлаником, ягодниками и ягелем. Почвы – подзолистого типа, сформировавшиеся на хорошо дренируемых супесчаных грунтах.

Памятник исследован раскопками на площади 400 м². Характер отложений обусловлен его положением на морской косе, активно подверженной эоловым процессам. В результате данных процессов, культурный слой мощностью до 80 см оказался полностью погребён под толщей перевеянных песков. В стратиграфии раскопа выделяются следующие горизонты:

Слой 1 (современный горизонт) - дерн, гумус, подзол и горизонты погребённых почв, переслаивающиеся отложениями эолового песка. Мощность 2-12 см. Находки в этом слое являются перемещёнными в результате биотурбаций и ветровой деятельности.

Слой 2 – конгломерат мелкого песка серо-коричневого цвета с включениями углей. Представляет собой заполнение котлована жилища и

обваловку последнего. Слой сформировался в процессе строительства жилища и продолжил накапливаться после его разрушения в процессе археологизации. Мощность слоя варьирует от 20 до 70 см, уменьшаясь к центру. Слой содержит находки *in situ*.

Слой 3 – песок темно-серого цвета с вкраплением углей, фиксирующий уровень пола жилища. В коридоре представлен плотным веществом темно-коричневого цвета, предположительно органического происхождения (остатки настила). Мощность до 10 см. К этому слою приурочены находки *in situ*.

Основание (археологический материк) представлено плотным песком серо-коричневого цвета, местами ожелезнённым. Слой стерилен.

Для всех разрезов характерна чёткая дифференциация на органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты, что типично для подзолистых почв. Отсутствие перекопов и однородность материала указывают на однослойный характер комплекса, залегающего *in situ*.

Конструкция жилища максимально адаптирована к суровым условиям открытой всем ветрам косы. Жилая камера имела подчетырёхугольную форму размерами 10×9 м (площадью около 63 м²) и была углублена на 0,6-0,8 м. К жилой камере примыкал длинный подземный коридор-лаз размерами 6×2 м, расширявшийся в центральной части. Вход в жилище, по-видимому, отделялся от холодного коридора завесой из шкур. На плечах котлована с западной стороны зафиксирована система из столбовых ям, образующих дополнительный контур обвязки кровли для защиты от преобладающих ветров. В центре жилой камеры располагался очаг открытого типа (размером 2×1,5 м), обложенный плахами, на что указывают характерные канавки, отмеченные с двух его сторон. В ходе разбора слоя 3 также выявлены углистое пятно и хозяйственная яма в околожилищном пространстве.

Коллекция насчитывает 1160 артефактов и отличается исключительным разнообразием. Преобладает керамика – археологически целые сосуды и многочисленные фрагменты *набильского* типа. Сосуды имеют

овалоидовидное тулово, широкое устье, вогнутый венчик. Наряду с гребенчатым декором появляются новые техники (прочерчивание, насечка), обжиг становится восстановительным, на что указывает серый цвет излома черепков. Каменный инвентарь (более 100 орудий) отражает чёткую промысловую специализацию данного памятника. Он включает бифасиальные рукояточные ножи асимметрично-треугольной формы, черешковые наконечники стрел с прямой и выемчатой базой, концевые скребки высокой формы, скребла. Найдены украшения из янтаря (подвески и бусины) и жадеита (цилиндрические бусины), а также – уникальная для Сахалина находка – корродированные фрагменты железных изделий на полу жилища.

Датировка поселения основана на серии радиоуглеродных дат, полученных по образцам древесного угля из очага и углистых линз. Калиброванный возраст определений укладывается в интервал IV-II вв. до н.э., что позволяет уверенно отнести памятник к позднему этапу *набильской* культуры.

Как исторический источник, поселение Мыс Островной, пункт 7 является эталонным полузамкнутым комплексом [Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]. Благодаря перекрытию эоловыми отложениями культурный слой сохранился в исключительно хорошем состоянии: все находки залегают *in situ* в первичном контексте [Классификация в археологии, 2013, с. 53]. Однослойность и отсутствие перекопов позволяют считать его первичным комплексом [Там же, с. 56], дающим целостное представление о материальной культуре позднего этапа *набильской* культуры.

Поселение Мыс Островной, пункт 4 подтверждает и дополняет характеристики позднего этапа, демонстрируя устойчивость традиций домостроительства и специализацию на морском промысле. Расположено на северо-востоке острова Сахалин, в северной части Северо-сахалинской равнины, в пределах Пильтунской косы – песчаного бара, отделяющего одноименный залив от Охотского моря (Рис. 21, 31, 33). Памятник находится в 0,5 км к юго-востоку от пункта 7 на той же косе, на террасовидной

поверхности, образованной морской и лагунной аккумуляцией, а также перевеянными песками. Рельеф осложнён участками ветровой эрозии. Почвы – подзолистого типа, сформировавшиеся на хорошо дренируемых супесчаных грунтах.

Памятник исследован раскопками на площади 506 кв. м. Стратиграфическая ситуация аналогична пункту 7: культурный слой мощностью до 40 см был полностью погребён под толщей перевеянных песков. В стратиграфии раскопа выделяются следующие горизонты:

Слой 1 (современный горизонт) – дерн, гумус, подзол и горизонты погребённых почв, переслаивающиеся отложениями эолового песка. Мощность 2-10 см. Находки в этом слое являются перемещёнными в результате ветровой деятельности и биотурбаций.

Слой 2 – культурный слой, представленный песком серо-коричневого цвета с включениями углей. Мощность слоя до 30–40 см. Слой содержит находки *in situ*.

Слой 3 (археологический материк) - плотный песок серо-коричневого цвета, местами ожелезнённый. Слой стерилен.

Для профилей разрезов характерна чёткая дифференциация на органогенный, элювиальный и иллювиальный горизонты, что типично для подзолистых почв. Верхняя часть котлована повреждена ветровой эрозией, однако планиграфия и стратиграфия позволили полностью реконструировать конструкцию жилища.

Жилище, синхронное пункту 7, имело пятиугольную в плане форму размерами 7,5×9,2 м (площадью около 39 кв. м) и было углублено в материк на 0,2-0,4 м. К жилой камере примыкал длинный (10,5 м) подземный коридор-лаз, расширявшийся в центральной части, что аналогично конструкции жилища пункта 7. В центре жилой камеры располагался очаг, вокруг которого зафиксировано восемь столбовых ям. Они, вероятно, служили опорами для внутреннего яруса обвязки кровли.

Керамический комплекс жилища насчитывает несколько сотен фрагментов. Степень орнаментированности керамики здесь невысока. В декоре преобладают оттиски гребенчатого штампа, образующие линейные композиции. Основная масса сосудов – фрагменты тонкостенных (3-5 мм) лепных остродонных сосудов *набильского* типа с примесью песка. Археологически целые формы не реконструированы, однако скопления керамики, зафиксированные в слое 2, указывают на их принадлежность к данному типу.

Каменный инвентарь представлен изделиями, выполненными в бифасиальной технике. Среди орудий выделяются бифасиально оформленные ножи асимметричной формы, наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием и с выемкой в основании, концевые скребки высокой формы, орудия на отщепах, а также топоры и тесла. Найдены украшения из янтаря (бусины тороидной и цилиндрической формы). Особого внимания заслуживают орудия на массивных гальках с грубым рабочим краем, оформленным крупной ретушью, и гальки со сколами. Находки пятен костного тлена и сохранившихся костей морского зверя указывают на хозяйственную ориентацию обитателей жилища как охотников на морских млекопитающих.

Датировка поселения основана на радиоуглеродном анализе образца древесного угля из очага. Получена дата 2120 ± 60 BP (IGAN-7984). Калиброванный возраст этого определения укладывается в интервал IV–I вв. до н.э., что соответствует позднему этапу *набильской* культуры и подтверждает синхронность пункта 4 с пунктом 7.

Как исторический источник, пункт 4 аналогичен пункту 7: это полузамкнутый комплекс [Классификация в археологии, 2013, с. 55-56], относящийся к позднему этапу *набильской* культуры. Стратиграфическая ситуация и характер залегания находок обеспечивают высокую достоверность информации. Совпадение конструктивных особенностей жилища с жилищем

пункта 7 свидетельствует о единой архитектурной традиции, что позволяет рассматривать эти памятники как однотипные комплексы [Там же, с. 57].

Итак, совокупность из семи опорных памятников составляет репрезентативную источниковую базу для изучения *набильской* археологической культуры. Ключевой характеристикой исследованных объектов является их принадлежность к категории полузамкнутых (условно закрытых) комплексов [Классификация в археологии, 2013, с. 55-56]. Будучи жилищами и поселениями, они не являются результатом одномоментных событий, однако их стратиграфическая чистота, отсутствие перекопов и фиксация артефактов *in situ* на уровнях полов обеспечивают высокую достоверность культурно-хронологической атрибуции.

Памятники Джимдан 5, Чайво 1, Аскасай 7, Лебединый 1, Усть-Айнское 1, Мыс Островной (пункты 7 и 4) представляют собой полузамкнутые комплексы с надёжно стратифицированными материалами. Для Чайво 6 *Набильский* комплекс залегает во вторичном контексте, что ограничивает его использование для количественных характеристик, но его стратиграфическая позиция ниже *пильтунского* горизонта позволяет использовать памятник как важный репер для относительной хронологии [Там же, с. 13, 24-25].

Таким образом, рассмотренная группа источников, обладая необходимой полнотой и стратиграфической надёжностью, позволяет реконструировать ключевые элементы материальной культуры *набильской* археологической культуры, а также хозяйственную специализацию её носителей. Высокая степень сохранности материалов и применение методов абсолютного датирования создают основу для дальнейших историко-культурных построений, включая вопросы генезиса, периодизации и культурных связей *набильской* культуры.

Глава 2. Изучение комплексов набильской культуры

2. 1. Палеоэкологическая ситуация на острове Сахалин в I тысячелетии до н. э.

Конец II – I тысячелетие до н. э. на Сахалине приходится на период климатической перестройки голоцена – перехода от суббореала к субатлантику, сопровождавшегося общим региональным похолоданием [Разжигаева и др., 2017, с. 522; Razzhigaeva et al., 2017, p. 692-693; Базарова и др., 2025, с. 1153]. Реакция природной среды Сахалина на климатические изменения отличается пространственной дифференциацией. Данная неоднородность обусловлена сочетанием широтной зональности и контрастного влияния морских течений [Igarashi et al., 2000, p. 166, 171; Igarashi, 2013, p. 139-150; Гвоздева, Микишин, 2008; Микишин и др., 2020, с. 106-107; Микишин и др., 2022].

Данный тренд к похолоданию выразился в палеоэкологических изменениях в сопредельных с Сахалином регионах. Максимальное зафиксированное отклонение среднегодовых температур для этого времени в Северо-Восточной Азии достигало $-2...-2,5^{\circ}\text{C}$ относительно современных значений [Клименко, 2009, с. 130, 177] (Рис. 1). Это событие повсеместно отмечается в разрезах, исследованных в регионе. В предгорьях Сихотэ-Алиня оно выразилось в сокращении площадей, занятых широколиственными лесами, особенно в позднем суббореале и первой половине субатлантического периода [Разжигаева и др., 2017, с. 17-18], а на севере острова Хоккайдо региональное похолодание, особенно выраженное после 3500-2000 л. н., привело к экспансии темнохвойных пород – ели и пихты, что отмечено в спорово-пыльцевых спектрах с побережья Охотского моря и острова Рисири [Igarashi, 2013, p. 145-146]. В бассейне Нижнего Амура данный период также характеризовался переходными и нестабильными климатическими условиями с общей тенденцией к похолоданию [Bazarova et al., 2008, p. 17-18]. Это

отразилось на динамике растительного покрова: относительно теплолюбивые широколиственные леса, достигшие максимального распространения в среднем голоцене, повсеместно сократили свои ареалы и обилие. Их место заняли более толерантные к холоду смешанные леса с доминированием берёзы, ели, пихты и лиственницы, что маркирует сдвиг ландшафтов в сторону современных бореальных формаций региона [Там же, р. 16-17].

Все это подтверждает общерегиональный характер климатического тренда, который по-видимому связан с выраженным похолоданием в Северном полушарии, произошедшим около 2800 л. н. и был связан с ослаблением солнечной активности и одновременным усилением Сибирского антициклона, усилившем эффект от солнечного минимума [Gorbarenko et al., 2024, р. 4-6, 11]. Установлено, что данное климатическое событие имело большой резонанс, оказав ключевое влияние на историко-культурные изменения в Европе, Сибири и Дальнем Востоке [Park et al., 2019, р. 11-12; Tipping et al., 2008, р. 2385; van Geel et al., 2004, р. 1739, 1742] (Рис. 3-6).

Конкретные проявления и экологические последствия данного похолодания для различных районов Сахалина оставались недостаточно систематизированными в контексте археологических изысканий. В этой связи, детальная реконструкция палеоэкологической ситуации на Сахалине приобретает фундаментальное значение для археологического исследования. Она позволяет перейти от констатации синхронности природных и культурных изменений к установлению причинно-следственных связей между ними, создавая объективную физико-географическую основу для интерпретации характера хозяйства, моделей адаптации и миграционных процессов.

Для реконструкции палеоклиматических условий и ландшафтов Сахалина в голоцене, включая ключевой для настоящего исследования период XII-I вв. до н.э., были использованы результаты комплексных исследований (включая палинологию, диатомовый анализ, радиоуглеродное датирование) серии опорных стратиграфических разрезов. Классические работы по

северному (торфяник «Оха») [Микишин, Гвоздева, 2013] и юго-западному («Пензенский-III») [Гвоздева, Микишин, 2008; Mikishin et al., 2009] побережьям острова Сахалин были дополнены и детализированы новейшими данными по разрезам, выполненным на его южном и юго-западном побережьях [Микишин и др., 2020; 2022] (Рис. 2; Таблица 1).

В результате установлено, что поздний суббореальный – начало субатлантического периода голоцена характеризовались климатом, который в целом был теплее современного, но при этом обладал выраженной внутрирегиональной дифференциацией. На юго-западном побережье, находящемся под сильным влиянием тёплого Цусимского течения, вплоть до ~2900-2800 л. н. сохранялись условия поздне-суббореального термического максимума, в условиях которого были распространены многопородные широколиственные леса (дуб, ильм, орех) [Микишин и др., 2022]. На южном побережье (залив Анива) в это же время доминировали смешанные леса с берёзой и темнохвойными породами, однако после 2800 л. н. отмечается похолодание, сопровождаемое развитием елово-пихтовых лесов [Микишин и др., 2020]. Эти данные подтверждают, что современная климатическая асимметрия побережий Сахалина, связанная с морскими течениями, чётко проявилась уже в позднем суббореале.

Таким образом, палеогеографические исследования последних лет предоставили более детальную и подтверждённую радиоуглеродными датами картину ландшафтно-климатической изменчивости на Сахалине, которая служит основой для реконструкции природного фона, в котором существовали археологические культуры острова в конце II-I тыс. до н.э.

Для северных районов характерна пороговая, «катастрофическая» реакция на похолодание. В частности, для палинокомплексов разреза «Оха» характерна альтернативная смена двух принципиально различных типов растительных сообществ [Микишин, Гвоздева, 2013, с. 106-108]. В холодные фазы происходит коллапс древесной растительности: доля пыльцы деревьев (лиственницы, древовидной берёзы) падает до 1-15%, тогда как абсолютно

доминирует пыльца фригидных кустарников (62-81%) – кедрового стланика, ольховника, кустарниковых берёз [Там же, с. 106-107]. Это указывает на быстрое замещение лиственничных редколесий лесотундровыми ландшафтами. В кратковременные тёплые интервалы восстанавливались светлохвойные леса с лиственницей, а в оптимумы единично фиксировалась пыльца широколиственных пород (дуб, ильм), мигрировавших на север [Там же, с. 108].

Описанная пороговая реакция экосистем определяла то, что в I тыс. до н. э., особенно в фазы выраженного похолодания, север острова представлял собой зону экстремальных условий с господством лесотундры [Там же, с. 109-110].

Реакция растительности на похолодание конца суббореального – начала субатлантического периода на юге Сахалина носила характер постепенной трансформации лесных сообществ в пределах лесной зоны. Однако палинологические данные существенно различны между южным (залив Анива) и юго-западными побережьями, что обусловлено дифференцированным влиянием Цусимского течения [Микишин и др., 2020, с. 102-103; Микишин и др., 2022, с. 231].

На юго-западном побережье приблизительно до рубежа X-IX вв. до н.э. сохранялись условия позднего термического максимума суббореала: климат был значительно теплее и суше современного, что поддерживало существование многопородных широколиственных лесов с преобладанием дуба. Похолодание привело здесь не к полной смене лесных сообществ, а к трансформации лесного покрова: сокращению доли теплолюбивых широколиственных пород и возрастанию участия темнохвойных (пихтово-еловых) лесов и берёзы. Пыльца фригидных кустарников появлялась эпизодически, лишь в наиболее прохладные фазы [Микишин и др., 2022, с. 230-231].

На южном же побережье реакция на похолодание проявилась раньше и была более выраженной. Уже около 3000-2800 л. н. здесь фиксируется

распространение елово-пихтовых, вероятно, разреженных, лесов на склонах, а в долинах – заросли ольховника. Широколиственные деревья напротив становятся редкими. Это указывает на более прохладные и, возможно, более влажные условия по сравнению с юго-западом. Таким образом, в тот же период, когда на юго-западе ещё сохранялись широколиственные леса, на южном побережье уже доминировали темнохвойные и мелколиственные формации [Микишин и др., 2020, с. 106].

Выявленная палеоклиматическими данными пространственная дифференциация растительного покрова Сахалина в XII-I вв. до н.э., согласно принципам биогеоценологии [Сукачёв, Дылис, 1964; Гриднев, Гриднева, 2016], неизбежно должна была влиять на характер и масштабы перестройки фаунистических комплексов.

Ключевым фактором такой перестройки является тип и масштаб изменения фитоценозов как эдификаторной основы экосистем [Сукачёв, Дылис, 1964, с. 35; Гриднев, Гриднева, 2016, с. 22]. На севере острова пороговая смена лесных массивов лесотундровыми сообществами в холодные фазы приводила к кардинальной перестройке трофических сетей, которая предполагает резкое сокращение экологических ниш, занимаемых типично лесными фитофагами и хищниками с одновременным расширением зоны доминирования видов, адаптированных к открытым и кустарниковым ландшафтам. Вследствие этого фауна здесь должна была приобретать пульсирующий, обеднённый характер.

На юге, где изменения были постепенны, в пределах лесной зоны, перестройка фауны должна была быть менее радикальной. Сокращение площадей широколиственных формаций на юго-западе и распространение темнохвойно-мелколиственных лесов на юге имело бы следствием плавное смещение доминирующих зооценозов от комплексов, ассоциированных с богатыми кормовыми ресурсами широколиственных лесов, к комплексам, характерным для смешанной и темнохвойной тайги. Логично предположить, что эти изменения выражались в перераспределении численности и видового

состава экологических групп (фитофагов, хищников, грызунов) в соответствии с изменениями кормовой базы и микроклиматических условий.

Ихтиофауна прибрежных вод и речных систем должна была испытывать опосредованное влияние, происходившее через изменение объемов стока и температуры воды. В этих условиях, похолодание могло способствовать смещению к югу ареалов теплолюбивых видов, однако основу ресурсной базы, вероятно, продолжали составлять холодноводные и проходные виды, прежде всего лососёвые. Продуктивность речных экосистем, зависящая от типа, поступающего с водосборов органического вещества, могла несколько снизиться при замене лиственных лесов хвойными, но крупные речные системы и прибрежные акватории при этом сохраняли свой ресурсный потенциал, оставались ключевыми устойчивыми источниками ихтиоресурсов.

Таким образом, климатически обусловленная дифференциация среды должна была сформировать на острове контрастные зоны с разной динамикой и устойчивостью фаунистических комплексов, что должно было напрямую определять специфику и возможности ресурсного использования древним населением.

2. 2. Абсолютная хронология *набильской* культуры

Реконструированные в предыдущем параграфе изменения природной среды на о. Сахалин на протяжении I тыс. до н. э. создают необходимый фон для понимания условий, в которых развивалась *набильская* культура. Однако для перехода от констатации синхронности природных и культурных изменений к установлению причинно-следственных связей между ними требуется надежный хронологический каркас.

Для сахалинской археологии опубликован обширный корпус радиоуглеродных дат [Шубин, Шубина, 1984; Василевский и др., 2003; 2004; Kuzmin et al., 2004], однако, как подчёркивает Тейлор [Taylor, 2009, p. 174], такие данные требуют критического подхода. На достоверность результатов

вливают три группы факторов: особенности отбора проб, метод датирования и процедура калибровки.

Первый фактор относится к области критики источников и должен оцениваться для каждого образца индивидуально, а также в контексте всего комплекса. Второй и третий факторы связаны с проблемами, характерными именно для I тыс. до н. э.: это «плато Гальштата» (800-400 гг. до н. э.) и участок «покачивания» (400-200 гг. до н. э.) [Hamilton et al., 2015, p. 643]. Активно проводимая в последние десятилетия работа по уточнению калибровочной кривой ведет к повышению точности датирования на данных участках, поэтому коррекция имеющихся дат должна обязательно проводиться на основе новейшей калибровочной кривой [Fahrni et al., 2020, p. 8; Reimer et al., 2020, p. 735]. Другим аспектом описанной проблемы является большая сигма образцов. Образцы с сигмами 70-100 лет, попадая на участки «плато Гальштата» и «покачивания», дают слишком высокие доверительные интервалы – до 800 лет. Решение лежит в повышении точности датирования, а предпочтительным методом является ускорительная масс-спектрометрия (AMS) с итоговой сигмой в 25-35 лет [Hamilton et al., 2015, p. 643-644]. Следует отметить, что подобная фильтрация радиоуглеродных дат, предполагающая отказ от дат с доверительным интервалом свыше ± 100 лет, успешно применяется в исследовании культур палеометалла Южной Сибири, поскольку такие даты не проясняют, а только запутывают ситуацию, ведя к необоснованному растягиванию хронологических рамок отдельных археологических культур [Поляков, 2022, с. 87].

В настоящее время для памятников *набильской* культуры имеется серия из 19 радиоуглеродных дат, полученных в период с 2005 по 2021 гг. в пяти лабораториях России и США. Датирование выполнялось двумя методами: жидкостно-сцинтилляционным (LSC) и ускорительной масс-спектрометрией (AMS). Основной массив определений выполнен по образцам древесного угля из очагов, хозяйственных ям и иных объектов поселений. Три даты получены по нагару (пригару) с внешних стенок керамических сосудов. Следуя

рекомендациям Э. П. Зазовской [2016, с. 160], мы интерпретируем этот материал как результат сгорания древесного топлива в очаге, а не остатков приготовленной пищи. Это позволяет считать данные образцы производными от атмосферного углерода и исключает риск искажения, связанный с «кулинарным» резервуарным эффектом, что подтверждает их высокую надежность для построения хронологии.

Полный перечень всех имеющихся радиоуглеродных определений с указанием контекста отбора, лабораторного индекса, некалиброванного и калиброванного возраста (для 2σ и 1σ), метода датирования, а также публикации, в которой впервые представлен результат, систематизирован в таблице 2. Калибровка выполнена с использованием программы OxCal v.4.4 [Bronk Ramsey, 2021] и атмосферной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020] (Рис. 7).

Принципиально важным для дальнейшего анализа является разделение всех дат на две категории: «верифицированные» (опорные) и «не верифицированные». К первой категории отнесены определения, которые:

- получены из надежных условно закрытых комплексов (преимущественно из заполнения очагов);
- не противоречат стратиграфической позиции и типологической характеристике комплекса;
- при наличии серий в пределах одного памятника демонстрируют внутреннюю согласованность.

Ко второй категории отнесены даты, которые либо прямо противоречат археологическому контексту (аномально древние или молодые значения), либо получены из объектов с неясной стратиграфической историей (хозяйственные ямы, переотложенные слои), либо имеют критически большую погрешность, делающую их использование в узких хронологических построениях некорректным. Такое разделение, основанное на принципе прослеживаемости данных [Wylie, 2020, p. 289], позволяет минимизировать

субъективизм при отборе и создать прозрачную основу для дальнейшей аргументации.

Руководствуясь изложенными критериями, обратимся к анализу радиоуглеродных определений по каждому из семи опорных памятников *набильской* культуры (Таблица 2). Рассмотрение контекста отбора образцов, их стратиграфической позиции и внутренней согласованности позволит разделить имеющиеся даты на верифицированные (опорные), косвенные и полностью противоречащие археологическому контексту, что создаст основу для построения надежной хронологической шкалы культуры.

Для поселения *Джимдан 5* в разные годы получено пять дат. Первые три определения выполнены LSC-методом по углю из очагов жилищ 1-3 (№№ 1, 13, 14). Даты показали значительный разброс: 2815±50 BP (СОАН-5817, жилище 1), 2005±55 BP (СОАН-5818, жилище 2) и 4220±90 BP (СОАН-5819, жилище 3). Последняя была отбракована сразу как явно противоречащая облику комплекса. Две другие на протяжении долгого времени не позволяли однозначно определить возраст памятника. Ситуация прояснилась после получения в 2020 г. двух AMS-дат по нагару с внешних стенок керамических сосудов из жилищ 2 и 3: 2840±20 BP (IGANams-7919) и 2800±40 BP (IGANams-7918). Важно отметить, что данные AMS-даты уже содержат поправку на изотопное фракционирование ($\delta^{13}C$), и их отличная сходимость с LSC-датой СОАН-5817 (2815±50 BP) свидетельствует о корректности последней [Зазовская, 2016, с. 154]. Эти определения, во-первых, подтвердили синхронность жилищ 1-3, а во-вторых, продемонстрировали высокую степень согласованности с наиболее ранней LSC-датой (СОАН-5817). Аномально древняя дата СОАН-5819 (4220 BP), полученная из жилища 3, может быть объяснена «эффектом старой древесины»: её возраст на сотни лет превышает время горения очага. Таким образом, три даты – СОАН-5817, IGANams-7918 и IGANams-7919 – образуют согласованный кластер, позволяющий отнести их к категории опорных для раннего этапа. Дата СОАН-5818 (2005±55 BP) признана неverified. Ее аномально молодое значение может

указывать на нарушение стратиграфического контекста либо на попадание в отобранный уголь более молодого органического материала грунтовыми водами или биотурбацией.

Для поселения *Чайво 6* единственная дата получена по углю из углистого пятна в основании жилища 1: 2955 ± 80 ВР (СОАН-5830). Из-за большой погрешности (± 80) калиброванный интервал охватывает до 500 лет, захватывая Х в. до н. э. Поскольку материалы Чайво 6 типологически близки комплексам Джимдана 5, эту дату можно рассматривать как косвенную, то есть не противоречащую отнесению памятника к раннему этапу, но в тоже время не обладающую достаточной точностью для самостоятельного обоснования хронологии.

Для поселения *Чайво 1* из очага жилища 187 по углю получена дата 2490 ± 40 ВР (СОАН-5820; № 5). Контекст образца надёжен, поскольку относится к закрытому комплексу очага, при этом связь очага с жилищем *набильской* культуры не вызывает сомнений. Поэтому определение признаётся опорным для среднего этапа.

Для поселения *Аскасай 7* имеется семь дат (№№ 6-12). Пять определений выполнены LSC-методом, одно – экспериментальное AMS. Анализ контекста позволяет разделить их следующим образом:

- Дата из очага жилища 1 - 3770 ± 50 ВР (СОАН-8581; № 15 в таблице) - явно противоречит комплексу что, как и в случае с Джимданом 5, объясняется «эффектом старой древесины».

- Экспериментальная AMS-дата по углю из того же очага - 1835 ± 191 ВР (NskA s818; № 19) - имеет неприемлемо большую погрешность и не может использоваться в качестве опорной.

- Три даты из хозяйственных ям (№№ 16-18): 2220 ± 30 ВР (СОАН-8582), 2120 ± 70 ВР (СОАН-8583) и 2665 ± 45 ВР (СОАН-8585). Эти образцы отобраны из объектов, которые могли длительное время оставаться открытыми или содержать переотложенный уголь. Разброс значений и неясность связи с моментом функционирования жилищ позволяют рассматривать их только как

косвенные, не противоречащие общей хронологии, но не обладающие статусом опорных. При этом их попадание в тот же хронологический диапазон, что и опорные даты, косвенно подтверждает отсутствие грубых систематических ошибок в выборке

- Две даты из очагов жилищ 2 и 3 - 2490 ± 50 BP (СОАН-8584; жилище 2, № 6) и 2385 ± 30 BP (СОАН-8586; жилище 3, № 7) - происходят из надёжных условно закрытых контекстов, не противоречат друг другу и типологически однородному комплексу поселения. Они признаются опорными и совместно с датой Чайво 1 определяют хронологический интервал среднего этапа.

Для поселения *Усть-Айнское 1* получена AMS-дата по нагару с керамического сосуда - 2540 ± 45 BP (АА 36621; № 8). Её контекст не вызывает сомнений. Она относится к опорным и хорошо согласуется с датами Чайво 1 и Аскася 7.

Для поселения *Лебединый 1* имеется дата по углю из очага жилища 51 – 2395 ± 65 BP (СОАН-7100; № 9). Дата получена из закрытого комплекса, соответствует типологической характеристике *набильской* культуры и признаётся опорной для среднего этапа.

Для поселения *Мыс Островной 7* имеются три LSC-даты из разных, но связанных контекстов (очаг, углистая линза в основании жилища, зольник за пределами жилища): 2195 ± 40 BP (СОАН-9145; № 10), 2185 ± 50 BP (СОАН-9146; № 11) и 2225 ± 60 BP (СОАН-9154; № 12). Таким образом, даты демонстрируют высокую внутреннюю согласованность. Статистическая неразличимость этих определений, полученных из разных объектов в пределах одного памятника, служит примером внутренней триангуляции [Wylie, 2020, p. 290] и позволяет рассматривать всю серию как опорную для датировки позднего этапа.

Для поселения *Мыс Островной 4* дата получена по углю из очага жилища 1 - 2120 ± 60 BP (IGAN-7984; № 13). Она происходит из надёжного закрытого контекста и синхронна датам пункта 7. Принимается как опорная для позднего этапа.

Таким образом, из 19 имеющихся определений к категории «верифицированные» (опорные) отнесены 12 дат. Три дат признаны полностью противоречащими комплексам и исключены из дальнейшего рассмотрения. Четыре даты имеют статус косвенных: они не противоречат общей хронологии, но из-за проблем контекста или большой погрешности не могут служить основой для периодизации.

Проведенный критический анализ позволил выделить группу опорных дат, однако их интерпретация требует учета сложностей, связанных с калибровкой радиоуглеродных определений. Калибровочная кривая отражает реальные изменения содержания ^{14}C в атмосфере в прошлом. Из-за ее неравномерного характера, наличия «плато», то есть участков, где кривая становится пологой и резких колебаний, даже близкие по значению радиоуглеродные даты после калибровки могут давать широкие и частично перекрывающиеся интервалы календарного возраста.

Наиболее показателен в этом отношении пример поселения Мыс Островной, пункт 7 (Рис. 7). Три опорные даты - $2195 \pm 40 \text{ BP}$ (СОАН-9145), $2185 \pm 50 \text{ BP}$ (СОАН-9146) и $2225 \pm 60 \text{ BP}$ (СОАН-9154) - после калибровки по кривой IntCal20 демонстрируют следующие интервалы (2σ , 95,4%): 385-121 гг. до н.э., 383-60 гг. до н. э. и 400-111 гг. до н. э. соответственно. Несмотря на статистическую близость некалиброванных значений, калиброванные распределения, хотя и перекрываются, не позволяют утверждать абсолютную синхронность с точностью до десятилетия, поэтому при построении хронологии мы опираемся не на точечные значения, а на интервалы перекрывания вероятностных распределений дат в пределах каждого этапа.

Таким образом, процедура калибровки, позволяя перевести радиоуглеродные даты в календарную шкалу, вместе с тем вносит элемент неопределенности: даже относительно точные исходные измерения после калибровки дают вероятностные, а не точечные значения, что неизбежно «размывает» хронологическую картину [Bronk Ramsey, 2008, p. 265; Wylie, 2020, p. 293]. В связи с этим в работе в качестве основы для периодизации

принят стандартный консервативный интервал 2σ (95,4%); интервалы 1σ могут факультативно привлекаться для указания наиболее вероятных периодов, но границы этапов определяются по 2σ .

Дополнительный уровень неопределенности связан с возможным влиянием резервуарного эффекта. Все представленные в таблице 2 определения калиброваны по атмосферной кривой IntCal20, что корректно для образцов древесного угля и нагара, образовавшегося при сжигании наземной древесины. Однако для культур с выраженной морской адаптацией, какой является *набильская* культура, потенциально актуален вопрос о морском резервуарном эффекте. Морской резервуарный эффект обусловлен тем, что углерод в морской воде обновляется медленнее, чем в атмосфере, и содержит меньшую долю радиоактивного изотопа. В результате организмы, обитающие в море, накапливают этот «древний» углерод, и их радиоуглеродный возраст оказывается на несколько сотен лет больше истинного (в среднем около 400 лет, с поправкой на региональные особенности). Если бы в нашей выборке присутствовали даты по костям людей или животных с преимущественно морской диетой, либо по нагару от приготовления морской пищи, их следовало бы калибровать с использованием специальной морской кривой (Marine20) с поправкой на локальный резервуарный эффект (ΔR).

Однако рассмотрение исходных образцов дат для дат *набильской* культуры показывает, что в нашем распоряжении нет дат, которые могли бы быть искажены резервуарным эффектом. Все опорные определения получены либо по древесному углю, либо по нагару от сжигания наземной древесины. Следовательно, все образцы связаны с «атмосферным» углеродом, и риск резервуарного искажения для данной выборки минимален. Тем не менее, важно отдавать себе отчет, что хронология хозяйственной деятельности, связанной с эксплуатацией морских ресурсов, может быть косвенной: даты по углю из очагов фиксируют время заготовки древесины, которое может несколько отличаться от времени промысловых операций. Это обстоятельство

следует учитывать при интерпретации синхронности культурных изменений на позднем этапе.

Таким образом, предлагаемая хронологическая схема опирается на систему перекрестной верификации [Wylie, 2020, p. 12-13], то есть опорные даты из разных памятников, полученные разными методами (LSC и AMS) по разным материалам (уголь и нагар), демонстрируют устойчивую кластеризацию, что снижает вероятность систематической ошибки и позволяет перейти к обоснованию внутренней периодизации культуры.

Как видно из Таблицы 2 и Рисунка 7, совокупность опорных дат отчетливо группируется в три хронологических кластера, разделенных небольшими разрывами или зонами минимального перекрытия. Это дает основание для выделения трех этапов развития *набильской* культуры.

Ранний этап набильской культуры обосновывается серией радиоуглеродных определений из поселений Джимдан 5 и Чайво 6. Ключевое значение имеют AMS-определения по нагару с керамики из жилищ 2 и 3 Джимдана 5 (IGANams-7918 и IGANams-7919). Калиброванные по IntCal20 интервалы этих дат при 2σ охватывают 1010-900 и 1000-850 гг. до н. э. соответственно; хотя формально они могут незначительно захватывать конец XI в. до н. э., основная плотность вероятности приходится на X–IX вв. до н. э. В совокупности с согласованной LSC-датой СОАН-5817 (2815 ± 50 BP) и непротиворечивым контекстом Чайво 6 (СОАН-5830) это позволяет датировать ранний этап *набильской* культуры в рамках X–IX вв. до н. э.

Средний этап набильской культуры объединяет серию опорных дат, полученных по разным материалам (уголь, нагар) из четырех памятников: Чайво 1 (СОАН-5820), Аскасай 7 (СОАН-8584, СОАН-8586), Усть-Айнское 1 (АА 36621) и Лебединый 1 (СОАН-7100). Калиброванные по IntCal20 интервалы этих дат при 2σ концентрируются в пределах второй половины VIII – V вв. до н. э. (для Чайво 1 – 796-415 гг. до н. э., для жилищ Аскасай 7 – 770-400 гг. до н. э., для Усть-Айнского 1 – 800-540 гг. до н. э., для Лебединового 1 – 760-390 гг. до н. э.). Хотя отдельные распределения могут незначительно

захватывать конец IX или начало IV в. до н. э., согласованность всей совокупности дат, подкреплённая перекрёстной верификацией из различных контекстов и географических точек Сахалина, надёжно определяет границы среднего этапа в рамках *VIII-V вв. до н. э.*

Хронология *позднего этапа* определяется серией дат из двух синхронных комплексов на памятнике Мыс Островной (пункты 4 и 7). Калиброванные по IntCal20 интервалы опорных дат при 2σ охватывают диапазон от IV до II в. до н. э. (для пункта 7: 385-121, 383-60 и 400-111 гг. до н. э.; дата IGAN-7984 из пункта 4 им синхронна). Суммарный анализ вероятностных распределений и отсутствие более поздних определений позволяют обоснованно ограничить верхнюю границу позднего этапа II в. до н. э. и рассматривать его в интервале *IV-II вв. до н. э.*

Обобщающая хронологическая схема представлена на Рисунке 7, где вероятностные распределения опорных дат сгруппированы по трем этапам, что наглядно демонстрирует преемственность и динамику развития *набильской* культуры на протяжении всего I тыс. до н. э. и служит основой для анализа поселений, жилищ, керамики и каменного инвентаря.

2.3. Поселения *набильской* культуры: ландшафтно-географическая характеристика

Анализ ландшафтно-географического размещения поселений *набильской* культуры позволяет реконструировать модели адаптации её носителей к природной среде и проследить их динамику на протяжении I тыс. до н. э. В фокусе внимания при этом находятся не столько статичные характеристики расположения памятников, сколько факторы выбора мест поселений и их динамика в контексте климатических изменений.

Однако прежде чем перейти к анализу динамики, необходимо охарактеризовать инвариантные черты расположения поселений, которые служили основой для всех последующих изменений. Обобщение материалов

по 27 исследованным памятникам *набильской* культуры (Таблица 3) показывает, что при всём разнообразии их локализации прослеживается неуклонное следование трём универсальным ландшафтными закономерностям (Рис. 8-33).

1. Независимо от времени существования поселения и его географического положения, все объекты располагаются исключительно на возвышенных, полого-наклонных или субгоризонтальных террасовидных поверхностях денудационного или аккумулятивно-абразионного генезиса. Ни одно из поселений не располагается на пойменных, маршевых или иных переувлажненных территориях, несмотря на то, что последние непосредственно примыкают к памятникам (Джимдан 5 – заболоченная низменность, Чайво 6 – пойма ручья, Лебединый 1 – низина палеоозера). Высота расположения над уровнем поймы или заболоченной низины является вариативной величиной и может быть небольшой (2-3 м) как на поселениях Аскасай 7 и Мыс Островной 4, 7 или значительной (21-22 м) как на поселении Джимдан 5. При этом сам факт наличия превышения является неизменным. Это свидетельствует об осознанном избегании мест, подверженных грунтовому переувлажнению и сезонному подтоплению при выборе мест для размещения поселений.

2. Отмеченной особенностью является приуроченность поселений к подзолистому типу почв, формирующемуся на рыхлых песчаных и супесчаных отложениях. Сводка стратиграфических разрезов по всем раскопанным памятникам (Джимдан 5, Чайво 6, Чайво 1, Аскасай 7, Лебединый 1, Усть-Айнское 1, Мыс Островной 4, 7) выявляет инвариантную структуру почвенных профилей:

- Лесная подстилка или органогенный горизонт (O/Ao) - темно-серая гумусированная супесь или песок, часто с корнями;
- Элювиальный горизонт (E) - светло-серая оподзоленная супесь или песок;

- Иллювиальный горизонт (В) - желто-коричневая, коричнево-бурая или ожелезненная супесь или песок.

Данная структура диагностирует иллювиально-железистые подзолы и дерново-подзолистые почвы легкого гранулометрического состава. Важно отметить, что этот тип почв не является единственно возможным в границах *Северо-сахалинской* равнины или Айнской низменности, однако носители *набильской* культуры последовательно выбирали именно его для размещения поселений. Выбор легких песчаных и супесчаных подзолов диктовался их дренированностью, что соответствовало стратегии избегания переувлажненных участков. Не менее важны были и практические соображения: такой грунт облегчал рытье котлованов, а таежная растительность на нем служила источником строевого леса. Даже в юго-западной части острова (Поселение Усть-Айнское 1), где подзолистые почвы встречаются спорадически, фиксируется тот же набор горизонтов, что и на северо-востоке острова.

3. Все поселения расположены в непосредственной близости от источников водных ресурсов. При этом в зависимости от характера такого источника выделяются устойчивые типы расположения, которые, по нашему мнению, имеют не столько топографическую, сколько хозяйственно-адаптационную обусловленность.

Поселения *речного типа* размещения расположены на приустьевых участках и в нижнем течении рек, что позволяло обитателям совмещать доступ к лесным ландшафтам и ресурсной базе опреснённых эстуариев (Рис. 10-14, 16-17, 24-25).

Поселения *лагунного типа* размещения располагаются на побережьях морских лагун. Локализация таких поселений предполагает ориентацию хозяйства их обитателей на использование высокопродуктивных ресурсов данных акваторий (Рис. 9-12, 19-23).

Поселения *смешанного (лагуна + река) типа* размещения находятся в зонах контакта речных и лагунных систем, где преимущества обеих стратегий объединяются (Рис. 27-29).

Далее показано, что соотношение этих типов не было статичным, а закономерно менялось на протяжении I тыс. до н. э., отражая эволюцию хозяйственных стратегий в ответ на климатические изменения. Таким образом, при неизменности ландшафтной основы основным вариативным параметром выступает тип водного объекта. Его корреляция с культурно-хронологическими этапами фиксирует смену хозяйственных стратегий: от речных эстуариев к лагунным ресурсам, что свидетельствует о гибкости адаптивной модели *набильской* культуры.

Закономерность подобной смены типов поселений становится понятной при сопоставлении с палеоклиматическими реконструкциями (параграф 2.1). Анализ распределения памятников по трём хронологическим этапам позволяет рассматривать эти изменения как адаптивный ответ на трансформацию ресурсной базы на протяжении I тыс. до н. э.

Для *раннего этапа набильской* культуры характерна ориентация расселения на речные эстуарии Северо-сахалинской равнины. К раннему этапу относятся поселения Джимдан 5, Чайво 6 и Баури 2 (Рис. 10-18). Локализация этих памятников характеризуется устойчивой привязкой к приустьевым участкам рек, впадающим в лагуны северо-восточного побережья. Климатический контекст данного периода, согласно палинологическим данным, соответствует поздней фазе суббореального термического максимума: климат северного Сахалина был теплее и суше современного, растительность представлена лиственничными лесами с участием темнохвойных пород [Микишин, Гвоздева, 2013, с .105; Микишин и др., 2020, с .105]. Уровень моря в этот период был выше современного (до 1,5 м), что фиксируется для Японского моря [Вострецов, 2005, с .171, 181] и, по-видимому, имело место и на охотоморском побережье Сахалина.

В этих условиях приустьевые зоны рек представляли собой не современные заболоченные марши, а обширные солоноватоводные эстуарии – ингрессивные лиманы, глубоко вдававшиеся в речные долины. Такая ландшафтная позиция обеспечивала поселениям ряд стратегических преимуществ. Во-первых, совмещение доступа к пресноводному стоку и опресненной акватории лагуны создавало предпосылки для комплексного рыболовства, ориентированного как на проходные лососевые, поднимающиеся в реки, так и на ихтиофауну лагун. Во-вторых, близость лесных массивов открывала возможность для таежной охоты и сбора дикоросов. Таким образом, ранние поселения демонстрируют универсальную хозяйственную стратегию с широким спектром эксплуатируемых ресурсов.

Немногочисленность памятников раннего этапа (три достоверно идентифицированных поселения) позволяет предположить относительно невысокую плотность населения и, возможно, его компактное размещение в пределах наиболее продуктивных эстуарных зон северо-восточного побережья.

Для *среднего этапа набильской культуры* характерны хозяйственная диверсификация и начало освоения новых территорий. Данный этап представлен наиболее многочисленной и разнообразной в топографическом отношении группой памятников. Описанная выше дифференциация поселений по типу водного объекта достигает здесь своего максимального развития. При сохранении универсальной ландшафтной модели каждая из групп приобретает специфические черты:

Речной тип представлен наиболее широко. Поселения (Аскасай 6, 7, Кадыланьи 1, Паромай-мост, Пильтун 1, Набиль 1, Вази 5, Чамгу 1, Адо-Тымово 1, Первая речка) располагаются не только в приустьевых зонах, но и в глубине долин, часто на значительном удалении от морского побережья (Рис. 9-10, 12). Это свидетельствует о специализации на речном рыболовстве и, вероятно, об интенсифивных занятиях таёжным промыслом. Удаленность от лагун компенсировалась стабильностью ресурсной базы речных экосистем,

которые, согласно палеоэкологическим реконструкциям, сохраняли высокий продукционный потенциал даже в условиях климатических колебаний (см. раздел 2.1).

Лагунный тип (Чайво 1, Лебединый 1, Лайда 1, Старый Набиль 1, 2, 4, 9) отличается крупными размерами поселений (Рис. 9-10, 12, 19-20). Поселение Чайво 1, насчитывающее около 500 жилищных впадин, служит наиболее ярким примером (Рис. 20). Данный факт убедительно свидетельствует о высокой продуктивности лагунных биоценозов и способности носителей *набильской* культуры эффективно использовать этот ресурс. Именно поселения на берегах лагун, по-видимому, выступали хозяйственными центрами на среднем этапе.

Смешанный (лагуна + река) тип представлен поселением Усть-Айнское 1 на юго-западном побережье Сахалина (Рис. 27-29). Его локализация на песчаной пересыпи, отделяющей озеро-лагуну Айнское от Татарского пролива, в устье протоки, соединяющей озеро с морем, представляет собой оптимальную адаптивную модель, совмещающую преимущества лагунного и речного рыболовства.

Согласно данным палеоэкологии, на юго-западном побережье, находящемся под влиянием тёплого Цусимского течения, вплоть до рубежа X-IX вв. до н.э. сохранялись условия позднего термического максимума с господством многопородных широколиственных лесов (дуб, ильм, орех) [Микишин и др., 2022, с. 230-231]. Последующее похолодание носило здесь постепенный характер и выразилось не в смене лесной зоны лесотундрой, а в трансформации лесного покрова – сокращении доли широколиственных пород при возрастании участия темнохвойных. Таким образом, ландшафты юго-западного Сахалина в этот период сохраняли значительное сходство с северосахалинскими эстуарными зонами предшествующего времени. Напротив, южное побережье (залив Анива), где похолодание проявилось раньше и резче, в том числе выразилось в распространении елово-пихтовых

разреженных лесов уже в X-VIII вв. до н.э., не привлекло носителей *набильской* культуры.

Следовательно, миграция на юг осуществлялась не по принципу «движения в тепло», а как поиск знакомых ландшафтных и ресурсных ниш, сместившихся под воздействием климатических изменений.

Климатический контекст среднего этапа в целом характеризуется похолоданием рубежа суббореала и субатлантика (около 2800 л. н.), связанным с ослаблением солнечной активности и усилением Сибирского антициклона [Gorbarenko et al., 2024, p. 4-6, 11]. Для Сахалина это время фиксируется как фаза более холодного и сухого климата [Микишин, Гвоздева, 2013, с. 105; Igarashi, 2013, p. 149]. Именно в этих условиях происходит хозяйственная диверсификация: универсальная лагунно-речная стратегия раннего этапа приобретает характер специализации. Разнообразие типов локализации при неизменности базовых ландшафтных требований свидетельствует не о кризисе, а о гибкости адаптивной системы, способной эффективно осваивать различные экологические ниши в условиях нарастающей климатической нестабильности.

На *позднем этапе* поселения *набильской* культуры располагаются на открытых морских косах – в наиболее суровых из всех возможных природно-климатических условий на о. Сахалин. Данный этап представлен памятниками Мыс Островной, пункты 4 и 7; Кашкалебагш 1; Астох 6; Чайво 25, 26; Старый Набиль 7 (Рис. 9-10, 12, 21-23, 31-33). Подобные местоположения экстремальны, поскольку проживание в них сопряжено с постоянными холодными морскими ветрами, отсутствием естественных укрытий, нестабильностью эоловых форм рельефа и минимальной высотой над уровнем моря (2-4 м). При этом все они, как и прежде, располагаются на подзолистых почвах на песчаных субстратах и приурочены к побережьям лагун.

Климатический контекст позднего этапа соответствует ранней фазе субатлантического периода – времени наиболее интенсивного похолодания в I тыс. до н.э. Согласно обобщенным данным, максимальное отклонение

среднегодовых температур в Северо-Восточной Азии достигало $-2...-2,5^{\circ}\text{C}$ относительно современных значений, а Северо-Восточное Приамурье являлось одной из наиболее холодных зон Северного полушария [Клименко, 2009, с. 130, 177]. На Сахалине это время характеризуется как холодная и сухая фаза с пороговой реакцией северных экосистем и постепенной трансформацией лесных сообществ на юге.

В этих суровых условиях выбор экстремальных прибрежных локаций приобретает характер осознанной адаптационной стратегии. Очевидно, что комфорт проживания и защищенность от ветров были принесены в жертву максимальному доступу к ключевому ресурсу – высокопродуктивным лагунным акваториям. Палеоэкологические реконструкции (см. раздел 2.1) показывают, что в отличие от лесных экосистем, испытавших в этот период глубокую депрессию, ихтиофауна прибрежных вод и лагун вероятно сохраняла свой ресурсный потенциал. Холодноводные и проходные виды, прежде всего лососевые, продолжали составлять основу ихтиоценозов, а продуктивность лагун оставалась достаточно высокой.

Итак, кульминацией этого процесса стала локализация поселений позднего этапа на морских косах. От универсальной смешанной стратегии раннего этапа через диверсификацию среднего этапа *набильская* культура приходит к узкой специализации на освоении ресурсов лагун. Это свидетельствует, с одной стороны, о глубоком знании экосистем побережий и высокой степени технологической оснащенности (развитые средства рыболовства, плавсредства), а с другой – о том, что в условиях похолодания раннего субатлантика именно лагунные биоценозы выступали наиболее стабильной и предсказуемой ресурсной базой, способной поддерживать относительно крупные и долговременные поселения.

Рассмотренная в динамике, траектория развития *набильской* культуры на протяжении I тыс. до н. э. представляет собой направленную эволюцию адаптационной модели: от освоения речных эстуариев в условиях суббореального оптимума через хозяйственную диверсификацию и освоение

новых территорий на фоне похолодания рубежа суббореала-субатлантика к специализированной лагунной стратегии в период максимального похолодания. Эта траектория полностью коррелирует с палеоклиматическими изменениями и может рассматриваться как пример культурной адаптации к трансформирующейся природной среде.

Выявленная закономерность находит прямое соответствие в региональной модели культурной эволюции эпохи палеометалла, разработанной Ю. Е. Вострецовым на материалах Приморья [2005; 2018]. Синхронность адаптивных процессов на западном и восточном побережьях Японского моря позволяет рассматривать их как единую региональную реакцию на глобальный климатический вызов I тыс. до н. э.

Ключевым механизмом трансформаций выступает опосредованное воздействие климата: похолодание ведет к деградации привычных ресурсных ниш [Вострецов, 2005, с. 176]. Для населения Сахалина, не знавшего земледелия, это выразилось в пороговой перестройке северных экосистем (коллапс древесной растительности, господство лесотундры), что делало невозможным сохранение прежней системы жизнеобеспечения и создавало «давление среды», аналогичное описанному для Приморья [Вострецов, 2005, с. 179-180]. При этом лагунные биоценозы, в отличие от наземных охотничьих угодий, сохраняли высокую продуктивность, что предопределило кульминацию лагунной специализации на позднем этапе [Вострецов, 2024, с. 42-45].

Важнейшей закономерностью, подтверждаемой сахалинскими материалами, является направленность миграций не просто в сторону более теплых территорий, а в районы, представляющие собой ландшафтно-климатические аналоги покинутых местообитаний [Вострецов, 2018, с. 46]. Вероятно, именно этим объясняется расселение носителей *набильской* культуры на юго-западное побережье (Усть-Айнское 1), где сохранялись эстуарные экосистемы и ландшафты, сходные с северосахалинскими, при игнорировании более южного, но экологически чуждого залива Анива с его

разреженными елово-пихтовыми лесами (Рис. 27-29, 91). Аналогичный вектор выбора территорий с привычным набором ресурсов фиксируется и для кроуновских племен Приморья [Вострецов, 2013, с. 115].

Таким образом, изменения в стратегиях расселения *набильской* культуры наглядно демонстрируют действие всех ключевых механизмов, описанных в региональной модели: климатически обусловленную деградацию традиционных ниш, поиск ландшафтных аналогов, хозяйственную диверсификацию как способ снижения рисков, и, наконец, специализацию на стабильных лагунных ресурсах в фазу максимального похолодания, что привело к освоению экстремальных прибрежных локаций при сохранении базовых технологических традиций (Рис. 34).

2. 4. Жилища *набильской* культуры: типологические особенности

Представленный выше анализ ландшафтного размещения памятников *набильской* культуры выявил устойчивую стратегию обустройства поселений её носителями: на поверхностях дренированных террас с подзолистыми почвами вблизи водных объектов. Однако наиболее концентрированным выражением хозяйственно-культурных традиций древнего населения являются особенности их жилищ. Жилые постройки тесно связаны с климатическими условиями и окружающей средой, которая служит источником строительных материалов. Географическая среда в условиях первобытной техники оказывала большое влияние на конструкцию и архитектуру жилищ [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 131; Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 40].

Методической основой реконструкции жилищ послужили разработки в области изучения остатков древних построек. Под жилищами понимаются остатки древних сооружений, предназначавшиеся для проживания людей и интерпретируемые по углублениям и карбонизированным остаткам конструкций из недолговечных материалов [Брей, Трамп, 1990, с. 83].

Характерным признаком жилищ Дальнего Востока и Северо-Востока Азии является наличие углубленного в землю котлована [Лебединцев, 1980, с. 70; Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 38; Шубина, 1987, с. 29-31; Дьякова, 1987, с. 65-66; Дервянко, 1991, с. 6; Кривуля, 1996, с. 169; Волков, 2011, с. 178; Нестеров, 2018, с. 60]. На Севере Дальнего Востока широко распространены многокамерные жилища, жилища с внутренними хранилищами-кладовками, часто соединенные тоннельными коридорами, и жилища с тоннельными выходами [Орехов, 1985, с. 79-81; Загорюлько, 2005, с. 147-149]. Наиболее устойчивым признаком жилища является наличие очага [Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 39; Нестерова, 2019, с. 11].

При реконструкции жилищ *набильской* культуры учитывались не только данные планиграфии и стратиграфии, но и этнографические параллели. Описания строительства и внутреннего устройства жилищ народов Дальнего Востока, содержащиеся в расспросных речах В.В. Атласова, трудах С.П. Крашенинникова, Л.И. Шренка, Е.А. Крейновича [Шренк, 1899, с. 11-19, 23-50; Крейнович, 1973, с. 87-96; Колумбы земли русской, 1989, с. 79, 242, 293, 303, 307-310, 371-372, 383], а также материалы раздела «Жилище» Историко-этнографического атласа Сибири [Попов, 1961, с. 131-226] позволили предложить интерпретации конструктивных элементов и функциональных зон. Функциональные зоны древних жилищ реконструировались с опорой на экспериментальные разработки П. В. Волкова [Волков, 2013, с. 306-340].

В ходе анализа жилищ I тыс. до н. э. фиксировались следующие признаки, что отражено в таблице 4:

- особенности планировки и глубина жилищной впадины;
- глубина, характер наклона и другие особенности столбовых ям;
- наличие и особенности вала вокруг жилища;
- следы стропил кровли, фиксируемые в стратиграфических разрезах;
- наличие и планиграфические особенности размещения хозяйственных ям внутри жилища;
- планировка и особенности теплотехнического устройства (очага);

- характер залегания карбонизированных прослоек, связанных с конструкцией жилища и обстоятельствами его археологизации;

- особенности распределения и номенклатура археологического материала на полу жилища и за его пределами;

- нарушения целостности стенок котлована, наличие пандусов и прочих особенностей, указывающих на особые функциональные зоны;

- особенности размещения жилища в окружающем рельефе, включая хозяйственные ямы и иные следы хозяйственной деятельности его обитателей.

Анализ совокупности указанных признаков позволил выявить общие черты жилищ *набильской* культуры и сформулировать представления об их конструктивных особенностях, что стало основой для построения типологии.

Наиболее информативные данные о домостроительных традициях *набильской* культуры получены в ходе исследований шести памятников: Джимдан 5 (Рис. 35-37), Чайво 1 (Рис. 38-39), Аскасай 7 (Рис. 40-43), Лебединый 1 (Рис. 44), Мыс Островной (пункты 4 и 7) (Рис. 45-46). Общая выборка изученных жилых сооружений составляет 10 объектов, что позволяет перейти от их индивидуальной характеристики к выявлению устойчивых, повторяющихся признаков, совокупность которых определяет культурный облик *набильского* домостроительства. Анализ планиграфии, конструктивных элементов и особенностей интерьера жилищ позволяет выделить четыре подобных признака.

Во-первых, все исследованные постройки имеют каркасно-столбовую конструкцию (Рис. 39). Фиксация несущих элементов кровли и стен осуществлялась с помощью системы вертикальных опорных столбов, впущенных в материковое основание пола. На всех памятниках в заполнении котлованов и на их дне зафиксированы закономерно расположенные группы столбовых ям (Рис. 35-45). Анализ их взаимного расположения позволяет реконструировать устойчивую двухчастную систему: внешний ярус опор, расположенный по периметру стен и служивший основой для каркаса, и внутренний ярус, группировавшийся вокруг очага и поддерживавший

стропильную конструкцию и, вероятно, дымовое отверстие. Даже в малых по площади жилищах (например, жилище 3 на Аскасае 7, площадью 6 м²) прослеживается стремление сохранить эту базовую конструктивную схему, хотя внутренний ярус там мог не иметь отдельно стоящих опор, будучи интегрированным в кровлю. Отсутствие на всех исследованных памятниках следов срубных конструкций свидетельствует о единой строительной традиции, адаптированной к использованию доступных материалов – жердей и плах, а не массивных бревен.

Во-вторых, устойчиво повторяется принцип организации внутреннего пространства вокруг очага, сооруженного на возвышении (Рис. 35-38, 40-45). Во всех десяти жилищах очаг фиксируется как центральный элемент интерьера. Он неизменно располагается на естественной или искусственно созданной возвышенной площадке, что обеспечивало сохранение тепла, сухость и возможность регуляции воздухообмена. Морфология очажных пятен, подкрепленная данными планиграфии, свидетельствует о наличии конструктивного ограничителя: углисто-сажистые линзы имеют четкие или несколько размытые границы подпрямоугольной или подквадратной формы. Это указывает на наличие устойчивого приема обкладки очага плахами, формировавшими устойчивое жаровое пространство. Данный признак прослеживается как в больших, так и в малых жилищах, что позволяет считать эту черту неотъемлемым элементом домостроительной традиции *набийской* культуры, обусловленный как практическими потребностями, так и сложившимся строительным канон.

В-третьих, при всем разнообразии плановых решений (от четырех- до восьмиугольных) исходной формой, определявшей конструктивную схему, являлся четырехугольник (Рис. 35-38, 40-45). Все зафиксированные многоугольные конфигурации производны от него и образуются путем модификации углов или сторон базового прямоугольника. Анализ расположения столбовых ям внешнего яруса обвязки показывает, что в основе любого многоугольника лежит квадрат или прямоугольник. Это отчетливо

видно на примере жилища 1 поселения Аскасай 7, где восьмиугольная форма образована путем добавления дополнительных вершин к сторонам исходного квадрата (Рис. 40). В жилищах Мыса Островного пятиугольная конфигурация также производна от четырехугольной основы (Рис. 44-45). Таким образом, усложнение плана (появление «срезанных» углов или дополнительных граней) является не отказом от исходной формы, а ее конструктивным развитием, вероятно, направленным на улучшение теплоизоляции и увеличение внутреннего объема без потери устойчивости каркаса.

В-четвертых, фиксируется единство в организации выхода и связанных с ним конструктивных элементов (Рис. 35, 44-45). Там, где сохранность памятника позволяет проследить эту деталь (Джимдан 5, Мыс Островной 4, 7), выход ориентирован в пониженную сторону рельефа – к воде или краю террасы. Кроме того, во всех жилищах, имеющих фиксируемый выход, очаг закономерно смещен в его сторону. Такое расположение, вероятно, создавало тепловую завесу, препятствующую проникновению холодного воздуха снаружи, и одновременно оптимизировало дымоудаление [Волков, 2013, с. 314; Нестерова, 2019, с. 18]. Это функциональное решение, по-видимому, продиктованное суровыми климатическими условиями, реализовано во всех постройках, где планиграфия позволяет судить о взаимном расположении очага и входа.

Таким образом, несмотря на различия в размерах, глубине котлована и конкретной конфигурации стен, все исследованные жилища демонстрируют устойчивое единство базовых строительных принципов: каркасно-столбовая конструкция, центральный очаг на возвышении, четырехугольная основа как исходная модель и функциональная связь очага с выходом. Эта совокупность признаков является культурно-значимой, то есть позволяет идентифицировать жилые комплексы как принадлежащие *набильской* археологической культуре, отличая их от синхронных и территориально близких культур с иными домостроительными традициями.

Однако за этим единством базовых принципов скрывается значительная вариабельность конкретных строительных решений. Анализ этой вариабельности позволяет не только классифицировать жилища, но и проследить их эволюцию как ответ на изменение природно-климатических условий. Хронологическая позиция памятников, подкреплённая данными палеоклиматологии, даёт основание разделить анализируемые жилища на две основные группы, соответствующие этапам развития культуры.

Первую группу составляют слабоуглублённые жилища подквадратной формы, относящиеся к позднему суббореалу. Они представлены на поселении Джимдан 5 (Рис. 35-37). Эти жилища наиболее ранние из исследованных для *набильской* культуры и, следовательно, представляют собой наиболее ранний пласт домостроительства. Три исследованных здесь жилища функционировали в поздне-суббореальную фазу голоцена, характеризовавшуюся относительно теплым и сухим климатом. Можно предположить, что данная климатическая обстановка являлась ключевым фактором, определившим их конструктивные особенности.

Общей чертой жилищ Джимдана 5 является их слабая заглублённость в землю. Глубина котлованов здесь не превышает 0,3 м, а в случаях жилищ 1 и 3 строители, по сути, не столько углублялись в грунт, сколько производили нивелировку склона для создания горизонтальной строительной площадки. Предполагается, что в условиях теплого климата необходимость в мощной термоизоляции стен путем заглубления отсутствовала, что и обусловило выбор наземной или слегка углублённой конструкции.

В плане все три жилища демонстрируют исходную, базовую форму – подквадратную или прямоугольную. Это наиболее простой и, по-видимому, наиболее ранний тип планировки. Несущая конструкция представлена двумя ярусами столбовых ям (внешним и внутренним), поддерживавшими пирамидальную кровлю. Выходы из жилищ, зафиксированные в двух из объектов (жилища 1, 2), были наземными и ориентированы в юго-восточном направлении, вниз по склону, в сторону воды. Характерной чертой является

также отсутствие внутри жилищ каких-либо дополнительных хозяйственных объектов – ям-погребков или ниш, что может свидетельствовать об относительно простой организации внутреннего пространства или, возможно, об иной системе хранения припасов.

Однако, при общности базовых характеристик, внутри данной группы наблюдается определенная вариативность, касающаяся расположения очага. В жилище 3 очаг занимает центральное положение, тогда как в жилищах 1 и 2 он смещен от центра в юго-восточном направлении — в сторону предполагаемого выхода. Это смещение, как указывалось выше, не случайно. Таким образом, уже на раннем этапе прослеживается функциональная связь планировки интерьера с необходимостью оптимизации микроклимата, хотя сама конструкция остается максимально простой.

Вторая группа жилищ *набильской* культуры представлена полуподземными многоугольными жилищами, относящимися к рубежу суббореала-субатлантика и раннему субатлантику (Рис. 38-43). Предполагаем, что начавшееся на рубеже суббореального и субатлантического периодов и усилившееся в раннем субатлантике похолодание климата выступило мощным катализатором изменений в домостроительстве. Все далее описываемые жилища (Чайво 1, Аскасай 7, Лебединый 1, Мыс Островной) демонстрируют комплекс адаптивных признаков, направленных на повышение энергоэффективности и теплоизоляции.

Главным новшеством стало увеличение глубины котлована до 0,5-0,8 м, превратившее постройки в полуподземные. Предполагаем, что заглубление стен в грунт позволяло защитить нижнюю часть конструкции от промерзания и снизить теплопотери. Одновременно с этим наблюдается усложнение плана – на смену простым четырехугольникам приходят многоугольные формы (пяти-, семи-, восьмиугольники), которые, как было показано, являются производными от квадратной основы со срезанными углами или дополнительными гранями. Вероятно, подобная геометрия скосов не только улучшала аэродинамику и устойчивость каркаса, но и позволяла увеличить

внутренний объем при той же длине несущих балок. Внутри жилищ этого этапа появляются дополнительные элементы: хозяйственные ямы-погребки, ниши в стенах, а в наиболее сложных конструкциях – отдельные камеры и коридоры. Вариативность этих признаков позволяет выделить внутри данной группы несколько строительных традиций (или конструктивных вариантов).

Наиболее представительной является группа восьмиугольных жилищ, представленных на поселениях Чайво 1, Аскасай 7, Лебединый 1 (Рис. 38, 40-43), демонстрирующая при этом значительный разброс в размерах и внутреннем устройстве.

Наиболее крупным и сложноорганизованным сооружением является жилище 187 на поселении Чайво 1 (Рис. 38). Площадь его жилой камеры достигает 70 м², глубина котлована – 0,8 м, что является максимальными показателями для *набильской* культуры. Отличительная особенность постройки – наличие отдельной камеры (вероятно, выполнявшей функции кладовой-хранилища), соединенной с жилым помещением коридором. Такая планировка свидетельствует о развитой системе хранения и функциональном зонировании внутреннего пространства. Конструктивная сложность объекта подтверждается наличием трех ярусов обвязки кровли, необходимость которых была обусловлена значительными размерами перекрываемого помещения. Под термином «ярус обвязки кровли» понимается горизонтальная рама из жердей или плах, соединяющая вертикальные опорные столбы каркаса на определённой высоте и служащая опорой для стропил. Количество ярусов реконструируется по числу концентрических рядов столбовых ям, зафиксированных в плане жилища.

Противоположную категорию составляют малые по площади жилища. Жилище 3 на поселении Аскасай 7 (6 м²) и жилище на поселении Лебединый 1 (5 м²), имея восьми- и семиугольную форму, характеризуются минимальными размерами и наличием лишь одного яруса обвязки кровли (Рис. 42-43). Очаг в них смещен от центра к стене, что, вероятно, было обусловлено стремлением к максимально эффективному использованию

ограниченного внутреннего пространства. Особого внимания заслуживает жилище на памятнике Лебединый 1, впущенное в тело более древней курганной насыпи. Данная особенность в совокупности с малыми размерами позволяет предполагать его специализированное, а не постоянное жилое назначение. Как показывают этнографические данные, подобные небольшие постройки могли использоваться в качестве временных убежищ, сезонных промысловых станок или сооружений, связанных с отправлением обрядов [Шренк, 1899, с. 15; Крейнович, 1973, с. 341]. Опираясь на эти параллели, можно интерпретировать жилище Лебединый 1 аналогичным образом.

Промежуточное положение занимают жилища 1 и 2 на поселении Аскасай 7 (площадью 34 и 20 м² соответственно) (Рис. 40-41). Они имеют два яруса обвязки, четкую восьмиугольную планировку и, что важно, внутри жилых камер фиксируются хозяйственные ямы-погребки. Это указывает на их использование для постоянного проживания небольшими коллективами.

Таким образом, среди восьмиугольных жилищ *набильской* культуры прослеживается отчетливая функциональная и, вероятно, хронологическая дифференциация. К одной категории относятся крупные семейные дома с кладовыми (Чайво 1), к другой – жилища среднего размера с хозяйственными ямами (Аскасай 7), и к третьей – малые постройки, предположительно имевшие специальное назначение (Лебединый 1, Аскасай 7 жилище 3).

Отдельную группу образуют пятиугольные жилища с коридором-лазом, исследованные в пунктах 4 и 7 на памятнике Мыс Островной (Рис. 44-45). Их определяющей конструктивной особенностью является наличие такого коридора, соединявшего жилую камеру с наружным пространством. При значительном различии в площади (39 и 63 м²) оба сооружения обнаруживают единство строительной традиции: они имеют пятиугольную форму, каркасно-столбовую конструкцию, а их коридоры (длиной 10,5 и 7,3 м соответственно) примыкают к котловану асимметрично, что свидетельствует о реализации единого конструктивного замысла.

Функциональное назначение коридоров, по-видимому, обусловлено суровыми климатическими условиями. Они выполняли роль дополнительной преграды для холодного воздуха, создавая буферное пространство между жилой камерой и внешней средой. Находки остатков органического материала (предположительно, завесы из шкур) в зоне перехода из коридора в отапливаемое очагом помещение подтверждают данное предположение. Кроме того, в центральной части коридоров зафиксированы расширения, которые, судя по отсутствию следов очага и наличию уплотненного грунта, использовались в качестве холодных кладовых для хранения припасов

Специфика данной конструкции, вероятно, обусловлена не только общим вектором климатических изменений, но и локальной географической спецификой. Расположение жилищ на открытом пространстве морской косы, подверженном интенсивному ветровому воздействию, требовало более эффективных защитных решений по сравнению с условиями таежных ландшафтов в районах Чайво или Аскасая. Удлиненный подземный вход-лаз позволял минимизировать теплопотери и поддерживать устойчивый температурный режим в жилой камере.

Близкое сходство жилищ на обоих пунктах мыса Островного, при их различиях в площади, свидетельствует о формировании устойчивой локальной строительной традиции к позднему этапу *набильской* культуры. Ее отличительные черты – пятиугольная форма и удлиненный подземный коридор-лаз – выделяются в самостоятельный конструктивный вариант, который в разработанной типологии соответствует особой группе Б2 («углубленные жилища с дополнительными камерами/коридорами»). Данный вариант следует рассматривать как специализированную адаптацию домостроительства к экстремальным ветровым условиям мысовых пространств, отличным от таежных ландшафтов внутренних районов острова.

Показательно, что трехъярусная система обвязки зафиксирована лишь в крупнейших жилищах (Чайво 1, Мыс Островной п.7). Ее появление, вероятно, следует связывать не только с необходимостью перекрыть значительный

пролет, но и со строительным приемом составных стропил, выполненных из коротких жердей, что, по-видимому, было вынужденной мерой в условиях ограниченных ресурсов длинномерного строевого леса.

Представленный анализ вариативных признаков позволяет проследить направленную эволюцию домостроительства в *набильской* культуре. Усложнение планировки, увеличение глубины котлованов, а также появление специальных конструктивных элементов (хозяйственных ям, дополнительных камер, удлиненных коридоров) представляют собой закономерный ответ на долговременную тенденцию похолодания климата. Выявленные устойчивые сочетания признаков создают основу для построения типологии жилищ *набильской* культуры.

В её основу положены представления о типологическом методе в археологии, синтезирующие классический подход В. А. Городцова (выделение типов по устойчивым сочетаниям признаков) [Городцов, 1995, с. 28-29] с аналитическими разработками Р. К. Даннелла (разграничение эволюционных и функциональных классов) [Dunnell, 1971, p. 45-47]. В этом ключе, тип рассматривается не как произвольная исследовательская конструкция, а как отражение устойчивых культурных традиций домостроительства, обладающее хронологической и культурной диагностичностью.

Классификация выполнена на основе 10 жилых сооружений с шести памятников (Джимдан 5, Чайво 1, Аскасай 7, Лебединый 1, Мыс Островной п. 7 и п. 4). Исходные данные систематизированы в Таблице 4, включающей 13 признаков, характеризующих планировку, конструкцию и детали интерьера. Анализ признаков позволил выделить устойчивые сочетания, образующие археологические типы. Разработанная типология представлена в Таблице 5.

На основе частотного анализа и корреляции признаков определены следующие диагностические характеристики жилищ *набильской* культуры, устойчиво повторяющиеся в исследованной выборке (Таблицы 4-5):

1. Форма котлована в плане: подквадратная/прямоугольная; пяти-, семи-, восьмиугольная.
2. Глубина котлована: слабоуглубленные (0–0,3 м); углубленные (0,5–0,8 м).
3. Площадь жилой камеры: малые (5–6 м²); небольшие (18–21 м²); средние (34–39 м²); большие (63–70 м²).
4. Количество ярусов обвязки кровли: один; два; три.
5. Наличие дополнительных камер/коридоров: отсутствуют; одна дополнительная камера; коридор-лаз.
6. Наличие внутренних хозяйственных ям (погребков): отсутствуют; присутствуют.
7. Центровка очага: в центре жилища; смещен к выходу или стене.

Перечисленные признаки обладают разной таксономической значимостью. Для построения непротиворечивой классификации, отражающей как эволюционные изменения, так и функциональное разнообразие жилищ, предлагается трехуровневая иерархическая система: отделы – группы – типы.

Отделы выделяются по конструктивному принципу, а именно по базовой конфигурации плана, которая, как показано выше, производна от четырехугольника и отражает общую линию развития домостроительства. В *набильской* культуре отчетливо различаются два отдела:

Отдел А (прямоугольные жилища). Он включает постройки с подквадратным или прямоугольным контуром стен, без дополнительных углов. Этот отдел соответствует раннему этапу культуры и характеризуется наиболее простыми конструктивными решениями.

Отдел Б (многоугольные жилища). Объединяет жилища с пяти-, семи- и восьмиугольными очертаниями, образованными путем «срезания» углов исходного прямоугольника или добавления граней. Этот отдел связан с периодом похолодания и демонстрирует усложнение архитектуры.

Группы внутри отделов выделяются на основе сочетания двух признаков: глубины котлована (как показателя теплоизоляции) и наличия дополнительных камер/коридоров (как показателя планировочной сложности). Такое сочетание позволяет дифференцировать жилища по степени их адаптации к суровым климатическим условиям. В отделе А (прямоугольные) представлена только одна группа - слабоуглубленные наземные жилища без дополнительных элементов (А1). В отделе Б (многоугольные) выделяются две группы:

Группа Б1 представлена углубленными жилищами без дополнительных камер. Усложнение идет за счет углубления и многоугольности, но без вынесенных элементов.

Группа Б2 представлена углубленными жилищами с дополнительными камерами или коридорами. Для них характерна максимальная сложность, которая проявляется в том числе во включении обособленных холодных помещений.

Типы представляют собой наиболее дробную таксономическую единицу. Они выделяются внутри групп по устойчивым сочетаниям метрических и морфологических признаков: площади жилой камеры, количества ярусов обвязки, наличия хозяйственных ям и центровки очага. Именно на уровне типов фиксируется вариабельность, связанная с конкретными функциями построек (постоянное/сезонное проживание, хозяйственное или специальное назначение) и, возможно, с хронологическими различиями внутри этапов.

Тип Б2.1. Большие многокамерные жилища с тремя ярусами обвязки – жилище 187 поселения Чайво 1 (восьмиугольное, площадь жилой камеры 70 м²) и жилище 1 поселения Мыс Островной п. 7 (пятиугольное, 63 м²). Их признаками выступают большая площадь, наличие 3-х ярусов обвязки и наличие дополнительной камеры (в Чайво 1 – отдельная камера-кладовая, соединенная коридором; в Мыс Островной пункт 7 – длинный коридор-лаз, расширяющийся в хранилище), кроме того, внутри жилой камеры могут быть

ниши или погребки (в жилище на Чайво 1 – овальная яма); для очага характерно как центральное положение, так и смещение к выходу.

Тип Б2.2. Средние жилища с коридором-лазом. Жилище 1 поселения Мыс Островной пункт 4 (пятиугольное, площадь 39 м²). Его признаками выступают средняя площадь, наличие 2-х ярусов обвязки, присутствие коридора-лаза с расширением-хранилищем, очаг смещен к выходу. Данный тип отличается от Б2.1 меньшими размерами котлована и наличием двух ярусов обвязки.

Предложенная иерархия позволяет, во-первых, отделить наиболее общие, культурно-значимые характеристики (отделы), во-вторых, учесть степень адаптации к среде (группы) и, в-третьих, детализировать функциональное разнообразие жилищ (типы). Классификация построена таким образом, что каждый последующий уровень опирается на признаки, обладающие меньшей шириной распространения, что соответствует принципам типологического метода в археологии [Городцов, 1995; Dunnell, 1971].

Предложенная типология позволяет проследить направленные изменения в домостроительстве *набильской* культуры, обусловленные сменой природно-климатических условий на протяжении позднего голоцена. Выделяются три основных хронологических этапа, каждому из которых соответствует специфический набор конструктивных признаков.

На *раннем этапе набильской* культуры (поздний суббореал, относительно теплый и сухой климат) бытуют исключительно жилища отдела А – прямоугольные слабоуглубленные постройки, представленные материалами поселения Джимдан 5 (тип А1.1). Для них характерна простая двухъярусная конструкция кровли, отсутствие дополнительных хозяйственных элементов (ям, ниш, пристроек) и наземные выходы. Слабая заглубленность котлованов (до 0,3 м) объясняется отсутствием необходимости в дополнительной термоизоляции в условиях относительно мягкого климата.

На *среднем этапе набильской* культуры (рубеж суббореала и субатлантика) начало похолодания совпадает с появлением многоугольных жилищ отдела Б. На данном этапе возникают углубленные (до 0,5 м) восьмиугольные постройки без дополнительных камер, но с внутренними хозяйственными ямами (тип Б1.1, жилища 1 и 2 поселения Аскасай 7). Усложнение конструкции выражается в двухъярусной системе обвязки кровли и многоугольной планировке, которая улучшала теплоизоляцию и устойчивость каркаса. Одновременно фиксируются малые постройки специального назначения (тип Б1.2), которые, судя по этнографическим параллелям, могли использоваться как временные убежища или ритуальные сооружения.

На *позднем этапе набильской* культуры (субатлантический период, максимум похолодания), в условиях наиболее сурового климата получают развитие сложные многокамерные жилища с тремя ярусами обвязки кровли (тип Б2.1). Крупные постройки данного типа (жилище 187 на Чайво 1, жилище 1 на мысе Островном, пункт 7) демонстрируют максимальную для *набильской* культуры планировочную сложность: они снабжены дополнительными камерами-кладовыми либо длинными подземными коридорами-лазами, выполнявшими функцию буферных зон и холодных хранилищ. Увеличение глубины котлованов до 0,8 м и применение трехъярусной конструкции кровли (в том числе с использованием составных стропил) свидетельствуют о целенаправленном поиске инженерных решений, направленных на минимизацию теплопотерь. К этому же этапу относится жилище типа Б2.2 (мыс Островной, пункт 4). Несмотря на меньшие размеры и наличие лишь двух ярусов обвязки, оно воспроизводит ту же строительную традицию – пятиугольную форму и удлиненный коридор-лаз.

Таким образом, направленность домостроительной традиции *набильской* культуры определялась долговременной тенденцией похолодания климата, что выразилось в последовательном накоплении адаптивных

признаков: увеличении глубины котлованов, усложнении плана и появлении дополнительных конструктивных элементов.

Корреляция хронологических этапов, типологических характеристик жилищ и палеоклиматических реконструкций позволяет рассматривать эволюцию домостроительства как адаптивную реакцию на долговременную тенденцию похолодания (Рис. 3-6). Полученные выводы согласуются с данными о динамике поселенческой стратегии, в рамках которой фиксируются синхронные процессы – усиление специализации на лагунных ресурсах и освоение экстремальных прибрежных локаций, что позволяет рассматривать их как взаимосвязанные проявления единой адаптационной модели в условиях климатического стресса I тыс. до н. э.

2. 5. Керамика *набильской* культуры¹

Наиболее массовым и репрезентативным материалом, позволяющим проследить динамику *набильской* культуры, является керамика, которая служит основой изучения археологических комплексов I тыс. до н. э. на Сахалине.

Керамика является не только индикатором хронологической и культурной принадлежности, но и маркером межкультурных контактов, а также отражает изменения в хозяйственном укладе и социальной структуре. В связи с этим цель данного раздела состоит в том, чтобы выявить устойчивые (культурообразующие) и переменные признаки керамического комплекса *набильской* культуры в их хронологической динамике и на этой основе реконструировать эволюцию гончарной традиции.

Для изучения керамики *набильской* культуры были применены следующие методы, основанные на выделении трёх смысловых блоков:

---

¹ Материалы данного параграфа опубликованы автором в статье: Пашенцев П. А. Керамика *набильской* археологической культуры острова Сахалин // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 35. С. 52–71. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.35.52>.

технология производства, морфология и орнамент. При изучении технологических особенностей мы опирались на работы в области историко-культурного подхода [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012] и естественнонаучного анализа керамики [Жущиховская, 2011; Ламина и др., 1995; Волкова, Цетлин, 2016 и др.]. Для изучения состава керамического теста петрографическим методом исследованы 33 образца керамики *набильской* археологической культуры, из которых 10 образцов относятся к её раннему, 14 – к среднему, 9 – к позднему этапу (Таблица 6; Рис. 48, 58, 66). Петрографические определения выполнены Г. В. Орловой. В ходе анализа фиксировались: состав глинистого вещества, состав и характер отощающих фракций (размерность, минералогический состав), их процентное соотношение, наличие, характер и размеры пор, тип цементации.

Рентгеноструктурный анализ (выполнен М. Н. Рубцовой) применён для 5 образцов *набильской* керамики, а также (для сравнения) для образцов *пильтунской* (5), *кашкалебагшской* (3) культур и *какорминской* (1) группы.

Для определения характера обжига проведён повторный обжиг в муфельной печи (Рис. 50, 59, 67). Повторный обжиг 5 образцов проведён по методике Е.В. Волковой и Ю.Б. Цетлина [2016].

Для статистико-классификационного анализа керамика опорных памятников *набильской* культуры объединялась в сводные таблицы. Поскольку керамика северного Сахалина рассматриваемого периода в основном фрагментирована, из коллекций отбирались фрагменты размером более 4 кв. см, так как информация, полученная по фрагментам меньшего размера, как правило, менее достоверна [Коваль, 2016, с. 15]. Всего отобрано 1119 фрагментов различных частей керамических сосудов (венчиков, плечиков, тулов, придонных частей, доньев). Каждый образец рассматривался визуально, под лупой с метрической шкалой (цена деления 0,1 мм) и лабораторным стереомикроскопом Olympus SZ61.

Помимо базовых характеристик (толщина стенки, цвет фрагмента) фиксировались следующие технологические и морфологические признаки:

- характер изгиба части сосуда (прямой, вогнутый, изогнутый, профилированный);

- наличие и характер спая (горизонтальный, вертикальный, диагональный);

- особенности обработки внешней и внутренней поверхностей и их направление (следы заглаживания, ямки, царапины, борозды, отпечатки пальцев, отпечатки травы);

- наличие визуально диагностируемых особенностей излома и единично фиксируемых технологических операций (например, отпечатки стеблей травы в изломе, наличие закраины – примазки излишка гончарной массы венечной ленты).

Для венечных частей дополнительно отмечалась форма кромки венчика (овальная симметричная, овальная внешне симметричная, овальная внутренне асимметричная, грибовидная симметричная, грибовидная внутренне асимметричная, прямая).

В исследовании орнамента применительно к его структуре мы опирались на разработки С. В. Иванова [1963], а применительно к технологическому аспекту нанесения декора – на исследование И. Г. Глушкова [1996]. Опорными категориями выступали «орнаментальный элемент», «орнаментальный мотив» и «тип орнамента» [Иванов, 1963, с. 42]; в изучении техники декорирования использовалась классификация по способам, приёмам, технике и манере декорирования, а также описание используемых орнаментиров [Глушков, 1996, с. 63-64]. Полезным для систематизации подходов оказалось учебно-методическое пособие Л. С. Кобелевой и Л. Н. Мыльниковой [2008]. Фиксировались степень орнаментированности, элементы узора и техника нанесения декора.

Для выделения морфологических особенностей использованы 6 археологически целых сосудов *набильского* типа. Помимо всех критериев, применявшихся при изучении фрагментов, для целых изделий использована программа изучения форм сосудов В.Ф. Генинга [Генинг, 1973]. В итоге

определены параметры размерности и параметры формы. Экспериментальная лепка и обжиг использовались для проверки отдельных гипотез. Для морфологического анализа целых форм применена программа В.Ф. Генинга [Там же], хорошо зарекомендовавшая себя на простых формах сахалинской керамики.

Использование совокупности описанных методов и категорий историко-культурного подхода позволило составить целостное представление об особенностях гончарного производства *набильской* археологической культуры [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012] и в дальнейшем использовать этот керамический комплекс как эталонный для сравнения с материалами других культур Сахалина I тыс. до н. э.

Перед тем как перейти к детальному анализу керамических комплексов в их хронологической динамике, необходимо охарактеризовать совокупность устойчивых признаков гончарной традиции *набильской* культуры. Выявление этого комплекса, базирующееся на данных технико-технологического, морфологического и орнаментального анализов, позволяет выявить ту общую основу, которая объединяет все исследованные памятники и даёт возможность рассматривать их в рамках единой культурной традиции [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012]. Эти признаки, сохраняющиеся на протяжении всего периода существования культуры, служат надёжным маркером её идентификации и образуют тот культурный инвариант, на фоне которого в дальнейшем будут рассмотрены хронологические и локальные вариации.

Анализ керамических комплексов показал, что вся без исключения керамика *набильской* культуры служила её создателям для бытовых нужд – приготовления и хранения пищи.

Сырьё и формовочные массы

Исходным сырьём для изготовления керамики служили тощие пылеватые суглинки гидрослюдисто-хлоритного состава. По данным петрографического изучения 33 образцов, содержание глинистого вещества в формовочных массах составляет от 45 до 84%, при этом в большинстве образцов оно

колеблется в пределах 60-75 %, что характерно для тощих суглинков с естественной примесью алевритовых частиц (Таблица 6; Рис. 48, 58, 66).

В качестве отощителя повсеместно использовался кварц-полевошпатовый песок. Его зёрна имеют преимущественно мелко- и среднезернистую размерность (0,15-1,0 мм), реже встречаются крупнопесчаные включения (до 2 мм). Форма зёрен варьирует от оскольчато-угловатой до окатанной, что свидетельствует как о естественном происхождении части песка (вероятно, из местных пляжевых или аллювиальных отложений), так и о возможной преднамеренной сортировке (в ряде образцов фракционный состав хорошо отсортирован, например, в керамике Аскася 7 преобладает фракция 0,3-0,6 мм).

Примесь шамота фиксируется эпизодически и в очень малых количествах (менее 1% объёма формовочной массы). Она отмечена в единичных образцах Джимдана 5, Чайво 6, Чайво 1 и Аскася 7, но полностью отсутствует в керамике позднего этапа (Мыс Островной). Таким образом, использование шамота не являлось системной технологической операцией; его появление, вероятно, связано со случайным попаданием измельчённых фрагментов керамики или с индивидуальными отклонениями от рецептуры.

В целом, состав формовочных масс *набильской* керамики отличается высокой степенью однородности на всех этапах: это тощие суглинки с минеральным отощителем в виде кварц-полевошпатового песка. Данный признак является одним из наиболее устойчивых и диагностичных для всей культурной традиции.

Конструирование и формовка сосудов

Все исследованные сосуды *набильской* культуры изготавливались ручным способом с использованием ленточно-кольцевого налёпа. Об этом свидетельствуют систематически фиксируемые следы спаев лент, параллельных кромке венчика (Рис. 49). Ширина формовочных лент составляет в среднем 2,5-3,5 см. На внутренней поверхности многих фрагментов диагностируются небольшие ямки и бугорки – следы подправки

формы пальцами в процессе лепки. На внешней поверхности иногда прослеживаются «фасетки», указывающие на заглаживание по подсушенной поверхности [Цетлин, 2012, с. 307].

Ключевым для реконструкции программы конструирования является анализ последовательности наложения лент и локализации «закраин» - следов примазывания одной ленты к другой. На всех археологически целых сосудах и крупных фрагментах, где удаётся проследить эту деталь, зафиксирована ёмкостная программа формовки. Это означает, что процесс конструирования начинался с изготовления верхней части сосуда (венчика), а затем последовательно наращивались ленты в направлении дна.

Наиболее показателен в этом отношении сосуд из жилища 187 поселения Чайво 1 (Рис. 60-2). У него отчётливо прослеживается следующая последовательность (Рис. 46):

- первая, венечная лента имеет характерный загиб – «закраину» на внутреннюю сторону сосуда. Это прямое указание на то, что формовка началась именно с этой ленты, и она служила основой для крепления последующих;

- вторая-седьмая ленты, формирующие тулово, крепились к внутренней стороне предыдущих. Такое крепление обеспечивало постепенное сужение сосуда книзу, что соответствует овалоидовидной форме;

- восьмая, донная лента, заводилась изнутри и примазывалась к уже сформированному тулову.

Дополнительным аргументом, обосновывающим использование ёмкостной программы формовки, служит устойчивая деформация горловин сосудов, которая возникает именно при наращивании лент сверху вниз, когда ещё не затвердевшая верхняя часть испытывает давление при креплении нижних лент. Эта особенность фиксируется на многих фрагментах *набильской* керамики.

Следовательно, можно заключить, что для *набильской* гончарной традиции была характерна единая ёмкостная программа конструирования.

Обработка поверхности

Обработка поверхности сосудов устойчиво дифференцирована: внешняя сторона обрабатывалась значительно тщательнее внутренней. Внешняя поверхность почти всегда заглажена, часто до состояния матового лощения. На ней регулярно присутствуют субпараллельные трассы – царапины и бороздки, оставленные твёрдым инструментом (вероятно, галечным лощилом). Направление трасс варьирует (горизонтальное, вертикальное, диагональное), что отражает различные приёмы заглаживания.

Внутренняя поверхность обрабатывалась небрежно: на ней фиксируются хаотичные царапины, ямки от пальцев, наплывы глины, реже – отпечатки травы (возможно, случайные). Такая асимметрия обработки является устойчивой чертой *набийской* керамики и сохраняется на всех этапах.

Обжиг

Обжиг всех исследованных сосудов производился в костровых условиях при низких температурах. Наиболее детальные данные получены в результате комплексного изучения керамики поселения Аскасай 7 с применением петрографического, рентгенофазового анализов и экспериментального ступенчатого нагрева [Демонтерова и др., 2024].

Петрографический анализ шлифов выявил наличие в формовочной массе невыжженного растительного детрита (образец Km-21-1), что однозначно указывает на непродолжительный нагрев, не достигший температур полного выгорания органики [Демонтерова и др., 2024, рис. 2г]. Рентгенофазовый анализ девяти образцов керамики Аскасай 7 зафиксировал присутствие смектита – глинистого минерала, кристаллическая структура которого окончательно разрушается при нагреве выше 500°C [Демонтерова и др., 2024, табл. 2]. Сохранность смектита служит дополнительным минералогическим индикатором низкотемпературного режима обжига.

Наиболее точные данные о температурном режиме получены методом ступенчатого повторного обжига в муфельной печи. Изменение цвета и текстуры исследуемых образцов начинало фиксироваться в интервале 400-

500°С [Демонтерова и др., 2024, с. 341, рис. 3]. Следовательно, первичная температура обжига керамики не превышала данного предела. Этот вывод подтверждается и сохранностью хлорита в исследованных ранее образцах с других памятников *набильской* культуры (Рис. 47, 57, 65), так как хлорит также является термолабильным минералом [Ламина и др., 1995, с. 16].

В относительно толстых фрагментах (5,5-9 мм) иногда фиксируется более тёмная полоса в изломе. Данное обстоятельство, согласно экспериментальным и этнографическим данным, свидетельствует о непродолжительности обжига и, возможно, о расположении сосуда на периферии костра, где нагрев был менее равномерным [Волкова, 2015а; Волкова, Цетлин, 2015; Демонтерова и др., 2024].

Совокупность полученных данных позволяет с уверенностью утверждать, что обжиг производился в открытых кострах, а не в специализированных теплотехнических сооружениях (горнах или ямных печах), следы которых на исследованных памятниках отсутствуют [Демонтерова и др., 2024, с. 341]. Такой способ обжига характерен для гончарства *набильской* культуры на всех этапах её существования, однако на позднем этапе фиксируется переход к восстановительному режиму (серые тона черепка), что, вероятно, связано с изменением топлива или условий организации костра.

Важно отметить, что на фоне общей гомогенности технологии обжига, наличие единичного образца с шамотом (Км-21-6) и его отличная от основной массы реакция на ступенчатый нагрев дают основание предполагать, что этот сосуд мог быть изготовлен в иной технологической традиции, возможно, за пределами данного поселения [Демонтерова и др., 2024, с. 342]. Это наблюдение согласуется с выводами о наличии инокультурных элементов в керамике *набильской* культуры, особенно на среднем и позднем этапах.

Морфология сосудов

Общая форма сосудов *набильской* культуры – овалоидовидная, закрытого типа, широкогорлая. Сосуды имеют приплюснутое тулово, стенки плавно

изогнуты и сходятся к донной части. Шейка в подавляющем большинстве случаев не выражена (за исключением небольшой группы слабопрофилированных сосудов, которая будет рассмотрена отдельно). Венчики представлены двумя основными типами: овальные (симметричные, внешне симметричные, внутренне асимметричные) и грибовидные (симметричные и внутренне асимметричные). Донные части всех сосудов имеют приострѐнную форму и завершаются характерным сосцевидным налепом - утолщением в экстремальной части дна (Рис. 56, 64, 71). Этот элемент, по-видимому, выполнял как декоративную, так и, возможно, утилитарную функцию (утяжеление дна для устойчивости).

Размеры сосудов варьируют: от небольших (высотой около 6-9 см) до крупных (высотой до 24 см), но пропорции (широкогорлость, соотношение высоты и максимального диаметра) остаются устойчивыми (Таблица 7).

Декор

Орнамент наносился исключительно на проксимальную часть сосуда – от кромки венчика до зоны плечика, иногда чуть ниже. Декорирование тулова и придонной части не практиковалось. Основной формой орнаментации является негативный рельеф (оттиски, вдавления); позитивный рельеф (налепы) использовался только для оформления донца.

Преобладающие техники нанесения орнамента на всех этапах – печатная гребенка и отступающе-накольчатая. Другие техники (прочерчивание, наsekание, тиснение концом стека) встречаются эпизодически и не являются доминирующими. Орнаментыры – преимущественно зубчатые штампы с овальным ложем, с мелкими зубцами (1-3 мм) и небольшими интервалами (1-2 мм).

Основные элементы орнамента:

- горизонтальные сплошные линии (выполненные печатной гребенкой или отступающе-накольчатой техникой);
- горизонтальные прерывистые линии (составленные из отдельных оттисков);

- диагональные короткие линии (ряды наклонных оттисков);
- вертикальные короткие линии (редко);
- отдельные оттиски.

Композиционно декор строится как линейно-геометрический (субпараллельные линии, пояса). Уже на раннем этапе прослеживается характерная особенность – отсутствие строгого ритма и жёсткой выдержанности интервалов между линиями, что позднее эволюционирует в осознанный линейно-асимметричный стиль.

Таким образом, *набильская* гончарная традиция характеризуется устойчивым комплексом признаков:

1. использование тощих гидрослюдисто-хлоритных суглинков с минеральным отощителем (кварц-полевошпатовый песок);
2. ленточно-кольцевой налеп по ёмкостной программе;
3. дифференцированная обработка поверхностей (тщательная внешняя, небрежная внутренняя);
4. низкотемпературный костровой обжиг;
5. овалоидовидная форма с приострѐнным дном и характерным сосцевидным налепом;
6. два основных типа венчиков (овальные и грибовидные);
7. декорирование проксимальной части линейно-геометрическими композициями, выполненными преимущественно гребенчатыми штампами.

Эти инвариантные черты формируют *культурно-значимые признаки* керамики *набильского* типа, позволяющие идентифицировать керамику как *набильскую* и отличать её от синхронных культур Сахалина.

После определения инвариантных черт гончарной традиции перейдѐм к анализу её вариабельности во времени. Динамика изменений в керамике рассматривается в соответствии с трёхчленной периодизацией *набильской* культуры, обоснованной выше.

Для *раннего этапа набильской* культуры, представленного материалами поселений Джимдан 5, Чайво 6 и Баури 2, керамический комплекс

характеризуется следующими устойчивыми признаками. Формовочные массы отличаются высокой степенью однородности: глинистое вещество гидрослюдисто-хлоритного состава составляет от 45 до 65 % (Рис. 47). В качестве отошителя использован кварц-полевошпатовый песок с преобладанием мелко- (0,15-0,3 мм) и среднезернистых (0,3-1 мм) фракций; зафиксированы следы предварительной сортировки песка, направленной на удаление крупных включений. Шамот встречается эпизодически, его доля не превышает 1 % (Таблица 6; Рис. 48). Конструирование сосудов осуществлялось по ёмкостной программе ленточно-кольцевым налепом, ширина формовочных лент составляет 2,5-3 см (Таблица 6). Завершающая стадия технологического цикла – обжиг – производилась в открытых кострах в окислительном режиме, на что указывают светлые тона черепка (оранжевый, розовый) и сохранность хлорита в составе глин. Температура обжига не превышала 550-700°C; в толстых фрагментах (толщиной более 6 мм) иногда фиксируется тёмная полоса недожога, свидетельствующая о кратковременности термического воздействия.

Устойчивые морфологические признаки сосудов раннего этапа включают овалоидовидную форму закрытого типа с приплюснутым туловом и невыраженной шейкой (Таблица 7; Рис. 52). Формы венчиков представлены двумя основными типами. На поселении Джимдан 5 (выборка из 5 диагностируемых венчиков) овальные внешне симметричные формы составляют 80% (4 экз.), грибовидные внутренне асимметричные – 20% (1 экз.). На поселении Чайво 6, где выборка значительно репрезентативнее, овальные внешне симметричные венчики составляют 78%, а грибовидные внутренне асимметричные – 22% (Таблица 8; Рис. 53, 54, 56). Разделение этих форм в значительной мере условно, поскольку на одном сосуде (Джимдан 5) разные участки венчика могут демонстрировать как овальную, так и грибовидную конфигурацию, что свидетельствует о вариативности внутри единой традиции. Донные части всех сосудов имеют приострѐнную форму с характерным сосцевидным налепом (Рис. 52, 56), который, вероятно,

выполнял как декоративную, так и утилитарную функцию (утяжеление дна для устойчивости).

Орнамент наносился на проксимальную часть сосуда (от венчика до плечика). Степень орнаментированности высокая. Преобладающей техника декора является печатная гребенка (Джимдан 5 – 87% орнаментированных фрагментов; Чайво 6 – около 50%). Для нанесения печатного орнамента использовались зубчатые штампы с овальным ложем, мелкими зубцами (1-2,5 мм) и интервалами (1-1,5 мм). На Чайво 6 также широко применялся инструмент с удлинённо-овальным рабочим краем, имитирующий гребенчатый оттиск (Рис. 55). Отступающе-накольчатая техника составляет меньшую долю (Джимдан 5 – около 13%; Чайво 6 – 25%). Основные элементы орнамента: горизонтальные сплошные линии, горизонтальные короткие линии, диагональные короткие линии. Уже на раннем этапе прослеживается характерная особенность – нестрогость ритма, отсутствие жёсткой выдержанности интервалов между линиями (Таблица 9; Рис. 56). В композициях преобладают двух- и трёхэлементные узоры, преимущественно сочетания горизонтальных и диагональных линий.

Таким образом, керамика раннего этапа *набильской* культуры демонстрирует уже сложившиеся технологические приёмы (сортировка песка, ёмкостная программа формовки). Для неё характерны высокая степень орнаментированности и богатство композиций, что, вероятно, отражает не только технологические, но и социально-значимые аспекты керамического производства.

Для *среднего этапа набильской* культуры, представленного материалами поселений Чайво 1, Аскасай 7, Усть-Айнское 1 и Лебединый 1, керамический комплекс характеризуется следующими устойчивыми признаками.

Состав формовочных масс в целом обнаруживает преемственность с ранним этапом: в качестве исходного сырья использовались тощие гидрослюдисто-хлоритные суглинки (доля глинистого вещества составляет от 51 до 80 %) с кварц-полевошпатовым песком в роли основного отощителя

(Таблица 6; Рис. 57). Фиксируются различия в подготовке сырья: на Аскасае 7 песок отличается хорошей сортировкой (преобладает фракция 0,3-0,6 мм), тогда как на Чайво 1 преобладают средне- и крупнозернистые фракции (до 3 мм) (Рис. 58). Считаем, что наблюдаемые различия не противоречат отнесению памятников к единой *набильской* культуре, а отражают её внутреннюю вариабельность как результат адаптации к местным сырьевым ресурсам и, возможно, наличия разных производственных традиций. Шамот встречается единично (Таблица 6; Рис. 58).

Конструирование сосудов осуществлялось ленточно-кольцевым налепом по ёмкостной программе; ширина формовочных лент варьирует от 2 до 3,5 см (Таблица 7). Обработка поверхности характеризуется дифференциацией: внешняя сторона тщательно заглажена, внутренняя – небрежно, с ямками от пальцев и хаотичными царапинами. Исключение составляет керамика из жилища 3 поселения Аскасай 7, на которой зафиксированы гляцевое лощение и полировка поверхности (Рис. 63-2).

Обжиг по-прежнему производился на костре в окислительной среде, о чём свидетельствуют светлые тона черепка. По данным петрографического и рентгенофазового анализа керамики Аскасае 7, температура обжига не превышала 400-500 °С [Демонтерова и др., 2024]. В толстых фрагментах (толщиной 5,5-9 мм) наблюдается тёмная полоса недожога, указывающая на кратковременность термического воздействия. Присутствие невыжженного растительного детрита в одном из образцов (Км-21-1) также подтверждает низкотемпературный режим обжига [Демонтерова и др., 2024].

Основная форма – овалоидовидная, широкогорлая, с приострѐнным дном и сосцевидным налепом. Наряду с сосудами без шейки фиксируются слабопрофилированные формы, составляющие около 10 % венчиков на Чайво 1, а на Аскасае 7 - около половины (Таблица 8). Формы кромок венчиков на среднем этапе достигает максимального разнообразия (Таблица 8; Рис. 61-64). На Чайво 1 преобладают овальные внешне симметричные венчики, присутствуют грибовидные внутренне асимметричные и единично – овальные

внутренне асимметричные. На Аскасае 7 представлены: овальные симметричные (11%), овальные внешне симметричные (38%), овальные внутренне асимметричные (12%), грибовидные симметричные (10%), грибовидные внутренне асимметричные (29%). Археологически целый сосуд из Чайво 1 (высота 24 см, диаметр 25 см) демонстрирует пропорции, характерные для крупных ёмкостей (Таблица 7).

На среднем этапе наблюдается резкая дифференциация орнаментальных традиций. На Чайво 1 степень орнаментированности достигает 95,8% (Таблица 9; Рис. 61). Преобладает техника печатной гребенки. Отступающе-накольчатая техника составляет 9%, тиснение концом стека - 7%. Основные элементы орнамента - сплошные горизонтальные линии и диагональные короткие линии по скосу венчика. Композиции становятся линейно-асимметричными: нарушается строгая параллельность линий, меняются интервалы. Двух- и трёхэлементные узоры, сочетающие горизонтальные и диагональные линии, составляют более половины всех составных узоров (Таблица 9; Рис. 64).

На Аскасае 7, напротив, орнаментировано всего 3,2% фрагментов. В жилищах 1 и 2 встречается только один вариант узора – субпараллельные горизонтальные гребенчатые линии (от 2 до 6 рядов) (Рис. 62). На этом фоне резко выделяется керамика из жилища 3 Аскасае 7. Здесь обнаружены остатки двух сосудов: один с линейно-асимметричным орнаментом в виде диагональных коротких отрисков по шейке (отступающе-накольчатая техника), другой – с криволинейным орнаментом (печатная гребенка) на лощёной и полированной поверхности (Рис. 63).

В орнаментации сосудов с поселения Усть-Айнское 1 зафиксирован линейно-асимметричный узор с «подвесками» (Рис. 60-1). Данный узор в целом сходен с узором как керамики Чайво 1, так и жилища 3 поселения Аскасай 7 (Рис. 64).

Таким образом, средний этап *набильской* культуры характеризуется выраженной диверсификацией гончарных традиций, наиболее ярко

проявляющейся в сопоставлении материалов поселений Чайво 1 и Аскасай 7. Выявленные различия требуют объяснения, которое, по-видимому, лежит в плоскости пространственно-территориальных или социальных факторов [Шнирельман, 1993, с. 18; Пантелеева, 2012, с. 190-191; Tsetlin, 2012, p. 65; Волкова, 2015б, с. 30-32; Жущиховская, 2015, с. 200; Татаурова, 2015, с. 149; Щербань, Щербань, 2015, с. 165, 168-169; Pikirayi, Lindahl, 2015, p. 97, 100, 108-109; Зимина, 2017, с. 146].

Поселение Чайво 1, насчитывающее около 500 жилищных впадин и расположенное на побережье лагуны Чайво, по своим масштабам выделяется среди синхронных памятников и может рассматриваться как один из крупных центров концентрации населения. Можно полагать, что концентрация значительного населения в таком месте создавала предпосылки для усложнения социальных связей и, возможно, для выделения различных статусных групп внутри общины. В таких условиях керамика, будучи массовым продуктом, могла приобретать не только утилитарное, но и социально маркирующее значение. Высокая степень орнаментированности (95,8%), сложность композиций и формирование линейно-асимметричного стиля на Чайво 1 могут отражать использование декорированной посуды в качестве маркера престижа. Концентрация сложноорнаментированной керамики именно в крупном центре позволяет предполагать, что здесь формировался спрос на престижную утварь, которая могла использоваться в публичных церемониях или в обменных операциях. Украшенный сосуд в таком контексте неизбежно становился носителем социальной информации.

Напротив, поселение Аскасай 7, расположенное в глубине долины р. Аскасай и, судя по структуре каменного инвентаря, интерпретируемое как сезонный (зимний) промысловый лагерь, демонстрирует иную картину. Подавляющее большинство керамики здесь неорнаментировано (96,8%). Это хорошо согласуется с его интерпретацией как специализированного сезонного поселка, где керамика выполняла преимущественно утилитарные функции. Поэтому можно предполагать, что посуда изготавливалась в каждом

домохозяйстве для собственных нужд, что объясняет её простоту и стандартизированность при минимальном декоре.

На этом фоне выделяется керамический комплекс из жилища 3 Аскася 7. Наличие лощёной и полированной посуды с криволинейным орнаментом, необычной для комплекса данного памятника, требует особого объяснения. Можно предложить несколько гипотез.

Во-первых, жилище 3, несмотря на небольшие размеры, могло принадлежать человеку с особым социальным статусом или ролью среди жителей поселения, в чьём обиходе находилась престижная посуда.

Во-вторых, не исключено, что жилище 3 имело культовое назначение и использовалось для отправления обрядов, требующих специальной ритуальной утвари. Археологические и этнографические параллели подтверждают возможность использования особой посуды в ритуальной практике [Косарев, 2003, с. 237-238]. Так, в материалах кротовской культуры могильника Сопка-2 зафиксирована керамика, которая по своим характеристикам интерпретируется исследователями как специально изготовленная или отобранная для погребальных целей, что подтверждает её особый, ритуальный статус [Молодин, Гришин, 2016, с. 215, 225].

В-третьих, керамика из жилища 3 может быть импортной. На это может указывать её стилистическое своеобразие, однако, учитывая хрупкость керамики и её меньшую пригодность для дальнего обмена по сравнению с украшениями, более вероятно, что она была привнесена в результате межгрупповых брачных контактов или вместе с переселенцем, а не как предмет торговли.

Таким образом, на среднем этапе *набильской* культуры отмечается диверсификация гончарной традиции, проявившаяся в сосуществовании двух основных линий развития. Первая из них, представленная материалами крупного прибрежного поселения Чайво 1, отличается высокой степенью орнаментированности, сложными композициями и линейно-асимметричным стилем. В контексте крупного базового посёлка такая керамика могла

выполнять, наряду с утилитарной, функции маркера групповой идентичности. Вторая линия, связанная с сезонным небольшим поселением Аскасай 7, характеризуется минимальным использованием декора, что отражает преимущественно утилитарный характер посуды на данном поселении. На этом фоне особо выделяется керамика из жилища 3 Аскасай 7. Её уникальные для данного памятника характеристики (лощение, криволинейный орнамент) позволяют рассматривать этот комплекс как возможное свидетельство внутригрупповой дифференциации или наличия социальных контактов, природа которых требует дальнейшего изучения.

Для *позднего этапа набильской культуры*, представленного материалами поселений Мыс Островной (пункты 4 и 7), Кашкалебагш 1, Астох 6, Чайво 25, 26 и Старый Набиль 7, керамический комплекс характеризуется следующими устойчивыми признаками.

Состав формовочных масс в целом близок к предшествующим этапам: в качестве исходного сырья использовались тощие гидрослюдисто-хлоритные суглинки (доля глинистого вещества в них составляет от 54 до 78 %) с кварц-полевошпатовым песком в роли основного отошителя (Таблица 6; Рис. 65). Принципиальным отличием является полное отсутствие шамота во всех исследованных образцах позднего этапа. Фиксируются различия в подготовке сырья: на поселении Мыс Островной пункт 7 в составе отошителя преобладают среднезернистые фракции (ок. 0,5 мм), тогда как на пункте 4 – мелкозернистые (0,1-0,3 мм) (Рис. 66).

Конструирование сосудов осуществлялось ленточно-кольцевым налепом по ёмкостной программе; ширина формовочных лент составляет 2,5-3 см (Таблица 7). На археологически целых сосудах из пункта 7 прослежена устойчивая последовательность: ленты крепились с внутренней стороны к предшествующим, также изнутри заводилась донная лента (Рис. 68).

Принципиальное изменение фиксируется в режиме обжига: он становится восстановительным, о чём свидетельствуют серые и тёмно-серые тона черепка (Таблица 6; Рис. 68-70). При этом температура остаётся низкой (сохраняется

хлорит, цветовые изменения при повторном обжиге начинаются при 550°C (Рис. 67). Отсутствие следов теплотехнических сооружений на памятниках позволяет предполагать обжиг в костровых ямах, а не в открытых кострах. На некоторых фрагментах керамики поселения Мыс Островной, пункт 7 отмечены следы ремонта трещин чёрной мастикой.

На позднем этапе сохраняется овалоидовидная форма сосудов, характерная для *набильской* традиции в целом (Таблица 7; Рис. 68). По особенностям профиля горловины выделяются сосуды двух разновидностей: без выраженной шейки и слабопрофилированные формы (Таблица 8). Типология венчиков на памятниках Мыс Островной пункт 7 и пункт 4 обнаруживает сходные пропорции. На пункте 7 преобладают венчики овальной внешне симметричной формы (57%), вторую по численности группу составляют овальные симметричные (29%); прямые, грибовидные и овальные внутренне асимметричные венчики представлены в незначительном количестве (Таблица 8; Рис. 69). На пункте 4 соотношение близко к описанному: овальные внешне симметричные венчики составляют 50%, овальные симметричные – 33% (Таблица 8; Рис. 70). Примечательной особенностью позднего этапа является увеличение доли овальных внутренне асимметричных венчиков (до 12-14% на пункте 7), что, вероятно, отражает инфильтрацию инокультурных компонентов (подробнее см. главу 3). Донные части всех сосудов сохраняют характерный сосцевидный налп (Рис. 68-71). Археологически целые сосуды из пункта 7, представленные как крупными (высота 16 см, диаметр 15 см), так и миниатюрными экземплярами (высота 6 см, диаметр 9,5 см), демонстрируют сохранение размерной дифференциации, фиксируемой на более ранних этапах (Таблица 7; Рис. 68).

На позднем этапе наблюдается дифференциация орнаментации между синхронными памятниками (Таблица 9). Керамика с пункта 7 поселения Мыс Островной отличается высокой степенью орнаментированности (75,5%) при доминировании техники печатной гребенки (включая штампы с очень мелкими зубьями). Второстепенное значение имеют прочерчивание,

насекание и налест (обобщённо составляют 12%). В составе декора фиксируются инокультурные элементы – налестной бордюр, характерный для *пильтунской* традиции [Василевский, Грищенко, 2012], и насечка по краю венчика. Двух- и трёхэлементные композиции составляют более половины всех узоров. Напротив, в пункте 4 того же памятника степень орнаментированности резко снижена (20%), преобладает отступающе-накольчатая техника (55%), а двухэлементные узоры единичны. В обоих случаях декор локализован в проксимальной части сосудов, часто захватывая венчик.

Таким образом, выявленные на позднем этапе *набильской* культуры изменения в керамическом производстве отражают новую стадию её развития. При сохранении базовых технологических принципов фиксируются два важных изменения. Первый касается перехода к восстановительному режиму обжига, что при неизменно низких температурах (до 550 °С) и отсутствии стационарных теплотехнических сооружений может указывать на изменение топливной базы или использование костровых ям, что согласуется с экспериментальными данными о возможности создания регулируемой атмосферы в простых обжиговых сооружениях [Gosselain, 1992, p. 244-245, 256; Livingstone Smith, 2001, p. 993-994, 997-999; Thér, 2013, p. 6, 16-17; Волкова, 2015а, с. 39-43; Волкова, Цетлин, 2015, с. 60; Волкова, Цетлин, 2016, с. 258-262; Жущиховская, Лазина, 2022, с. 101-106; Жущиховская, 2022, с. 16]. Второй отличительной чертой позднего этапа является полное исчезновение шамота, эпизодически присутствовавшего на предшествующих этапах. Это позволяет рассматривать шамот как реликт исходных гончарных традиций, окончательно утраченный на позднем этапе *набильской* культуры.

Культурная динамика позднего этапа наиболее отчётливо прослеживается в орнаментации и морфологии керамики. При неизменности общих морфологических параметров между синхронными памятниками наблюдаются различия, свидетельствующие о локальной вариативности гончарной традиции. В частности, для пункта 7 поселения Мыс Островной

характерна высокая орнаментированность керамики и наличие в ней инокультурных элементов, что свидетельствует о межкультурных контактах отдельных групп. В пункте 4 при сходной морфологии степень орнаментированности существенно ниже, а в декоре преобладает отступающе-накольчатая техника, восходящая к более ранним этапам *набильской* культуры. Наблюдаемые различия в рамках одного микрорегиона указывают на сосуществование локальных гончарных традиций на уровне отдельных групп населения.

Таким образом, проведённый анализ керамического комплекса *набильской* культуры позволил зафиксировать не только устойчивый инвариант признаков, но и значительную вариабельность гончарной традиции, обусловленную как внутренней социальной динамикой, так и внешними культурными контактами. Выявленные закономерности создают необходимую основу для перехода к обобщению и систематизации материала, а также построению типологии.

В материалах *набильской* культуры выявлен инвариантный комплекс признаков, подробно охарактеризованный выше. Данный факт полностью согласуется с теоретическим положением о том, что система гончарной технологии функционирует как устойчивая совокупность навыков выполнения узких технологических задач, передаваемых межпоколенчески [Бобринский, 1978, с. 242; 2022, с. 9; Цетлин, 2012, с. 50-51]. Наличие данного устойчивого комплекса на всех исследованных памятниках позволяет рассматривать *набильскую* культуру как единое культурное образование, обеспечившее воспроизводство базовых технологических навыков на протяжении многих поколений.

Несмотря на устойчивость субстратных навыков, в рамках единой технологической традиции фиксируется значительная вариабельность приспособительных элементов, таких как орнаментация. Наиболее ярко это проявилось на среднем этапе в резкой дивергенции орнаментальных традиций между синхронными памятниками. Высокая степень орнаментированности

керамики в жилище крупного поселения Чайво 1 и почти полное отсутствие орнамента на керамике небольшого поселка Аскасай 7 находят объяснение в рамках концепции «внешней» и «внутренней» культуры в гончарстве [Цетлин, 2017, с. 29-30]. Декор, относящийся к сфере «внешней культуры» и ориентированный на потребителя, способен выполнять социально-маркирующие функции.

Исходя из этого обстоятельства можно предположить, что среди насельников поселения Чайво 1, вероятно, являвшегося крупным хозяйственным центром, формировался спрос на социально значимую, престижную посуду, что стимулировало развитие и усложнение орнаментации, включая формирование линейно-асимметричного стиля. Напротив, обитатели небольшого поселения Аскасай 7, ориентированные на ведение собственного хозяйства, удовлетворялись сугубо утилитарной, неорнаментированной продукцией. Таким образом, предполагаем, что вариабельность в данном случае обусловлена не внешним влиянием, а разным социальным и экономическим статусом поселений в рамках единой культурной традиции.

При этом, помимо внутренней социальной динамики, керамика *набильской* культуры фиксирует эпизоды нарушения культурной однородности, вызванные внешними контактами, поскольку появление «чужеродных» признаков в устойчивой традиции является свидетельством культурных контактов [Цетлин, 2012, с. 127-131].

Наиболее показательными в этом отношении являются:

1. Керамика из жилища 3 поселения Аскасай 7. Наличие на среднем этапе в контексте сугубо утилитарного поселка сосудов с лощением, полировкой и криволинейным орнаментом, нехарактерными для местной традиции, может быть интерпретировано как свидетельство культурной инфильтрации [Цетлин, 2012, с. 234-236]. Это могло быть результатом адаптации пришлого мастера, брачных связей или присутствия лица с особым социальным

статусом, в чьем обиходе находилась престижная или ритуальная утварь [Бобринский, 1999, с. 63-65].

2. Керамика позднего этапа (Мыс Островной). Сосуществование в рамках одного микрорегиона двух керамических традиций – высокоорнаментированной с инокультурными элементами и архаичной, с преобладанием отступающе-накольчатой техники - также отражает культурную неоднородность. Присутствие *пильтунских* элементов фиксирует факт межкультурных контактов, которые, однако, не привели к разрушению культурного ядра *набильской* керамики, остановившись на этапе инфильтрации, когда инокультурные черты проникают в местную среду, но не становятся доминирующими [Цетлин, 2012, с. 234-236].

В этом же ключе следует рассматривать изменение режима обжига на позднем этапе – переход от окислительной к восстановительной атмосфере при сохранении низких температур (до 550°C) и отсутствии специализированных теплотехнических сооружений. Данное изменение относится к сфере представлений о термической обработке и может быть вызвано либо адаптацией к изменению топливной базы, либо заимствованием новых приёмов ведения обжига. В любом случае это затрагивает уже организацию производственного процесса [Цетлин, 2017, с. 281, 297-298]. Вероятно, данные изменения отражают технологическую адаптацию к новым природным или хозяйственным условиям, происходившую в контексте взаимодействия и смешения носителей *набильских* гончарных традиций с традициями пришлого населения.

Выявленные закономерности создают необходимую основу для перехода от описания гончарной традиции к её систематизации. Предлагаемая типология керамики представлена в таблице 10. Её построение потребовало выделения устойчивых сочетаний признаков, обладающих диагностической значимостью. С этой целью на основе частотного анализа и корреляции признаков были определены следующие характеристики керамики *набильской* культуры, устойчиво повторяющиеся в исследованной выборке:

1. Режим обжига: окислительный; восстановительный.
2. Профилировка тулова: сосуды без выраженной шейки; слабопрофилированные.
3. Форма венчика: овальные (симметричные, внешне симметричные, внутренне асимметричные); грибовидные (симметричные, внутренне асимметричные).
4. Техника орнаментации: печатная гребенка; отступающе-накольчатая; прочерчивание; насечка; налlep; тиснение концом стека.
5. Степень орнаментированности: высокая (>75% фрагментов), средняя (20-50%), низкая (<5%), отсутствие орнамента.
6. Характер композиции: линейно-геометрический; линейно-асимметричный; криволинейный.
7. Наличие «особых» элементов: лощение; полировка; налlepной бордюp; насечка по краю венчика.

Поскольку перечисленные признаки обладают неодинаковой таксономической значимостью, наиболее эффективным способом систематизации материала, позволяющим проследить эволюцию гончарства наряду с его функциональным и культурным разнообразием, является трехуровневая иерархия: отдел – группа – тип.

Основанием для выделения отделов служит субстратный технологический признак – режим обжига. Его диагностическая значимость обусловлена корреляцией с хронологией памятников: керамические комплексы раннего и среднего этапов характеризуются окислительным обжигом, тогда как на позднем этапе фиксируется переход к восстановительному режиму. Таким образом, в керамике *набильской* культуры по данному признаку выделяются два отдела.

Отдел А объединяет керамику раннего и среднего этапов, для которой типичен окислительный обжиг, что выражается в светлых тонах черепка (оранжевый, розовый, светло-коричневый).

Отдел Б составляет керамика позднего этапа, обжигавшаяся в восстановительной среде; это диагностируется по устойчивому преобладанию серых и тёмно-серых тонов черепка. Принципиально важно, что данный технологический сдвиг произошёл в рамках прежней традиции низкотемпературной костровой обработки: на позднем этапе по-прежнему отсутствуют специализированные теплотехнические сооружения и сохраняются термолабильные минералы. Следовательно, изменение режима обжига связано не с модернизацией технической базы, а с трансформацией навыков организации обжига – вероятно, с переходом к использованию костровых ям.

Группы внутри отделов выделяются на основе морфологического признака – профилировки тулова. Этот признак отражает направленную эволюцию формы сосудов: на раннем этапе бытуют исключительно сосуды без шейки, на среднем этапе появляются слабопрофилированные формы, которые на позднем этапе сосуществуют с традиционными. Выделяются две группы:

Группа 1 – сосуды без выраженной шейки (основная масса керамики на всех этапах).

Группа 2 – слабопрофилированные сосуды (с наличием шейки).

Типы представляют собой наиболее дробную таксономическую единицу. Они выделяются внутри групп по устойчивым сочетаниям формы венчика и орнаментальных характеристик (техника, стиль, наличие инокультурных элементов). Именно на уровне типов фиксируется вариабельность, связанная с социальной дифференциацией поселений, локальными особенностями и культурными контактами.

В рамках отдела А (окислительный обжиг) в группе А1 (без шейки) выделяются следующие типы:

Тип А1.1. Овальные венчики + линейно-геометрический орнамент. Венчики преимущественно овальные внешне симметричные. Орнамент двух-трёхэлементный, линейно-геометрический, выполненный печатной гребенкой

и отступающе-накольчатой техникой. Характерен для раннего этапа *набильской* культуры (Джимдан 5, Чайво 6). Отличительные признаки: высокая степень орнаментированности, нестрогость ритма.

Тип А1.2. Овальные/грибовидные венчики + линейно-асимметричный орнамент. Представлен максимальным разнообразием форм венчиков (овальные и грибовидные). Орнамент линейно-асимметричный, выполнен печатной гребенкой, появляется «гусеничный» штамп. Свойственен среднему этапу *набильской* культуры, в рамках крупного поселения Чайво 1. Отличается сложностью композиций.

Тип А1.3. Овальные/грибовидные венчики + слабоорнаментированный. Представлен теми же типами венчиков, что и А1.2, но при почти полном отсутствии орнамента (менее 5% орнаментированных фрагментов). Единичный декор ограничен 2-6 горизонтальными гребенчатыми линиями. Характерен для периферийного поселения среднего этапа Аскасай 7 (жилища 1, 2). Данный тип отражает утилитарный характер керамики указанного поселения.

В группе А2 (слабопрофилированные) выделяются следующие типы:

Тип А2.1. Овальные венчики + линейно-асимметричный орнамент. Орнамент аналогичен типу А1.2. Встречается единично на Чайво 1.

Тип А2.2. Овальные/грибовидные венчики + криволинейный орнамент, лощеная поверхность. Слабопрофилированные сосуды с лощёной и полированной поверхностью. Венчики представлены как овальными, так и грибовидными формами. Орнамент, выполненный по лощёной поверхности, варьирует: на одном сосуде зафиксирован линейно-асимметричный узор, выполненный отступающе-накольчатой техникой, на другом – криволинейный орнамент, нанесённый печатной гребёнкой. Данный тип представлен исключительно в жилище 3 поселения Аскасай 7 и маркирует либо особый социальный статус обитателей, либо инокультурное происхождение керамики.

В рамках отдела Б (восстановительный обжиг) в группе Б1 (без шейки) выделяются следующие типы:

Тип Б1.1. Овальные венчики + печатный гребенчатый штамп. Преобладание овальных венчиков. Орнамент выполнен техникой печатной гребенки (в том числе мелкозубой). Встречается на поселениях Мыс Островной 4, 7.

Тип Б1.2. Овальные венчики + отступающе-накольчатая техника. Характеризуется низкой степенью орнаментации и доминированием отступающе-накольчатой техники. Характерен для жилища поселения Мыс Островной 4.

В группе Б2 (слабопрофилированные) выделяются следующие типы:

Тип Б2.1. Овальные венчики + печатная гребенка + инокультурные элементы. Керамика характеризуется наличием шейки, высокой долей внутренне асимметричных овальных венчиков. Орнамент выполнен печатной гребенкой, фиксируются инокультурные элементы, такие как наклепной бордюр и насечка по краю венчика. Представлен в жилище поселения Мыс Островной 7. Керамика данного типа свидетельствует о межкультурных контактах.

Тип Б2.2. Овальные венчики + слабоорнаментированный. На сосудах, характерных для данной керамической традиции, присутствует слабо выраженная шейка, орнамент минимален. Керамика данного типа единична в жилище поселения Мыс Островной 4.

Предложенная иерархия позволяет, во-первых, отделить наиболее общие, культурно-значимые технологические характеристики (отделы), во-вторых, учесть морфологическую эволюцию (группы) и, в-третьих, детализировать стилистическое и культурное разнообразие керамики, связанное с социальной дифференциацией и внешними контактами (типы). Классификация построена таким образом, что каждый последующий уровень опирается на признаки, обладающие меньшей шириной распространения, что соответствует

принципам типологического метода в археологии [Городцов, 1995; Dunnell, 1971].

На основе разработанной типологии прослеживается направленная эволюция керамического производства *набильской* культуры, отчётливо коррелирующая с тремя хронологическими этапами её развития.

На *раннем этапе набильской* культуры бытует исключительно керамика отдела А (окислительный обжиг) группы А1 (без шейки), представленная типом А1.1 (Джимдан 5, Чайво 6). Для неё характерны высокая степень орнаментированности, преобладание овальных венчиков и линейно-геометрические композиции с нестрогим ритмом.

На *среднем этапе набильской* культуры при сохранении традиции окислительного обжига фиксируется дивергенция керамических традиций. Наряду с сосудами без шейки (группа А1) появляются слабопрофилированные формы (группа А2). В крупном поселенческом центре Чайво 1 отмечается появление линейно-асимметричного стиля орнамента (тип А1.2), отличающегося максимальным разнообразием венчиков и высокой степенью орнаментированности (95,8%). На периферийном поселении Аскасай 7 (жилища 1, 2) преобладает практически неорнаментированная керамика (тип А1.3). Резко выделяется комплекс жилища 3 этого же поселения (тип А2.2), сочетающий слабопрофилированную форму с лощением, полировкой и криволинейным орнаментом.

На *позднем этапе набильской* культуры происходит смена газового режима обжига (отдел Б) при сохранении основных морфологических групп (Б1 - без шейки, Б2 - слабопрофилированные). В рамках единой технологической традиции сосуществуют высокоорнаментированная керамика с инокультурными чертами на поселении Мыс Островной 7 (типы Б1.1, Б2.1) и слабоорнаментированная, с преобладанием отступающе-накольчатой техники, на поселении Мыс Островной 4 (типы Б1.2, Б2.2).

Проведённое исследование керамического комплекса *набильской* культуры позволило не только охарактеризовать устойчивый инвариант

гончарной традиции, но и проследить её динамику в связи с внутренними социальными процессами и внешними культурными контактами. Разработанная типология создаёт основу для дальнейшего сравнительного анализа с синхронными культурами Сахалина и сопредельных территорий, что является необходимым условием для реконструкции культурно-исторической ситуации в регионе в эпоху палеометалла.

2. 6. Каменный инвентарь и украшения *набильской* культуры

Реконструкция систем расселения, эволюции домостроительства и динамики гончарных традиций позволила предполагать, что на протяжении I тыс. до н. э. происходили направленные изменения, хронологически совпадающие с долговременным трендом похолодания. Логическим продолжением этого анализа является обращение к сфере материального производства, непосредственно связанной с хозяйственной деятельностью, - каменному инвентарю и украшениям.

Методической основой изучения каменных изделий послужили разработки в области морфологического, технико-типологического и функционального анализа [Семёнов, 1957; Медведев, 1981; Деревянко и др., 1994; Гиря, 1991, 1997; Волков, 2013]. Описание процессов расщепления базировалось на методе технологического анализа, предполагающем мысленное восстановление последовательности изготовления орудий от исходных форм (заготовок, нуклеусов) к конечным [Гиря, 1991, с. 127; Гиря, Нехорошев, 1993, с. 6; Гиря, 1997, с. 58]. Выделение морфотипов проводилось на основе анализа формы, рельефа и размеров изделий [Медведев, 1981, с. 20–21], при этом типологическая атрибуция опиралась как на сложившиеся в региональной археологии традиции изучения каменных орудий, так и на работы общего характера [Козырева, 1960, 1967; Васильевский, Голубев, 1976; Медведев и др., 1981; Голубев, Лавров, 1988; Деревянко и др., 1994; Васильевский, 2008; Грищенко, 2011]. Функциональный анализ включал

изучение следов сработанности на рабочих кромках орудий с использованием лабораторного стереомикроскопа Olympus SZ61.

Трасологический анализ рубящих орудий, бифасов и скребков носил выборочный характер и был направлен преимущественно на верификацию функциональной атрибуции ключевых морфотипов. Для ряда категорий наблюдения ограничивались визуальной фиксацией макроследов сработанности, поэтому полученные функциональные интерпретации следует рассматривать как предварительные.

Если керамика выступает преимущественно маркером культурной принадлежности и социальных контактов, то каменный инвентарь служит прямым индикатором хозяйственной специализации, технологических традиций и стратегий жизнеобеспечения. Именно через анализ его функциональной структуры становится возможным приблизиться к реконструкции стратегий жизнеобеспечения и хозяйственной специализации древнего населения, включая общую направленность промысловой деятельности, характер обработки продукции и строительные практики. Украшения, в свою очередь, представляют собой самостоятельную и чрезвычайно информативную категорию источников, позволяющую выйти на реконструкцию социальных отношений, статусных различий и межкультурных связей [Mauss, 1966; Wiessner, 1983].

В соответствии с общей логикой диссертационного исследования, анализ каменного инвентаря и украшений строится на рассмотрении материала в динамике, в корреляции с хронологическими этапами развития культуры и реконструированными палеоклиматическими условиями (параграф 2.1). Такой подход позволяет не только дать всестороннюю характеристику этих категорий источников, но и верифицировать гипотезу о направленной эволюции адаптационных стратегий в ответ на климатический стресс. Каменный инвентарь в этом контексте предстает не как статичный набор артефактов, а как динамическая система, отражающая трансформацию хозяйственных приоритетов и природной среды.

Отбор каменного инвентаря для анализа возможен только из чистых комплексов, не содержащих инокультурных включений. В смешанных комплексах отбор каменного инвентаря для анализа возможен только при условии, что он изготовлен в разных техниках – отщепово-бифасиальной либо пластинчатой. Среди опорных комплексов *набильской* культуры данным критериям соответствуют все три жилища поселения Джимдан 5, все три жилища поселения Аскасай 7, жилища пунктов 4 и 7 поселения Мыс Островной. Каменный инвентарь всех остальных объектов *набильской* культуры может быть корректно отнесен к ней только на основе типологического тождества.

На поселении *Джимдан 5* каменный инвентарь жилища 1 представлен четырьмя рубящими орудиями, наконечником метательного орудия, двумя отбойниками, нуклеусом (Рис. 74). На предвходовой площадке перед домом обнаружена шлифовальная плитка, четыре выемчатых орудия, отщеп с ретушированной кромкой. С северо-западной стороны дома найдены орудие на отщепе и еще одно рубящее орудие, с юго-западной – боковой скребок.

Рубящие орудия изготовлены на галечных отдельностях вулканических пород (андезит, базальт, риолит) (Рис. 72). Разделение рубящих орудий на топоры и тёсла проведено в соответствии с критериями, предложенными С. А. Семёновым [Семёнов, 1957; Семёнов, Коробкова, 1983]: топоры характеризуются асимметричным, скошенным лезвием и выпуклой противоположающей гранью, тёсла – симметричным, горизонтально-выпуклым лезвием и прямыми боковыми гранями. Они обработаны методом полной шлифовки поверхности и боковых граней. Обушок подокруглый. В одних случаях он сохраняет галечную корку исходного материала, в других подшлифован. Орудия уплощенные, подпрямоугольные в сечении. У трех орудий лезвие асимметрично, скошенное (Рис. 72-2). У них же отмечена выпуклая грань, противоположащая лезвию. Эти орудия определены как топоры. У двух других орудий лезвие горизонтально-выпуклое, боковые грани прямые. Данные орудия определены как тесла.

Выемчатые орудия оформлены на отщепах или грубых сколах сургучной яшмы и зеленовато-серого кремня. Выемка оформлена крутой грубой ретушью, либо возникла в результате утилизации изделия. Скребок боковой, оформлен на вытянутом сколе из зеленовато-дымчатого кремня. Его рабочий край оформлен крутой ретушью по одной из длинных кромок. Наконечник и два орудия на отщепах изготовлены из яшмы сургучного цвета. Наконечник оформлен уплощающей двусторонней ретушью. Его база вогнута, жало обломано (Рис. 73-1). Одно из орудий на отщепе оформлено на фрагменте дистальной части отщепа приостряющей ретушью. Рабочий край другого орудия оформлен на боковой грани небольшого отщепа. Вероятно, для вставки в рукоять противолежащий рабочему край оформлен аккомодационной крутой ретушью. Две вытянутых массивных отдельности с забитой дистальной частью интерпретированы как отбойники.

Каменный инвентарь жилища 2 Джимдана 5 представлен рубящим орудием, орудием на сколе с рубящего орудия, двумя выемчатыми орудиями, заготовкой бифаса, концевым скребком, пятью орудиями на отщепах и сегменте кремневой гальки (Рис. 75). Еще одно орудие на отщепе расположено с северо-западной стороны жилища.

Рубящее орудие изготовлено из андезитовой отдельности. Поверхность подработана оббивкой и зашлифована. Орудие подпрямоугольной формы с подокруглым подшлифованным обушком; подпрямоугольное в поперечном сечении. Лезвие горизонтально-выпуклое, боковые грани прямые. Орудие определено как тесло. Другое орудие представлено переоформленным сколом с рубящего орудия на базальте. На его боковых гранях грубой односторонней ретушью оформлены два рабочих края выемчатого орудия.

Выемчатые орудия оформлены на гранях отщепов из сургучной яшмы. Возможно, они не оформлялись специально, а ретушированы в ходе использования. Процесс изготовления одного из обнаруженных орудий не завершен, по-видимому, вследствие многочисленных изъянов в исходном сырье. Изделие имеет листовидную форму с черешком. На его поверхности

видны негативы уплощающих встречнонаправленных снятий чешуек. Обработка двусторонняя. Этот предмет интерпретирован как заготовка бифаса. Концевой скребок оформлен на дистальной кромке отщепе из яшмы сургучного цвета. Рабочий край изготовлен унифасиальной крутой ретушью. Самая многочисленная группа орудий представлена отщепами сургучной яшмы и базальта, одна или две смежные грани которых ретушированы приостряющей одно либо двусторонней ретушью. Одно из орудий оформлено на острой грани природного сегмента кремневой гальки.

Каменный инвентарь жилища 3 поселения Джимдан 5 представлен бифасом, отбойником, двумя орудиями на отщепах (Рис. 76). За пределами жилища с северо-восточной стороны обнаружен фрагмент наконечника, с северо-западной – орудие на отщепе.

Бифас изготовлен на отщепе сургучной яшмы. Изделие обработано уплощающей ретушью; имеет листовидную форму. Черешковая часть отделена от лезвия двумя небольшими выемками (Рис. 73-2). Все орудия на отщепах изготовлены из сургучной яшмы. Одна или две кромки обработаны односторонней мелкой приостряющей ретушью. Фрагмент наконечника, изготовленного из сургучной яшмы, представлен черешковой частью. Изделие было изготовлено встречными уплощающими снятиями; обработка двусторонняя. В качестве песта использовалась вытянутая андезитовая отдельность. Один ее край имеет следы забитости, другой – стертости.

Таким образом, каменный инвентарь Джимдана 5 демонстрирует сбалансированный набор орудий, характерный для раннего этапа *набильской* культуры. Значительная доля рубящих орудий (топоры, тесла) и выемчатых орудий (суммарно около 37%) указывает на активную деревообработку, что хорошо согласуется с необходимостью строительства долговременных поселений в эстуарной зоне и вероятного изготовления плавсредств. Присутствие наконечников, бифасов и скребков (около 16%) свидетельствует о комплексном охотничье-рыболовном хозяйстве. Технологические приемы (шлифовка, двусторонняя обработка, использование местного сырья) уже

полностью сформированы. В целом, инвентарь отражает универсальную хозяйственную стратегию, обеспечивающую как строительную деятельность, так и промысел, что соответствует условиям относительно теплого климата позднего суббореала и эстуарной локализации поселения.

На поселении *Аскасая 7*, каменный инвентарь жилища 1 представлен тремя скребками, тремя отщепами с ретушированными кромками, бифасом (Рис. 78). Два скребка изготовлены на отщепах сургучной яшмы, породу, из которого изготовлен третий, установить трудно, поскольку орудие подверглось интенсивному термическому воздействию в очаге. Один из скребков концевой. Он оформлен крутой ретушью на дистальной грани отщепа, с переходом на смежные грани (Рис. 77-1). Два других орудия фрагментированы. Одно из них также оформлено крутой ретушью на дистальной грани пластинчатого отщепа, с переходом ретуши на одну из латеральных граней. Третье, обгоревшее в очаге орудие, представлено фрагментом рабочего края, оформленного вертикальной ретушью.

Все орудия на отщепах с краевой ретушью изготовлены из сургучной яшмы. Один из отщепов бессистемно-краевой, два других фрагментированы. Один или два края этих отщепов ретушированы приостряющей одно либо двусторонней ретушью. Бифас изготовлен из отщепа сургучной яшмы. Его брюшко и спинка обработаны стелющейся ретушью, а края сплошной приостряющей ретушью. Орудие асимметрично-листовидной формы, с оформленным, но не выделенным черешком (Рис. 77-2).

Каменный инвентарь жилища 2 *Аскасая 7* представлен двумя небольшими двусторонне обработанными наконечниками (Рис. 79). Оба орудия изготовлены из яшмы сургучного цвета. Форма одного из них треугольная, база вогнутая. Второй неправильно ромбовидной формы, его кончик обломан, база прямая.

В культурном слое жилища 3 данного поселения обнаружен фрагмент небольшого отщепа с унифасиальной ретушью боковой кромки. Неподалеку находился небольшой наконечник треугольной формы; бифасиально

обработан; база выемчатая. Оба орудия изготовлены из сургучного кремня (Рис. 80).

Наиболее многочисленная группа каменных орудий на территории памятника обнаружена во внежилищном пространстве. Здесь найдены пять скребков, три выемчатых орудия, пять отщепов с ретушированной кромкой и бифас. Сырьем для изготовления всех, за исключением одного, орудий является яшма сургучного цвета. Одно орудие на отщепе изготовлено из серого кремня.

Скребки концевые и дисковидные (Рис. 77-2, 3). Все они изготовлены на отщепах или пластинчатых отщепах. На концевых скребках крутой ретушью оформлена дистальная кромка орудия, на дисковидных – $\frac{3}{4}$ кромки, за исключением проксимальной части. Скребки располагались с северной стороны жилищ 1, 2, ближе к речной пойме; по-видимому, здесь располагалась хозяйственная зона поселения, где производилась обработка шкур. Выемчатые орудия оформлены на отщепах и сколе с нуклеуса. На этих орудиях одно- или двусторонними сколами оформлена выемка. Два из трех орудий располагались юго-западнее жилища 1, третье – в одной из хозяйственных ям. Один или два края отщепов с ретушированной кромкой обработаны приостряющей одно- либо двусторонней ретушью. Бифас неправильно ромбовидной формы с оформленным черешком. Изготовлен на отщепе, подработанным уплощающими снятиями, и оформлен краевой приостряющей двусторонней ретушью, за исключением проксимальной кромки (Рис. 77-5).

Каменный инвентарь Аскасая 7, количественно уступающий коллекциям других опорных памятников *набильской* культуры, обладает тремя устойчивыми характеристиками: 1) полным отсутствием рубящих орудий; 2) минимальным количеством охотничьего вооружения; 3) доминированием орудий обработки (скребки, орудия на отщепах, выемчатые орудия).

Ландшафтная позиция памятника: его удаленность от морского побережья и локализация в глубине речной долины, в совокупности с

указанными особенностями инвентаря, позволяет рассматривать Аскасай 7 как поселок, функционировавший преимущественно в холодное время года. Данная гипотеза непротиворечиво объясняет все наблюдаемые признаки.

Отсутствие рубящих орудий деревообработки объясняется их мобильностью: как высокоресурсные предметы, они могли оставаться в прибрежных жилищах либо уноситься обитателями при смене сезона. При этом, строительство и ремонт жилищ на Аскасае 7, в отличие от первичного освоения участка, не требовали интенсивной лесозаготовки и обработки древесины.

Малочисленность наконечников может объясняться несколькими факторами. Наиболее вероятным представляется их высокая мобильность: как и рубящие орудия, наконечники могли быть унесены обитателями при сезонной смене места обитания. Нельзя исключать и возрастание роли пассивных способов добычи (ловушки, петли) в зимний период, однако эта гипотеза не может быть верифицирована исключительно по каменному инвентарю.

Преобладание скребков, выемчатых орудий и орудий на отщепах фиксирует значимость операций по переработке продукции, таких как обработка шкур (в том числе для зимней одежды), ремонт и изготовление деревянных и костяных изделий, разделка рыбы и мяса из запасов. Данный набор соответствует бытовым задачам поселка, рассчитанного на автономное существование в течение нескольких зимних месяцев.

Таким образом, поселение Аскасай 7 может быть интерпретировано как зимний поселок среднего этапа *набильской* культуры, расположенный в речной долине. Предложенная модель не противоречит ландшафтным характеристикам памятника, структуре его каменного инвентаря и согласуется с выводами о хозяйственной диверсификации, полученными при анализе поселенческой структуры. Особый характер жилища 3, выделяющегося на общем фоне керамическим комплексом, отдельно рассмотрен ранее и, возможно, связан с социальной дифференциацией внутри поселка.

Каменный инвентарь поселения *Мыс Островной, пункт 7* играет ключевую роль для понимания хозяйственной ориентации носителей *набильской* культуры, так как памятник обладает очевидной промысловой специализацией, обусловленной его расположением. Важным обстоятельством является наличие прилегающей к территории хозяйственной зоны с остатками кострищ, которая содержит типологически однородный и синхронный жилищу хозяйственно-бытовой комплекс (Рис. 85). Наличие здесь компактных скоплений отходов и орудий, могут интерпретироваться как следы кратковременных рабочих мест [Коворкова, Леонова, 1981, с. 48, 63]. Их наличие позволяют выделить функциональные зоны древнего поселения. Хозяйственная ориентация поселения обусловила максимальную утилизацию орудий, что показательно для понимания того, какими ресурсами располагали носители *набильской* культуры.

Каменный инвентарь жилища представлен семью наконечниками метательных орудий, шестью бифасами, восемью скребками, четырьмя выемчатыми орудиями, теслом, терочником, пестом, тремя скреблами, фрагментом бифасиально обработанного орудия, заготовкой бифаса, семнадцатью отщепами с ретушированной кромкой. Всего пятьдесят орудий.

Немногим меньше орудий находилось с юго-восточной стороны жилища. Здесь обнаружено восемь наконечников, два бифаса, два скребка, восемь выемчатых орудий, обломок тесла, два отбойника, пять фрагментов бифасиально обработанных орудий, заготовка бифаса, восемь отщепов с ретушированной кромкой. Всего тридцать восемь орудий.

С северо-западной стороны жилища располагалось существенно меньше орудий. Здесь обнаружен наконечник, пять скребков, три бифаса, фрагмент бифаса, провертка, выемчатое орудие, пять отщепов с ретушированной кромкой. Всего семнадцать орудий. Принципиальных отличий в инвентаре не наблюдается.

Наконечники (всего 16 экз., 16,9% от общего числа орудий) изготовлены из местных пород кремня (15 шт.), яшмы сургучного цвета (2 шт.) и

окремненного аргиллита (1 шт.). Все они изготовлены на отщепах (Рис. 81). Отличительной особенностью орудий является тонкая, по сравнению с бифасами, продольная ось, наличие симметричных боковых граней, сходящихся к острию. Тонкая продольная ось достигалась стелющимися снятиями отщепов с дорсальной и вентральной сторон (14 шт.), только дорсальной стороны (3 шт.) либо сохранением естественной поверхности отщепа при устраивающей мастера толщине (1 шт.). Орудия оформлены краевой двусторонней приостряющей ретушью вдоль всего периметра. Исключением являются наконечники черешкового типа, где кончик черешка сохраняет следы ударной площадки. Наличие этого элемента позволяет сделать вывод о том, что острие наконечника оформлялось на дистальном, противоположащем точке удара, конце отщепа, а ось орудия совпадает с осью заготовки.

По форме основания наконечники образуют три группы: с выемчатой базой (8 шт.), прямой базой (5 шт.), с черешком и выраженными плечиками (2 шт.). У трех наконечников основание обломано. Анализ пропорций (Таблица 23) показывает, что среди наконечников с выемчатой и прямой базой выделяются экземпляры с узкой базой (отношение длины к ширине 2 и более) - 10 шт., и с широкой базой (отношение менее 2) - 2 шт. По аналогии с изделиями, обнаруживаемыми в комплексах южного Сахалина в составе гарпунных головок, последние два орудия интерпретируются как наконечники гарпунных головок.

Бифасы (11 экз., 11,6%) изготовлены из местных пород кремня (9 шт.) и окремненного аргиллита (1 шт.). Орудия изготовлены на отщепах либо отдельностях (Рис. 82, 83-1-3). На орудиях, где сохранилась вентральная сторона отщепа либо ударный бугорок, отмечается, что ось орудия соответствует оси отщепа. Большинство бифасов (7 шт.) обработаны уплощающей ретушью и оформлены сплошной краевой двусторонней приостряющей ретушью. Один бифас изготовлен на небольшом отщепе и оформлен только сплошной краевой двусторонней приостряющей ретушью.

Два бифаса изготовлены на отщепях, дорсальная сторона которых обработана краевой приотстригающей ретушью; на одном из них на вентральной части стелющимися мелкими снятиями дополнительно оформлен острый кончик.

Бифасы асимметрично-листовидной формы (5 шт.), листовидной формы (1 шт.), треугольной формы (2 шт.), горбатые (2 шт.). По наличию черешка выделяются следующие формы: черешковые (3 шт.), черешковые с намеченным перехватом (5 шт.), бесчерешковые (2 шт.). На одном из бифасов, интерпретированном как нож, под стереомикроскопом зафиксированы характерные следы, предположительно возникающие при разделке рыбы (Рис. 83-3). Для остальных бифасов подобные наблюдения не проводились, и их функциональная атрибуция основывается на морфологических аналогиях.

Скребки (15 экз., 15,8%) изготавливались из местных пород кремня (14 шт.) и окремненного аргиллита (1 шт.). Все они изготовлены на отщепях (Рис. 84). Выделяются концевые (5 шт.), угловые (с рабочим краем, оформленным на дистальной и прилегающей латеральной гранях, образующих выпуклый угол) (4 шт.) и боковые (4 шт.) скребки, а также заготовка скребков, одна из которых поломана в процессе изготовления. Рабочий край концевых скребков поперечно выпуклый, оформлен на дистальной грани отщепа. Рабочий край обработан крутой унифасиальной ретушью. На брюшке некоторых из орудий отмечаются участки залощенности – следы обработки шкур.

Как отмечал С. А. Семёнов, именно характерный вид заполировки, возникающей от трения о мягкие и эластичные материалы (кожу), и ее локализация на рабочей кромке являются определяющим признаком скребков для обработки шкур [Семёнов, 1957, с. 108]. Отмеченные признаки залощенности зафиксированы визуально и при небольшом увеличении; их связь именно с обработкой шкур, вслед за С. А. Семёновым, принимается как наиболее вероятная, при этом в дальнейшем она требует подтверждения полноценным трасологическим анализом.

Рабочий край угловых скребков оформлялся на дистальной и одной из латеральных граней. Форма лезвия овально-выпуклая. Рабочий край боковых

скребков оформлен на одной из латеральных граней отщепа. Среди них выделяется комбинированное орудие с противоположной фасетированной острой гранью. На боковых скребках не отмечается следов залощенности, характерной для обработки шкур. Возможно, они использовались для обработки дерева или кости.

Выемчатые орудия (13 экз., 13,7%) оформлены на отщепах, сколах кремня, а также на обломках базальтовой или андезитовой гальки. Выемка оформлена крутой грубой ретушью либо возникла в результате утилизации изделия. Среди указанной морфологической группы выделяется орудие, выемчатый рабочий край которого и прилегающие грани оформлены приостряющей двусторонней краевой ретушью. Орудие интерпретируется как скобель (струг).

Тесловидные орудия представлены единичным экземпляром тесла и обломком. Тесло изготовлено из базальтовой гальки. На противоположных фасах и обушке орудия видно основание желобка, что указывает на переоформление орудия из грузила. Тесло изготовлено достаточно небрежно. Подшлифованы оба фаса изделия, отмечается намеченная подшлифовка одной из боковых граней, обушок округлый; лезвие выпуклое, его центральная часть сточена. На одной из боковых граней оформлена выемка, возможно, впоследствии орудие использовалось как выемчатое. Обломок тесла представляет собой часть выпуклого лезвия и одной из граней (Рис. 83-4). Все видимые части полностью шлифованы. Орудие изготовлено из зеленоватого порфирита.

Скребла (3 экз., 3,2%) оформлены на ребрах небольших уплощенных галечных отдельностей или обломках галек из аргиллита. Рабочий край подработан одно- или двусторонней оббивкой.

В качестве отбойников использованы небольшие галечные отдельности из тяжелых магматических пород (2 экз., 2,1%). Грани галек оббиты. Пест и терочник (по 1 экз., по 1%) изготовлены на галечных отдельностях из мелкозернистого песчаника. Края песта затерты вдоль периметра гальки,

выпуклый фас терочника залощен. Провертка (1 экз., 1%) изготовлена из кремневого отщепа. Рабочий край орудия противоположит точке удара, которым был получен отщеп. Конвергентные грани, сходящиеся к рабочему краю, оформлены противоположащей унифасиальной ретушью.

Орудия на отщепах с краевой ретушью (30 экз., 31,6%) изготовлены из кремня, кремненного аргиллита, зеленоватого порфирита. Один или несколько граней этих отщепов ретушированы приострающей одно- либо двусторонней ретушью.

Таким образом, данный памятник характеризуется выраженной промысловой специализацией, полностью соответствующей его локализации на морской косе в период максимального похолодания. В структуре инвентаря здесь резко выделяются промысловые орудия (наконечники – 16,9%, включая вероятные гарпунные головки) и орудия первичной обработки добычи (бифасы – 11,6%, скребки – 15,8%, скребла – 3,2%). Суммарно эти категории составляют около 47% всех орудий, что является уникальным показателем для *набильской* культуры. Присутствие песта и терочника указывает на использование растительных ресурсов, но их доля минимальна. Технологически инвентарь выполнен в рамках единой *набильской* традиции (отщеповая техника, бифасиальная обработка, местное сырье). Набор инвентаря поселения Мыс Островной 7 может служить эталоном для идентификации промысловых лагерей, с постоянным или долговременным проживанием, позднего этапа *набильской* культуры, ориентированных на эксплуатацию морских ресурсов в экстремальных климатических условиях.

Каменный инвентарь поселения *Мыс Островной, пункт 4* хотя и сходен в базовых признаках, однако существенно отличается от вышеописанного. Коллекция насчитывает 53 орудия, среди которых преобладают тесла и их заготовки (12 экз.), а также отщепы с ретушью (19 экз.); наконечники, бифасы, выемчатые орудия, отбойники, скребла и провертки представлены единично (Рис. 88).

Наконечники (3 экз., 5,7%) изготовлены из окремненного аргиллита (1 шт.) и местных пород кремня (2 шт.) (Рис. 87-2). Орудия оформлены краевой двусторонней приостряющей ретушью вдоль периметра. По форме основания наконечники группируются следующим образом: с выемчатой базой (1 шт.), прямой базой (1 шт.), с черешком и выраженными плечиками (1 шт.).

Бифас и фрагменты бифасов (4 экз., 7,5%) изготовлены из темно-серого кремня. Орудия выполнены на отщепах или отдельностях; обработаны краевой приостряющей ретушью. Целый бифас треугольной формы с длинным подпрямоугольным черешком (Рис. 87-4).

Выемчатые орудия (4 экз., 7,5%) оформлены на отщепах из серого кремня (3 шт.), а также на обломке базальтовой гальки. Выемка оформлена крутой грубой ретушью.

Тесла и их заготовки (12 экз., 22,7%) - самая многочисленная группа. Большинство из них (9 шт.) являются заготовками, еще одно – фрагментом орудия, и только два – законченными орудиями (Рис. 86). Один из предметов, интерпретируемый как заготовка тесла, переоформлен в скобель (струг); его рабочий край выполнен крутой ретушью, а на брюшке видны следы сработанности (Рис. 86-4). Подобные следы видны и на фрагменте тесла (Рис. 86-5). Все орудия и заготовки выполнены на галечных отдельностях преимущественно вулканических пород (туфа, базальта, риолита). Заготовки находятся на разной стадии оформления: со следами оббивки и/или шлифовки одной или нескольких граней, иногда с оформленным лезвием. Столь внушительная коллекция заготовок, а также их наибольшая концентрация в юго-западной части жилища – предполагаемом месте сосредоточения хозяйственной деятельности, по-видимому, указывает на изготовление данных орудий непосредственно в жилище (Рис. 88).

Провертки (3 экз., 5,7%) изготовлены на отщепах из кремня. Орудия имеют обработанные одно- или двусторонней ретушью конвергентные грани и приостренный кончик.

В качестве отбойников (4 экз., 7,5%) использовались галечные отдельности из андезита и базальта. Их краевые участки имеют характерные следы нанесения точечных ударов.

Скребла (4 экз., 7,5%) оформлены на ребрах небольших уплощенных галечных отдельностей или обломках галек из аргиллита (Рис. 87-5). Рабочий край подработан одно- или двусторонней оббивкой.

Орудия на отщепах с краевой ретушью (19 экз., 35,9%) изготовлены из кремня. Один или несколько граней этих отщепов ретушированы приостряющей одно- либо двусторонней ретушью.

Таким образом, на данном памятнике, синхронном пункту 7, представлен хозяйственный комплекс, демонстрирующий принципиально иную хозяйственную специализацию. На первый план здесь выходит производство каменных орудий, прежде всего тесел. Значительная доля заготовок тесел (22,7% от всех орудий), наличие отбойников (7,5%) и концентрация этих предметов в хозяйственной зоне жилища указывают на функционирование здесь специализированной мастерской. Количество охотничьего вооружения (наконечников), напротив, минимально (5,7%). Такая картина позволяет предполагать, что пункт 4 был местом изготовления орудий для нужд промыслового населения, обитавшего поблизости. Наличие такой мастерской именно на этом участке могло быть обусловлено близостью источников галечного сырья (вулканических пород), пригодного для изготовления тесел, а также потребностями расположенных поблизости промысловых лагерей. Это открывает важный аспект социально-экономической организации на позднем этапе: функциональная дифференциация поселений в рамках единого микрорегиона, где одни группы специализируются на промысле, другие – на производстве необходимого инвентаря.

Анализ сырьевой базы и технологических приемов обработки камня в *набильской* культуре позволяет охарактеризовать устойчивую производственную традицию, существовавшую на протяжении всего I тыс. до н. э. Основу сырьевой базы составляли местные породы камня. Для

изготовления рубящих орудий использовались галечные отделиности вулканических пород – андезита, базальта, риолита, туфа и порфирита. Источником служили галечные отложения морских побережий и речных русел. Для отщеповых индустрий применялись преимущественно кремнистые породы: местные кремни, сургучная яшма (её источники находятся в Восточно-Сахалинских горах), окремненный аргиллит. Редко использовался песчаник. Такой дифференцированный подход к выбору сырья для разных категорий орудий отражает первый этап в «жизненном цикле» инструмента – этап дизайна, когда свойства материала целенаправленно соотносятся с планируемой функцией [Деревянко и др., 1994, с. 92; Adams, 2002, p. 18-20].

Соотношение пород варьирует в зависимости от транспортной доступности месторождений [Деревянко и др., 1994, с. 93]. В памятниках северо-восточного побережья (Джимдан 5, Чайво 1, Мыс Островной) высока доля сургучной яшмы, что указывает на устойчивые связи с горными районами Восточного Сахалина [Василевский, Грищенко, 2014, с. 121-122]. В то же время, преобладание местных галечных пород в производстве тесел (Мыс Островной, пункт 4) свидетельствует об использовании доступного сырья на месте.

Анализ каменного инвентаря *набильской* культуры позволяет реконструировать сосуществование двух технологических контекстов (операционных последовательностей), организованных в единую производственную систему [Деревянко и др., 1994, с. 126]. Следуя методологии Е. Ю. Гири, их выделение основывается на установлении устойчивых технологических связей между различными категориями продуктов расщепления от исходных к конечным [Гиря, 1997, с. 63, 66; 2017, с. 37-38]. Первый, более сложный контекст, был направлен на изготовление бифасиальных орудий – наконечников и ножей. Более массивные сколы и отбракованные заготовки, возникавшие в процессе бифасиального производства, могли служить сырьевой базой для второго, утилитарного контекста, в рамках которого изготавливались простые орудия с краевой

ретушью либо использовались отщепы без вторичной обработки. Кроме того, о стратегии максимальной экономии сырья свидетельствуют факты переоформления орудий и интенсивной краевой подправки.

Показательно, что орудия на отщепах с краевой ретушью составляют от 31 до 36% инвентаря в разных памятниках. Подобная организация производства, при которой отходы одного технологического процесса становятся сырьем для другого, свидетельствует о высокоразвитой стратегии экономии сырья и рациональном использовании каждого элемента расщепленного камня [Inizan et al., 1999, p. 15, 27].

Техника шлифовки использовалась исключительно для рубящих орудий (топоров, тесел) и украшений. Шлифовка могла быть полной (покрывать всю поверхность) либо частичной (подшлифовка лезвия и граней). В ряде случаев фиксируется переделка шлифованных орудий, что свидетельствует о сложной истории их использования [Adams, 2002, p. 21-22]. О смене функций свидетельствуют морфологические признаки: желобок на тесле с поселения Мыс Островной 7 позволяет предположить его первичное использование в качестве грузила, после чего оно было переделано в тесло; аналогично, наличие выемки на заготовке тесла с поселения Мыс Островной 4 даёт основание интерпретировать её вторичное использование в качестве скобеля. Однако, как подчеркивают исследователи, форма не всегда однозначно определяет функцию [Adams, 2002, p. 6-7], поэтому верификация подобных гипотез требует проведения трасологического анализа [Dubreuil, Savage, 2014]. Показательным примером результативности такого подхода служит исследование шлифованных орудий аборигенов Австралии, где трасология не только подтвердила факты переоформления, но и позволила реконструировать сложную последовательность использования орудий для обработки разных материалов [Attenbrow, Kononenko, 2019]. В контексте технологического анализа такие случаи переделки рассматриваются как часть последовательности расщепления, отражающая стратегию максимального использования сырья [Семенов, Коробкова, 1983, с. 75; Гиря, 1997, с. 117].

Несмотря на хронологические и функциональные различия памятников, базовые технологические принципы, такие как:

- ориентация на местное сырье,
- отщеповая основа,
- бифасиальная обработка для определенных категорий,
- использование техники шлифовки для изготовления рубящих орудий,

остаются неизменными на протяжении всей *набильской* культуры. Это позволяет говорить о единой производственной традиции, передаваемой внутри коллективов на протяжении многих поколений [Деревянко и др., 1994, с. 138].

Установив факт существования единой производственной традиции, базирующейся на устойчивых технологических принципах, обратимся к анализу вариабельности функциональной структуры каменного инвентаря. Количественные показатели, обобщенные в таблице 12, позволяют выделить устойчивые категории орудий и проследить их соотношение в опорных памятниках, относящихся к разным хронологическим этапам и расположенным в различных ландшафтных условиях (Таблица 11). При интерпретации этих данных мы исходим из методологического положения о многофакторной природе изменчивости каменных индустрий, согласно которому наряду с культурной традицией существенную роль играют функциональные и технологические особенности конкретного памятника [Деревянко и др., 1994, с. 135-136; Гиря, 1997, с. 15; Бессуднов, 2017, с. 29-33].

Теоретическую базу для подобного анализа содержат исследования Л. Бинфорда, посвященные изучению вариабельности материальной культуры как отражения поведенческих стратегий. В частности, в своей программной работе, обобщающей результаты этноархеологических наблюдений у эскимосов нунамиутов, Бинфорд показал, что различия в наборах орудий на разных памятниках одной культуры являются не следствием «культурных отклонений» или хронологических изменений, а закономерным результатом функционирования системы жизнеобеспечения, где каждый памятник

выполняет определенную роль в годовом цикле [Binford, 1978, p. 451-497]. Позднее, в статье, посвященной типологии поселенческих систем охотников-собирателей, исследователь развил этот тезис, противопоставив стратегии, основанные на высокой мобильности и перемещении потребителей к ресурсам (*стратегия фуражиров*), логистическим стратегиям, при которых наблюдается хозяйственная специализация, выражающаяся в формировании промысловых групп, доставляющих ресурсы к потребителям (*стратегия коллекторов*) [Binford, 1980, p. 13]. В процессе реализации любой из этих стратегий, согласно Бинфорду, возникают специфические типы памятников (базовые лагеря, полевые лагеря, наблюдательные пункты, места разделки и т. д.) с характерными для них наборами инвентаря [Binford, 1980, p. 12-15].

В развитие своего подхода Бинфорд подчеркивал, что реконструкция поведенческих актов, таких как разделка и распределение добычи, возможна лишь через понимание процессов формирования отложений и тщательный анализ функциональной структуры орудийного набора [Binford, 1981, p. 21-29]. Археологический материал, таким образом, представляет собой не проекцию «нормативных культурных шаблонов», а производную от решения конкретных хозяйственных задач [Binford, 1984, p. 255-256].

Исходя из описанного следует, что выделение функциональных категорий каменного инвентаря *набильской* культуры является не самоцелью или описательной типологией, а выступает необходимым аналитическим инструментом для последующей реконструкции той или иной хозяйственной стратегии. Это позволяет перейти от простой констатации факта о том, что памятник относится к *набильской* культуре, к реконструкции типа поселения и попытке определения роли каждого конкретного памятника в структуре годового хозяйственного цикла [Binford, 1980, p. 17]. Следуя логике данного подхода, выделим в составе каменного инвентаря *набильской* культуры следующие категории орудий, согласно предполагаемым выполняемым ими функциям:

• *Орудия для деревообработки*, в том числе топоры и тѣсла, изготовленные из галечных отдельностей вулканических пород с применением техники шлифовки, а также выемчатые орудия (скобели). Эти инструменты относятся к категории специализированных рубящих орудий. Их наиболее вероятное использование древним населением состояло в строительстве жилищ, изготовлении лодок и хозяйственно-бытового инвентаря [Семенов, Коробкова, 1983, с. 18-30; Деревянко и др., 1994, с. 118-120]. Данный вывод подтверждается характерными макро- и микросрабатанностью лезвий (выкрошенность, притупление, специфическая заполировка), возникающая при контакте с древесиной, что позволяет идентифицировать эти орудия именно как инструменты для рубки и тесания дерева [Dubreuil, Savage, 2014, p. 146-147; Adams, 2002, p. 160, 165].

• *Охотничье вооружение*, включая наконечники метательных орудий, выполненные из кремнистых пород с использованием бифасиальной обработки и краевой приостряющей ретуши [Семенов, Коробкова, 1983, с. 60-61, 64-65; Деревянко и др., 1994, с. 117-118].

• *Орудия для разделки и обработки продукции*, включая бифасы, скребки, скребла. Скребки, судя по наличию заполировки на рабочих краях, использовались преимущественно для обработки шкур [Семенов, Коробкова, 1983, с. 141-143; Деревянко и др., 1994, с. 112-113]. Исследования показывают, что заполировка, возникающая при контакте с мягким и эластичным материалом, таким как шкура, распространяется не только на вершины микрорельефа, но и проникает в межзерновые пространства, что отличает ее от следов обработки дерева или камня [Adams, 2002, p. 39-40]. Бифасы, по аналогиям и отдельным находкам со следами сработанности, могли применяться для разделки рыбы и мяса [Семенов, Коробкова, 1983, с. 118-120; Деревянко и др., 1994, с. 117].

• *Универсальные бытовые орудия*, в числе которых отщепы с краевой ретушью, составляющие от 31 до 36 % всех орудий на каждом памятнике. Эта категория обеспечивала широкий спектр повседневных операций, таких как

резание, скобление, сверление и т. д. Подобная многочисленность простых ретушированных отщепов характерна для многих охотничье-рыболовческих культур и свидетельствует о высокой степени утилизации каменного сырья [Семенов, Коробкова, 1983, с. 38, 118-119; Деревянко и др., 1994, с. 94-96].

• *Вспомогательный производственный инвентарь*, включая отбойники, абразивные плитки, песты, терочники, а также заготовки орудий (прежде всего тёсел), указывающие на места первичного расщепления и изготовления инструментов [Семенов, Коробкова, 1983, с. 14-16, 98; Деревянко и др., 1994, с. 121]. Находки шлифовальных плит (абразивов) являются прямым свидетельством финальной отделки и переточки топоров и тесел на месте. Экспериментально подтверждено, что абразивы с грубой поверхностью использовались для обдирки и придания формы, в то время как более тонкие плиты и полировальные камни служили для доводки лезвия [Adams, 2002, p. 77, 81-82]. Наличие таких инструментов в комплексе с заготовками рубящих орудий подтверждает, что их производство и обслуживание являлись неотъемлемой частью хозяйственной деятельности [Dubreuil, Savage, 2014, p. 142-143].

Количественное соотношение выделенных категорий (Таблица 12) в рамках исследованных археологических памятников демонстрирует отчетливую функциональную дифференциацию последних.

Для поселения *Джимдан 5*, расположенного в эстуарной зоне реки на побережье палеолагуны, характерно доминирование орудий деревообработки (37,5%) при высокой доле универсальных инструментов (34,3%) и присутствии всех остальных категорий орудий. Подобная структура функциональных групп каменного инвентаря характеризует данный комплекс как универсальный, свойственный долговременному базовому лагерю. Предполагаемая хозяйственная стратегия его жителей была направлена на обустройство поселка (строительство жилищ), возможно, производство лодок и комплексное использование ресурсов эстуарной зоны (охота, рыболовство, обработка продукции). Инвентарь отражает сбалансированное хозяйство, не

имеющее узкой специализации, что соответствует условиям относительно стабильного и продуктивного ландшафта.

Для поселения *Аскасай 7*, расположенного в глубине речной долины на удалении от побережья, характерно резкое преобладание орудий обработки (40%), главным образом скребков (32%), при минимальном количестве рубящих орудий и охотничьего вооружения. Это указывает на отличную хозяйственную модель. Данный набор инструментария, в совокупности с его расположением, позволяет интерпретировать памятник как остатки сезонного (вероятно, зимнего) поселка. В этот период активная охота с метательным орудийным набором отходит на второй план, возможно, уступая место пассивным способам добычи зверя. Основу жизнеобеспечения составляла переработка запасов, накопленных в теплое время года, и ремонт инвентаря. Отсутствие топоров и тесел может объясняться их высокой мобильностью: как наиболее ценные и ресурсоемкие предметы, они были унесены обитателями при перекочевке на летние стойбища [Дервянко и др., 1994, с. 141].

Для поселения *Мыс Островной, пункт 7*, расположенного на морской косе, характерна максимальная для *набильской* культуры концентрация охотничьего вооружения (16,8% наконечников и 11,6% бифасов, которые также могли использоваться в качестве орудий охоты) и орудий обработки шкур (15,8% скребков), что свидетельствует о четкой промысловой специализации памятника. Поселение интерпретируется как промысловый лагерь, ориентированный на интенсивную добычу морского зверя и первичную переработку продукции (разделку туш, выделку шкур) непосредственно на месте промысла. Этот специализированный комплекс возникает в период максимального похолодания, когда ресурсы моря становятся критически важными для выживания.

Для поселения *Мыс Островной, пункт 4*, синхронного вышеописанному и также расположенного на морской косе характерна принципиально иная структура инвентаря. Исключительно высокая доля вспомогательного производственного инвентаря (32,1%), представленного главным образом

заготовками тесел (18,9%) и отбойниками (7,5%), при минимальном количестве готовых рубящих орудий и охотничьего вооружения, позволяет рассматривать его как место, где осуществлялось интенсивное производство (первичная обработка и/или ремонт) каменных орудий. Интерпретация этого комплекса неоднозначна. С одной стороны, это может быть специализированная мастерская, обслуживавшая промысловое население, в том числе лагеря типа Мыса Островного, пункт 7. С другой стороны, высокая концентрация заготовок и дебитажа может быть следствием стратегии мобильности: покидая стоянку, население забирало наиболее ценные готовые изделия, оставляя на месте тяжелые или дефектные заготовки и отходы производства [Деревянко и др., 1994, с. 126-127]. В любом случае, на поселении Мыс Островной, пункт 4 фиксируется высокий уровень разделения труда или, по крайней мере, функциональная специализация разных участков одного микрорегиона на позднем этапе *набильской* культуры.

Данный функциональный анализ позволяет сделать следующие обобщения, раскрывающие динамику адаптивных стратегий носителей *набильской* культуры:

Во-первых, наличие стабильно высокой доли отщепов с краевой ретушью во всех комплексах демонстрирует фундаментальную роль «базового» инструментария. Данная полифункциональная категория обеспечивала гибкость хозяйства, позволяя древнему населению оперативно решать широкий круг повседневных задач без необходимости изготовления специализированных форм.

Во-вторых, выявленная четкая корреляция между функциональной структурой инвентаря, ландшафтной позицией и, предположительно, сезоном функционирования памятников позволяет выделить три основных типа поселений, образующих единую годовую систему жизнеобеспечения:

1) Долговременные базовые лагеря в эстуарных зонах (Джимдан 5) с универсальным набором орудий, обеспечивающим круглогодичное проживание или многократное возвращение.

2) Сезонные (зимние) поселки в глубине речных долин (Аскасай 7) с упором на переработку накопленного сырья.

3) Специализированные промысловые лагеря на морском побережье (Мыс Островной, пункт 7) с максимальной концентрацией орудий добычи и первичной обработки.

В-третьих, динамика специализации орудийного набора отчетливо коррелирует с усилением климатического стресса. Если на раннем этапе (Джимдан 5) хозяйство носило комплексный, универсальный характер, то в период максимального похолодания (поздний этап) фиксируется углубление специализации. С одной стороны, появляются узконаправленные промысловые лагеря (Мыс Островной, пункт 7), с другой – возникает производственная площадка (Мыс Островной, пункт 4). Это может указывать на усложнение внутриобщинных связей и появление элементов специализированного обмена или разделения труда.

Принципиально важно, что функциональная вариабельность реализуется в рамках единой и устойчивой технологической традиции. Это свидетельствует о том, что адаптация к изменяющимся условиям внешней среды достигалась не сменой технологий, а гибким перераспределением задач между разными типами поселений в рамках годового хозяйственного цикла. Каменный инвентарь *набильской* культуры, таким образом, предстает не как статичный набор артефактов, а как динамическая система, чутко реагирующая на трансформацию хозяйственных приоритетов в условиях климатических изменений I тыс. до н. э.

Предложенные интерпретации функциональных различий между памятниками являются одним из возможных объяснений наблюдаемой вариабельности каменного инвентаря. Следует учитывать, что на состав коллекций могли влиять и другие факторы, трудно уловимые археологически: конкретные обстоятельства оставления жилищ, длительность и сезонность заселения, различия в доступности сырья на локальном уровне. Тем не менее, корреляция структуры инвентаря с ландшафтной позицией и

палеоклиматическим контекстом делает предложенную модель достаточно обоснованной.

Украшения (Рис. 89). Логическим продолжением анализа материальной культуры носителей *набильской* культуры является анализ украшений как категории артефактов, которые не связаны непосредственно с производственной деятельностью, но при этом выступают важнейшим источником для реконструкции социальных отношений и мировоззренческих представлений. Если каменный инвентарь позволяет судить об адаптации к природной среде и хозяйственной специализации, то украшения открывают доступ к социальной сфере, в которой существовали древние коллективы. Именно неутилитарные предметы часто выполняют ключевую роль в поддержании межгрупповых связей и маркировании статусных позиций [Mauss, 1966, p. 3, 44].

Украшения в археологической перспективе не могут рассматриваться исключительно как элементы декора или эстетического самовыражения древнего человека. В современной исследовательской традиции они трактуются как знаковые системы, понимаемые как материализованные маркеры социальной идентичности [Wiessner, 1983, p. 260]. В обществах охотников-собирателей такие маркеры не только фиксируют статусные позиции, но и играют важную адаптивную роль, поскольку стоящие за ними социальные связи служат механизмом снижения риска в условиях нестабильной ресурсной базы [Wiessner, 1982, p. 176]. Анализ украшений позволяет выйти на реконструкцию как идеологических, так и хозяйственно-адаптивных аспектов функционирования древних коллективов.

В составе *набильских* коллекций представлено несколько категорий украшений, требующих детального рассмотрения. Характерной группой являются каменные дисковидные подвески, выполненные методом шлифовки из жадеита и подобных минералов. Фрагмент одной из таких подвесок обнаружен в едином контексте с керамикой *набильской* культуры, на поселении Чайво 1 в жилище 187. Сохранившаяся часть изделия позволяет

предположить, что его диаметр составлял 29 мм, толщину чуть более 1 мм. В центральной части диска просверлено отверстие, диаметр которого составлял около 12 мм (Рис. 89-9). Другое подобное изделие обнаружено на стоянке Бивачное 4 (Рис. 89-13). Изделие сделано из зеленоватого, имеющего естественную трещиноватость жадеита. Его диаметр составляет 49 мм, толщина от 2,5 до 3,5 мм. Диаметр просверленного отверстия – 20,5 мм. Еще одна группа находок происходит с разрушенных стоянок у залива Старый Набиль.

В изучаемый период подобные изделия были широко представлены в регионе. Ближайшие аналогии им отмечаются в составе погребального инвентаря Нижнетамбовского могильника, оставленного *урило-польцевским* населением Восточного Приамурья [Шевкомуд и др., 2017, с. 286]. Подобные изделия на южном Сахалине обнаружены в контексте *сусуйской* культуры на поселении Стародубское 2 [Козырева, 1964, с. 61-63].

Следующая группа украшений – это бусины удлиненно-цилиндрической формы, изготовленные из серого, зеленоватого или коричневого поделочного камня. Три таких изделия найдены в жилище 1 и на территории хозяйственной зоны, расположенной рядом с жилищем, на поселении Мыс Островной, пункт 7 (Рис. 89-10, 11, 12). Они имеют различную длину: 5,5, 22 и 41 мм, их ширина варьирует от 6 до 9 мм. Все бусины изготовлены в технике шлифовки, имеют сверленный по длинной оси канал для пронизывания шнура. Диаметр канала – 3-3,5 мм. На краях канала отмечаются следы износа, возникшие в процессе ношения изделия, в результате трения шнура. Еще одной отмеченной особенностью является асимметрия канала, что свидетельствует о его встречной двусторонней сверловке. Короткая бусина изготавливалась не самостоятельно, а была отпилена от более длинной заготовки.

В I тыс. до н. э. бусы подобного облика были широко распространены в Приамурье, в составе комплексов *урильской* и *польцевской* культур и на сопредельных территориях Приморья (*янковская* культура). В частности, в Приамурье известны находки подобных изделий на поселениях Польце 1,

Максим Горький, Нижнетамбовском могильнике, могильнике *польцевской* культуры на поселении Кондон-Почта, грунтовом могильнике Быстрая 2 [Окладников, Деревянко, 1970, с. 258; Деревянко, 1973, с. 196; Дерюгин, 1998, с. 88; Медведев, 2013, с. 303-305; Шевкомуд и др., 2017, с. 285-286]. Таким образом, северный Сахалин через носителей *набильской* культуры входил в ареал распространения этих изделий.

Еще одной многочисленной группой украшений являлись подвески подтрапециевидной формы и бусы-пронизки, сделанные шлифованием из янтаря (Рис. 89-1, 2, 4-8). Изделия снабжены отверстиями для продевания шнура, каналы отверстий, как правило, имеют следы износа, возникшие в ходе утилизации. Подобные изделия широко распространены как на северном, так и на южном Сахалине, в *кашкалебагшской*, *набильской*, *пильтунской* и *сусуйской* культурах [История Сибири, 2019, с. 158-162]. По данным газовой хромато-масс-спектрометрии исходным сырьём для большинства янтарных украшений в регионе служило месторождение Стародубское (южный Сахалин), активно разрабатывавшееся уже в эпоху палеометалла [Огасавара, Хара, 2022, с. 50-52].

Таким образом, находки импортных украшений в комплексах среднего и позднего этапов *набильской* культуры — дисковидных подвесок из жадеита, цилиндрических бус из поделочного камня и янтарных пронизок — имеют принципиальное значение для реконструкции не только обменных связей, но и, опосредованно, социальной организации населения Северного Сахалина в I тыс. до н. э. Все перечисленные категории изделий обнаружены в условно закрытых комплексах и демонстрируют следы длительного использования, что исключает их интерпретацию как случайных поступлений. Ближайшие аналогии этим предметам фиксируются в памятниках *урильской* и *польцевской* культур Приамурья, а также в *сусуйских* комплексах южного Сахалина, что указывает на существование устойчивых каналов поступления экзотического сырья и готовых изделий (Рис. 90).

Обнаруженные украшения могут свидетельствовать не об эпизодическом обмене, а о формировании устойчивых социальных сетей. Согласно концепции П. Висснер, разработанной на основе этноархеологических исследований, именно такие сети являются важнейшим механизмом снижения риска в обществах охотников-собирателей. Они позволяют группам, обитающим в разных ландшафтных зонах, получать доступ к ресурсам друг друга в критические периоды нехватки продовольствия или сырья [Wiessner, 1982, p. 176]. В этом контексте украшения выступали не столько предметами роскоши, сколько материальными маркерами союзов и социальных обязательств. Их присутствие в *набильских* комплексах указывает на то, что носители культуры были интегрированы в систему межрегиональных связей, которая могла служить буферным механизмом в условиях климатической нестабильности и связанных с ней колебаний ресурсной базы. Примечательно, что наибольшая концентрация таких изделий фиксируется в памятниках позднего этапа (Мыс Островной, пункты 4, 7), функционировавших в период максимального похолодания раннего субатлантика, что подтверждает предположение об активизации социальных механизмов поддержания жизнеобеспечения в условиях экологического стресса.

В целом, анализ каменного инвентаря и украшений полностью верифицирует модель направленной эволюции адаптивных стратегий носителей *набильской* культуры, реконструированную в предшествующих разделах. В ответ на долговременный тренд похолодания, при сохранении неизменной и устойчивой технологической традиции (ориентация на местное сырье, отщеповая техника, бифасиальная обработка и шлифовка рубящих орудий), происходит гибкое перераспределение хозяйственных задач между разными типами поселений (Рис. 91).

Это выражается в смене функциональной структуры инвентаря: от сбалансированного набора орудий, характерного для универсальных эстуарных базовых лагерей раннего этапа (Джимдан 5), к доминированию орудий обработки в сезонных (зимних) поселках в глубине речных долин на

среднем этапе (Аскасай 7). Кульминацией этого процесса на позднем этапе становится узкая специализация: формирование промысловых лагерей с максимальной концентрацией охотничьего вооружения на морском побережье (Мыс Островной, пункт 7).

Особого внимания заслуживает зафиксированная синхронная специализация в рамках одного микрорегиона, где наряду с промысловым лагерем (пункт 7) функционировала производственная площадка (пункт 4). Трансформация экономических стратегий от универсальных лагерей к узкоспециализированным пунктам представляет собой археологически верифицированный пример реализации логистической стратегии жизнеобеспечения («экономики коллекторов») [Binford, 1980], где функциональная дифференциация памятников является ключом к выживанию в условиях климатического стресса и может свидетельствовать о зарождении элементов разделения труда и усложнении внутриобщинных связей.

Украшения маркируют важнейший социальный аспект этой адаптации – формирование и поддержание межрегиональных социальных сетей. Находки импортных изделий в комплексах среднего и, особенно, позднего этапов указывают на интеграцию носителей *набильской* культуры в системы обмена с населением Приамурья и южного Сахалина. Эти сети служили важным средством социальной поддержки, компенсирующим нестабильность локальной ресурсной базы, что хорошо согласуется с выводами по керамике о наличии инокультурных элементов и активизации межгрупповых контактов в периоды похолодания.

2.7. Выводы к главе 2.

Анализ археологических источников *набильской* культуры позволил выявить синхронные изменения в системе расселения, домостроительстве, керамическом производстве и каменном инвентаре. Трансформация хозяйственно-бытовых категорий материальной культуры сопровождалась

появлением инокультурных компонентов в керамическом комплексе и импортных украшений, что отражает развитие внешних связей и расширение круга контактов.

Установленная корреляция между климатически обусловленной трансформацией природной среды и динамикой материальной культуры свидетельствует о том, что изменения в хозяйстве и технологии являлись результатом адаптационных процессов, протекавших в условиях активизации межкультурных взаимодействий. Таким образом, развитие *набильской* археологической культуры на протяжении I тыс. до н. э. определялось сочетанием двух факторов: долговременных климатических перестроек и усиления культурных связей с сопредельными территориями.

Палеогеографические данные фиксируют выраженную пространственную дифференциацию природной среды Сахалина: в северных районах наблюдались резкие изменения (коллапс древесной растительности, господство лесотундры), тогда как на юго-западе сокращение доли широколиственных пород сопровождалось ростом участия темнохвойных. Эти различия предопределили хозяйственную специализацию и вектор расселения: носители *набильской* культуры стремились к освоению не просто более «тёплых», а ландшафтно-ресурсных аналогов исходных местообитаний, что подтверждается концентрацией памятников на юго-западном побережье при отсутствии освоения южных прибрежных районов и внутреннего пояса острова.

Анализ серии радиоуглеродных дат позволил обосновать трёхэтапную периодизацию развития *набильской* культуры: ранний (X-IX вв. до н. э.), средний (VIII-V вв. до н. э.) и поздний (IV-II вв. до н. э.) этапы. Хронологическая схема построена по принципу перекрёстной верификации данных из разных памятников, что исключает систематические ошибки и обеспечивает надёжность реконструкции.

Исследование системы расселения позволило выявить направленную эволюцию адаптационных стратегий. При неизменности базовых природных

условий наблюдается последовательная смена типов поселений: от речных эстуариев раннего этапа – через хозяйственную диверсификацию среднего (сочетание речных, лагунных и смешанных поселений) - к узкой специализации на лагунных ресурсах в период максимального похолодания. Функциональная дифференциация памятников выражается в сосуществовании базовых круглогодичных поселений, сезонных стоянок, специализированных промысловых лагерей и производственных площадок. Предполагаем, что это свидетельствует о формировании логистической системы жизнеобеспечения и зарождении элементов разделения труда.

В эволюции жилищ прослеживается чёткая зависимость от климатических условий. Переход от слабоуглублённых прямоугольных построек раннего этапа к более глубоким и сложным многоугольным сооружениям на среднем и позднем этапах отражает направленное совершенствование конструкций в сторону повышения их теплоэффективности и устойчивости к похолоданию климата.

Каменный инвентарь демонстрирует устойчивость технологической традиции, ключевой особенностью которой является высокая доля орудий на отщепках – универсального инструментария, применявшегося в повседневной деятельности независимо от типа памятника. При этом вариабельность специализированных категорий инвентаря коррелирует с типом поселения и его ландшафтной позицией, что отражает функциональную специализацию отдельных объектов.

Наиболее сложную динамику демонстрирует керамический комплекс. Несмотря на сохранение технологического инварианта, на среднем этапе выявляется дивергенция орнаментальных традиций. Эти различия коррелируют с функциональными типами поселений. Высокая степень орнаментированности керамики Чайво 1, интерпретируемого как крупный прибрежный базовый лагерь, может отражать использование декорированной посуды в качестве маркера групповой идентичности в месте концентрации населения. Напротив, минимальная орнаментация керамики Аскасая 7,

который по данным анализа каменного инвентаря интерпретируется как зимний поселок с преимущественно хозяйственно-перерабатывающими функциями, хорошо согласуется с его специализированным характером, где утилитарная функция посуды являлась доминирующей [Binford, 1980].

На этом фоне особое значение приобретает керамический комплекс из жилища 3 поселения Аскасай 7. Его уникальные для данного памятника характеристики резко контрастируют с основной массой местной утилитарной посуды. Это позволяет рассматривать его как возможное свидетельство развивающихся социальных и культурных связей, указывая на начало процессов внутригрупповой дифференциации или активизацию межгрупповых контактов. Природа этого явления, однако, требует дальнейшего изучения. На позднем этапе наблюдается увеличение доли внешних влияний, однако базовые элементы *набильской* традиции всё ещё сохраняются, что свидетельствует о её культурной устойчивости и адаптивности.

Материалы по керамике сочетаются с данными о находках импортных украшений, фиксирующих устойчивые связи с населением Приамурья и южного Сахалина. Присутствие этих изделий в условно закрытых комплексах и следы их длительного использования позволяют рассматривать их как маркеры стабильных межрегиональных контактов, выполнявших, вероятно, роль социальных механизмов снижения рисков в условиях нестабильной ресурсной базы.

Таким образом, культурная эволюция *набильской* культуры представляет собой результат взаимодействия двух взаимосвязанных процессов: направленной адаптации к долговременному климатическому стрессу и активизации межкультурных контактов. Траектория развития — от универсального лагунно-речного хозяйства раннего этапа через хозяйственную диверсификацию среднего к специализации на морских ресурсах и усилению внешних связей на позднем этапе — отражает сложный тип адаптации, при котором культурная традиция сохраняет внутреннюю

преимущество, одновременно демонстрируя способность к многомерной трансформации и инновациям.

Глава 3. Культурные взаимодействия *набильской* культуры в I тыс. до н. э.

3. 1. Соотнесение *кашкалебагшской* культуры финального неолита с *набильской* культурой

Понимание характера комплексов *набильской* археологической культуры невозможно без понимания окружающего ее историко-культурного фона, то есть без рассмотрения характеристик археологических культур, соседствовавших с *набильской* во времени и пространстве, а также в более широком охвате историко-культурных процессов, протекавших на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

Кашкалебагшская культура выделена В. А. Грищенко по материалам археологических раскопок поселения Кашкалебагш 5 [Грищенко, 2015б, с. 130]. Судя по абсолютным датам, ее комплексы непосредственно предшествуют набильским на северном Сахалине, при этом отмечается генетическая связь комплексов *кашкалебагшской* культуры с комплексами юга острова: *анивской* культурой южного Сахалина [Там же, с. 130-131] (Рис. 92). В этой связи, соотнесение комплексов *набильской* археологической культуры с комплексами *кашкалебагшской* обладает эвристической ценностью.

Поселение Кашкалебагш 5, по материалам которого выделена *кашкалебагшская* культура, расположено на удалении от залива Пильтун в северо-восточной части о. Сахалин (Рис. 9). Исследованная раскопками часть поселения включала три жилища и хозяйственные яма. Опорными для *кашкалебагшской* культуры являются два из обнаруженных жилищ – 3 и 6. Жилище 1, помимо комплекса *кашкалебагшской* культуры содержало иной комплекс – керамику *какорминской* группы [Дерюгин, 2020, с. 80]. Помимо керамики *какорминской* группы данное жилище содержит систему столбовых ям, указывающих на наличие предполагаемого жилища, синхронное

как *корминской* керамике, и грунтовое погребение. Таким образом, котлован жилища 1, вторично использовался более поздним населением.

Жилища. Традиция домостроительства носителей *кашкалебагшской* культуры несколько отлична от наследовавших ей во времени культур эпохи палеометалла северного Сахалина. В ее основе лежит круговая планировка котлована и каркаса жилища (Таблица 13; Рис. 93-95).

Основой жилища 6 поселения является котлован близкой к овальной формы, размером 11,6×13,3 м, углубленный в почву на глубину 0,5-0,9 м. Стенки котлована вертикальные, без видимых нарушений. С юго-западной стороны к котловану примыкает дополнительная камера коридора, вытянутая с северо-востока на юго-запад (Рис. 93). Длина камеры составляет 6,7 м, ширина – 1,7-3,4 м, глубина в основании – 0,2-0,4 м. Основание коридора несколько выше пола жилища, образуя пандус. При этом, уровень пола в коридоре плавно понижается в сторону жилой камеры. Заполнение камер жилища и коридора сформировано мешаными легкими коричневыми супесями с включениями углей.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки стропил. Здесь же располагались стены дома, ограничивавшие его внутреннее жилое пространство. В плане эти ямы формируют округлое внутреннее жилое пространство. Ямы в центральной части котлована остались от столбов, служивших опорой центральной обвязки кровли. В центральной части жилища, с небольшим смещением в сторону коридора-пандуса, располагался очаг ямного типа. С юго-запада стенка ямы очага обмазана толстым слоем белесого тяжелого суглинка.

Таким образом, жилище 6 представляло собой подовальную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую в поперечном сечении кровлю конической или шатрово-конической формы (Рис. 93). Площадь жилой камеры составляла 92 м². Жилище имело дополнительную камеру с пандусом,

маркирующую выход. Вероятно, в нем располагалась не заглубленная в землю легкая конструкция из жердей. Площадь коридора 16 м².

Основой жилища 3 является котлован подовальной формы, размерами 4,8x5,6 м, углубленный в почву на глубину 0,4-0,5 м (Рис. 94). Стенки котлована вертикальные, без видимых нарушений. Котлован заполнен легкими коричневыми супесями с включениями углей.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешней обвязки каркаса жилища. Вдоль периметра котлована располагались стены дома, формировавшие в плане его округлое внутреннее жилое пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на столбы, служившие опорой кровли. Очаг жилища смещен на юго-восток от центра. Смещение очага объясняется малыми размерами жилища. Очаг кострового типа, без видимых следов обмазки, располагался на уровне пола. Форма очага овальная. Под очагом обнаружена группа небольших столбовых ямок.

Таким образом, жилище 3 представляло собой округлую в плане каркасно-столбовую полуземлянку, имевшую кровлю конической формы. Площадь жилой камеры составляла 16 м².

Основой жилища 1 является котлован близкой к овальной формы, размерами 7,4x8,5 м, углубленный в почву на глубину 0,5-0,7 м (Рис. 95). Стенки котлована вертикальные, без видимых нарушений. Раскопки выявили заполнение легкими коричневыми супесями, в которых отмечаются углистые и красновато-бурые прослойки прокаленной почвы – следы пожара.

В основание котлована впущены столбовые ямы. Серия ям по периметру котлована указывает на наличие внешнего яруса обвязки. Здесь же располагались стены дома, ограничивавшие его внутреннее подокруглое жилое пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на столбы, служившие главной опорой кровли. При этом в жилище отмечается еще одна серия столбовых ямок, образующая в плане прямоугольник размерами 4,5x3,8 м.

Этот прямоугольник противоречит логике конструкций жилищ поселения Кашкалебагш 5. Следует отметить, что в периметре, образованном данным прямоугольником, обнаружена керамика *какорминской* группы, а также очаг, из которого получена дата, указывающая на середину I тыс. до н. э. (Рис. 95) Предполагаем, что котлован, выкопанный носителями *кашкалебагшской* культуры, использовался вторично для постройки жилища населением, изготавливавшим керамику *какорминской* группы *урильской* культуры. Здесь же, в юго-восточном углу котлована этим же населением произведено погребение [Грищенко, 2015б, с. 124; Дерюгин, 2020, с. 79]. Исследованный в жилище очаг, судя по полученной дате, относился к позднему, *какорминскому*, этапу использования котлована описываемого жилища.

Исходя из логики размещения объектов в котловане жилища 1, жилище *кашкалебагшской* археологической культуры представляло собой подовальную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую кровлю конической формы. Площадь его жилой камеры составляла 40 м².

Таким образом, жилища *кашкалебагшской* археологической культуры обладают следующими общими признаками (Таблица 12):

- все жилища имели в плане близкую к округлой форму;
- они имели каркасно-столбовую конструкцию;
- все жилища имели конусовидную, коническую либо шатрово-коническую кровлю;
- все имели одну жилую камеру;
- все оборудованы ямными или напольными очагами открытого типа без ограждения;
- очаг расположен на уровне пола или углублен в землю (ямный);
- все жилища углублены в землю (полуподземные), глубиной котлована 0,4-0,9 м и относятся к типу полуземлянок;
- хозяйственные ямы расположены за пределами жилищ в околожилищном пространстве.

По размеру из трех изученных домов выделяем: небольшое (площадью 16 м²); среднее (площадью 40 м²); и крупное (площадью 98 м²) жилище.

Несколько иные объекты исследованы на морской косе, отделяющей залив Пильтун от Охотского моря. Здесь, в частности обнаружены остатки объектов, интерпретируемых как лёгкие наземные каркасные жилища, связанные с местами промысла и разделки добычи [Можаев, 2016, с. 412]. Наличие подобных стоянок позволяет предполагать, что стратегия расселения носителей *кашкалебагшской* культуры подразумевала обустройство долговременных поселений и временных сезонных промысловых стоянок.

Одна из исследованных на поселении Кашкалебагш 5 полуземлянок снабжена углубленным коридором-выходом с пандусом. Строительство дополнительной камеры коридора, используемого в качестве выхода, отмечено в самом большом жилище 6, видимо являвшимся домом для большой группы людей и служившим зимой. Отметим, что коридорами снабжены два исследованных крупных жилища *набильской* культуры на поселениях Чайво 1, жилище 187 и Мыс Островной, пункт 7, жилище 1. Данный общий признак свидетельствует о необходимости адаптации жилых сооружений к суровым условиям северного Сахалина.

При наличии черт взаимного сходства кашкалебагшских и *набильских* жилищ отмечаем и их различия. Коридоры жилищ *набильской* культуры относятся к типу лазов, тогда как коридор жилища *кашкалебагшской* культуры – к типу пандусов. Пандус выявлен в жилище на поселении Южная 2 *анивской* культуры [Василевский, 2002а, с. 4, 7]. Таким образом, использование разного типа коридоров указывает на различные традиции домостроительства носителей *кашкалебагшской* и *набильской* культур.

Принципиально отличны формы котлованов и конструкций жилищ обеих культур. Носители *набильской* культуры использовали котлованы подквадратной/подпрямоугольной форм либо многоугольной. В *кашкалебагшской* культуре использовался котлован близкой к округлой/овальной формы, в котором возводилась конусовидная кровля.

Отличия прослеживаются также в устройстве очагов. Носители *набильской* археологической культуры делали очаг на уровне пола, иногда ограничивая его каркасом из плах или бревнышек. Носители *кашкалебагшской* культуры сооружали очаг на полу без ограждения, либо в яме с глиняной подмазкой стенки.

Керамика. Керамика *кашкалебагшской* культуры изготовлена из глинистого вещества, которое в среднем составляет около 60% массы, с примесью минерального отощителя (Таблица 14). Минеральный отощитель кварц-полевошпатового состава (Рис. 97). Оставшуюся часть объема заполняют обломки пород.

Основой глинистого вещества служили суглинки с включением окатанной алевритовой фракции. Исходное сырье, таким образом, имело осадочный характер. Частицы алевритовой фракции содержат рудные минералы, иногда пропитаны лимонитом, что указывает на железистый характер пластичного сырья.

Минеральный отощитель характеризуется неоднородной гранулометрической сортировкой. Размеры зерен 0,15-2,7 мм, преобладает среднезернистая фракция, размером 0,3 – 1 мм. Редко встречаются отдельные обломки размерами до 2,5 мм и даже 5 мм, однако их количество мало, а форма этих фрагментов вытянутая.

Керамика, как правило, имеет окрас от оранжевого до розового. На одних фрагментах окрашивание сплошное равномерное, на других пятнистое. Данная цветовая особенность объясняется железистым характером исходного глинистого сырья и газовым режимом обжига изделий. Также часто встречаются следы утилизации изделий: нагары и пригары. При использовании метода повторного нагрева изменение цвета образцов отмечено уже при 450°С (Рис. 98). Эта информация позволяет констатировать обжиг в режиме открытого костра. Вместе с наличием более темных участков в изломе черепков это позволяет предполагать непродолжительность обжига.

Керамика представлена плоскодонными фигурными слабопрофилированными сосудами со слабо выраженной горловиной (Рис. 99). Изделия изготовлены ленточно-кольцевым способом по донной программе формовки. Судя по наличию отпечатков песчинок и песка на поверхности донных частей, сосуды изготавливались на плоской поверхности с песчаной подсыпкой. После раскатывания донной лепешки ее край сдавливался вдоль периметра, в результате чего центральная часть приподнималась и донце оказывалось вогнуто внутрь сосуда. Наращивание тулова производилось лентами шириной 3-4 см, которые накладывались друг на друга внахлест, с внешней стороны изделия (Рис. 101).

Обнаруженная на поселении Кашкалебагш 5 керамика фрагментирована, что обычно для комплексов северного Сахалина. Для реконструкции формы удалось собрать только один сосуд (Рис. 99-1). Его параметры в комплексе с фрагментированными частями других сосудов позволяют воссоздать облик посуды *кашкалебагшской* культуры (Таблица 15). Судя по имеющимся фрагментам, археологически целый сосуд по своим параметрам типичен для керамики *кашкалебагшской* культуры. В ней преобладают изделия средней высоты, с широким горлом, профилированной шейкой. Для сосудов характерно высокое слабовыпуклое плечико, широкое донце. В коллекции преобладают венчики с овальной внутренне асимметричной кромкой. В небольшом количестве присутствуют венчики с прямой и овальной кромками (Рис. 101).

Поверхность изделий обрабатывалась деревянным или костяным плоским шпателем, по-видимому им же, на отдельных участках сосуда проведена уплотняющая выбивка. Также на некоторых фрагментах сосудов отмечено наличие ангобоподобного состава жидкой глины. Отмечено использование приема обмазки трещин мастикоподобным веществом черного цвета, сходного с применявшимся в *набильской* культуре.

Большая часть керамики на поселении Кашкалебагш 5 не орнаментирована. При наличии декора, он наносился исключительно на

проксимальную часть сосуда. Большинство узоров состоит из одного элемента, реже встречаются двухэлементные композиции. Элементы, применяемые в орнаментации, следующие (Рис. 102):

- горизонтальный ряд оттисков витого шнура (левонаклонных либо правонаклонных) (Рис. 101-1, 4, 5);
- горизонтальный ряд сквозных проколов под венчиком (Рис. 101-2);
- ряд вертикальных наколов по плоскости кромки венчика;
- горизонтальный и вертикальный ряды наколов, выполненных трубчатой костью (Рис. 101-3);

Указанные элементы отмечены в следующих узорах и композиции.

1. Узор из сочетания сплошного горизонтального ряда наколов, выполненных трубчатой костью непосредственно под венчиком, и вертикального короткого ряда наколов, также выполненных трубчатой костью. Узор размещен непосредственно под венчиком (Рис. 101-3).

2. Сочетание горизонтального ряда сквозных проколов под венчиком и двух горизонтальных рядов оттисков витого шнура (Рис. 101-1).

3. Композиция, составленная из линейных узоров лево- и правонаклонного шнура (Рис. 101-6).

В процессе утилизации трещины на сосудах склеивались черной мастикой, внешне не имеющей отличий от мастикоподобного вещества, которым ремонтировались керамические изделия *набильской* культуры.

Говоря о сходствах и различиях керамического комплекса *кашкалебагшской* и *набильской* культур, следует отметить следующее. Состав формовочной массы в общих чертах сходен с таковым в *набильской* культуре. Отличным является только спорадическое использование шамота в керамике раннего и среднего этапов *набильской* культуры, в керамическом тесте *кашкалебагшской* культуры шамот не использовался. Сходство прослеживается и в толщине стенок изделий, и в костровом характере обжига. Принципиально отлична программа формовки сосудов: для *набильской* – она

емкостная, для *кашкалебагшской* – донная. При этом наращивание стенок в обоих случаях осуществлялось ленточно-кольцевым способом.

Морфологические параметры сосудов *кашкалебагшской* культуры отличаются от параметров сосудов *набильской* культуры. В первую очередь это отличия в формах донных частей. Для *набильской* культуры характерна остродонная керамика, для *кашкалебагшской* – плоскодонная. Отличаются формы венчиков. В формах венчиков раннего и среднего этапов *набильской* культуры доминируют венчики овальной внешне симметричной формы и грибовидной внутренне ассиметричной, тогда как в венчиках *кашкалебагшской* культуры доминируют овальная внутренне ассиметричная и грибовидная внешне симметричная формы. Различается морфология тулова. Несмотря на то что в *набильской* культуре встречаются сосуды со слабо выраженной шейкой, их встречаемость единична. В изделиях *кашкалебагшской* культуры преобладают профилированные формы, с выраженной шейкой. Сосуды *кашкалебагшской* культуры имеют более выраженное плечико.

Особенности орнаментального стиля сосудов полностью отличны от *набильских* изделий, что свидетельствует о существовании двух принципиально отличных друг от друга традиций. В первую очередь это использование шнура в качестве инструмента для нанесения орнамента в сосудах *кашкалебагшского* типа. В отличие от них, в керамике *набильской* культуры преобладает гребенчатая орнаментация. Совершенно отсутствует сходство в узорах и орнаментальных композициях.

Вероятно, единственной чертой сходства является относительная скудность орнаментации. При этом декор керамики *кашкалебагшской* культуры даже более скуден, чем декор керамики *набильской*. Вероятно, это объясняется удаленностью данных комплексов от предполагаемых очагов этнокультурного развития: *кашкалебагшской* от южного – южно-сахалино-хоккайдского, *набильского* – от западного – приамуро-забайкальского).

Каменный инвентарь. В качестве основы для анализа каменного инвентаря *кашкалебагшской* культуры использованы материалы жилищ 3 и 6, как содержащих закрытые (замкнутые) комплексы.

Бифасы, представленные в коллекции, изготовлены из сургучного яшмоида, серого и серо-зеленого кремня, аргиллита, андезита, базальта, обсидиана (Рис. 104-6, 7, 8; 105). Данные изделия представлены листовидными, удлинено-листовидными и овально-асимметричными черешковыми формами. Несколько ножей оформлены на отщепах с унифасиальной подработкой рабочего края по дорсалу.

Скребки изготовлены на отщепах из яшмоидов сургучного цвета, а также серого и серо-зеленого кремня (Рис. 104-2-5). Они изготовлены на отщепах. Рабочий край большинства изделий данной группы оформлен крутой унифасиальной ретушью на дистальной стороне орудия. Характерной особенностью некоторых из скребков является наличие острого бокового шипа (Рис. 104-4).

Тесла и топоры оформлены на грубооббитых отдельностях из базальта, андезита, аргиллита. Лезвия орудий подшлифованы. Изделия представлены удлинено-прямоугольными и удлинено-подтрапециевидными формами, с прямым лезвием, подтрапециевидные в сечении (Рис. 103-1, 2, 4).

В качестве пестов и отбойников использованы удлинено-овальные галечные отдельности андезита, аргиллита, песчаника с затертым либо забитым рабочим краем. Терочники оформлены на галечных отдельностях из песчаника, с уплощенным в процессе использования рабочим краем.

Неясно функциональное назначение фрагментов стерженьков со сточенными подшлифованными гранями (Рис. 103-3, 5). Они изготовлены из базальта. В коллекции также присутствуют выемчатые орудия и большое количество отщепов с ретушью одной или нескольких кромок, а также отщепов с утилизационной ретушью.

В. А. Грищенко отмечает наличие признаков устойчивых неолитических традиций в коллекции каменного инвентаря *кашкалебагшской* культуры и

связей носителей *кашкалебагшской* культуры с носителями общности дземон южного Сахалина [Грищенко, 2015б, с. 130]. Поддерживаем и разделяем данную точку зрения, при этом отмечаем основные отличия каменного инвентаря *кашкалебагшской* культуры от каменных изделий *набильской*.

Каменные изделия *кашкалебагшской* культуры отличает многообразие форм и всестороннее использование каменного сырья как северного Сахалина, так и происходящего с юга острова Сахалин и с острова Хоккайдо. В каменном инвентаре *набильской* культуры представлена меньшая номенклатура орудий, изготовленных ретушированием, полностью отсутствуют изделия и дебитаж обсидианового сырья, при этом больше внимания уделено изготовлению шлифованных орудий. В большинстве комплексов *набильской* культуры ретушированный каменный инвентарь единичен.

Кроме того, между отдельными группами орудий *кашкалебагшской* и *набильской* культур прослеживаются различия в морфологии. В частности, в *набильской* культуре полностью отсутствуют тесла и топоры подтрапециевидного сечения, отсутствуют скребки с зубом-шипом, зато широко представлены бесчерешковые формы наконечников стрел и гарпунов.

Абсолютный возраст. Календарный возраст комплексов *кашкалебагшской* культуры относится к XII-IX вв. до н. э. (Таблица 16; Рис. 106).

Комплексы *кашкалебагшской* культуры обладают значительным сходством с комплексами *анивской* культуры, распространенной на Южном Сахалине, севере о. Хоккайдо и прилегающих мелких островах, что позволяет говорить если не об однокультурности, то об общности более широкого порядка, их объединяющей. Данная идея ранее высказывалась автором выделения *кашкалебагшской* культуры В. А. Грищенко и поддерживается всеми исследователями, исследовавшими данные материалы, в том числе автором выделения *анивской* культуры А. А. Василевским [Грищенко, 2015б; Можяев, 2016].

Учитывая сходный возраст *анивской* и *кашкалебагшской* культур, можно предполагать, что во второй половине II тыс. до н. э. носители традиций шнуровой керамики распространяют их на северный Сахалин. Рассуждая о причинах, следует отметить, что начало распространения данных традиций совпадает с периодом максимального похолодания во II тыс. до н. э. (Рис. 107) [Клименко, 2009, с. 26]. Таким образом, по-видимому, в холодную фазу позднего суббореала происходит распространение южных традиций финального неолита на весь о. Сахалин (Рис. 92).

С учетом приведенной информации можно предположить следующую модель взаимодействия *кашкалебагшской* и *набильской* культур. Абсолютные даты указывают на хронологическую последовательность культур. Некоторое наложение их хронологии в начале I тыс. до н. э. по-видимому обусловлено погрешностями, возникающими при калибровке, при этом даже некоторое наложение не противоречит общей тенденции. В исследованных комплексах отсутствуют общие черты либо признаки сходства. Таким образом, вследствие отсутствия аккультурации возможно предположить, что в начале I тыс. до н. э. происходит вытеснение *кашкалебагшской* культуры *набильской*.

При этом если носители *кашкалебагшской* культуры осуществляли хозяйственную деятельность на побережьях лагун (Рис. 9-12), осваивая их ресурсы, население, оставившее *набильскую* культуру, по-видимому начинает занимать прибрежные территории позднее – на рубеже суббореального и субатлантического периодов голоцена, а комплексное использование ресурсов лагун северо-восточного Сахалина вероятно начинается только в раннем субатлантике.

3.2. Соотнесение и определение взаимодействий археологических комплексов северного Сахалина эпохи палеометалла (*пильтунская* культура, *какорминская* группа керамики) с *набильской* культурой

Пильтунская культура

Большинство памятников *пильтунской* культуры расположено на северном Сахалине (Рис. 108) [Василевский и др., 2008, с. 74]. Это преимущественно поселенческие комплексы, однако присутствует также объект ритуального характера – предположительно погребение [История Сибири, 2019, с. 159].

Рассмотрение комплексов *пильтунской* культуры, что важно в силу двух обстоятельств. Во-первых, до настоящего времени комплексы *пильтунской* культуры описывались в обобщенном виде, что затрудняет их интерпретацию и не позволяет провести разграничение с комплексами *набильской* культуры, часто смежными с ними даже в рамках одних и тех же памятников [Василевский и др., 2008, с. 74; Высоков и др., 2008, с. 178; Василевский, Грищенко, 2012, с. 37; История Сибири, 2019, с. 159]. Во-вторых, существование *пильтунской* культуры как самостоятельной подвергалось сомнению, что подробно описано в главе 1 настоящей работы [Дерюгин, 2010, с. 251]. Исходя из указанных соображений, описываемые комплексы *пильтунской* культуры предполагается сравнить с близкими по региону и эпохе комплексами *набильской*.

Жилища пильтунской культуры. Поселения *пильтунской* культуры – Чайво 1, Чайво 6, Лебединый 1 включают как набильские, так и пильтунские слои и объекты. Поселение Кашкалебагш 2 расположено на 4-5-метровом уровне террасовидной поверхности побережья залива Пильтун. Исследованная группа жилищ располагалась в 0,11 км от берега залива Пильтун, на субгоризонтальной поверхности аккумулятивно-абразионной террасы залива Пильтун. Поселение Мыс Островной, пункт 1 располагалось на 5-метровом уровне в центральной части бара, отделяющего эстуарно-лагунный залив Пильтун от Охотского моря. В окружающем рельефе сочетаются дюнные всхолмления, понижения между ними и яреи (котловины выдувания). Исследованный археологическими раскопами пункт 1 памятника расположен в 0,34 км юго-западнее побережья Охотского моря, в 0,44 км северо-восточнее берега залива Пильтун.

На поселении Чайво 6 исследованы остатки трех полуподземных жилищ. Основой жилища 1 является котлован подквадратной формы, размером 8×8 м, углубленный в почву на глубину 0,3-0,5 м (Рис. 109). Заполнение сформировано мешаными супесями желто-коричневого цвета с включениями углей. Стенки относительно ровные. Жилище ориентировано по сторонам света.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки каркаса. Здесь же располагались стены дома, ограничивавшие его квадратное внутреннее жилое пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы, служившие опорой осевой обвязки кровли и подпоры, укреплявшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. В центральной части жилища, с небольшим смещением в северном направлении, на возвышении располагался очаг. Наличие углистой окантовки с двух сторон указывает на наличие рамы, возможно частично сгоревшей в ходе его эксплуатации.

Таким образом, жилище 1 представляло собой квадратную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны дома ориентированы по сторонам света. Площадь пола составляет 42 м². Выход не прослеживается.

Основой жилища 2 является подквадратной формы котлован, размерами 7х7 м, углубленный в землю на глубину 0,4 м (Рис. 110). Его заполнение аналогично жилищу 1. Стенки относительно ровные. Жилище ориентировано по сторонам света.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки стропил. Здесь же располагались стены дома, ограничивавшие его внутреннее жилое пространство. В плане эти ямы формируют квадратное внутреннее жилое пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы и столбы, подпиравшие наклонные лаги пирамидальной кровли. В

центре жилища, на возвышении располагался очаг. Очажное пятно овальной формы.

Таким образом, жилище 2 представляло собой квадратную в плане каркасно-столбовую конструкцию – полуземлянку, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны дома ориентированы по сторонам света. Площадь составляет 30 м². Выход не прослеживается.

Основой жилища 3 является котлован подпрямоугольной формы, размером 10×9 м, углубленный в землю на глубину 0,4-0,5 м (Рис. 111). В заполнении отмечены углистые следы конструкций каркаса. Стенки котлована имеют врезанные ниши. В основание котлована впущены столбовые ямы. Серия ям по периметру котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки. В плане эти ямы формируют прямоугольник. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы, служившие опорой центральной обвязки кровли и столбы, подпиравшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. В центральной части жилища, со смещением к юго-западу, на возвышении располагался очаг. Очажное пятно овальной формы.

Таким образом жилище 3 представляло собой прямоугольную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны дома несколько смещены относительно сторон света. Площадь составляет 48 м². Выход не прослеживается.

На поселении Чайво 1 исследованы остатки двух полуподземных жилищ, относящихся к *пильтунской* культуре (Рис. 112). Основой жилища 188 является котлован подквадратной формы, размером 7х7 м, углубленный в почву на глубину 0,4 м. Заполнение сформировано мешаными супесями желто-коричневого цвета с включениями углей. Стенки относительно ровные. Жилище ориентировано углами по сторонам света.

В основание котлована жилища впущено значительное количество ям. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки стропил. В плане эти ямы формируют квадратное внутреннее жилое

пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы, служившие опорой центральной обвязки кровли и столбы, подпиравшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. В центральной части жилища, с небольшим смещением в юго-восточном направлении, на возвышении располагался очаг. Очажное пятно округлой формы.

Таким образом жилище 188 представляло собой квадратную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую кровлю пирамидальной формы. Углы дома ориентированы по сторонам света. Площадь составляет 49 м². Выход не прослеживается.

Жилище 189 имеет очевидные признаки сходства с описанным. Несколько отличны его размеры. Котлован жилища 189 имеет размеры 6×6 м. Он углублен в почву на глубину 0,4 м.

Таким образом, жилище 189 представляло собой квадратную в плане каркасно-столбовую конструкцию, имевшую кровлю пирамидальной формы. Углы дома ориентированы по сторонам света. Площадь составляет 36 м². Выход не прослеживается.

На поселении Кашкалебагш 2 реконструируются остатки одного жилища *пильтунской* культуры – № 35. Основой жилища 35 является подпрямоугольной формы котлован, размерами 7х7 м, углубленный в почву на глубину 0,3-0,4 м (Рис. 113). Заполнение сформировано мешаными супесями горчичного цвета с углистыми подмазками. Жилище устроено на склоне, что вызвало оползание стен. По наблюдениям автора раскопок, жилище врезано в котлован более раннего и меньшего по размеру жилища. Вероятно, с этим объектом связаны ямы в юго-восточной части котлована.

В основание котлована жилища впущены ямы. Ямы вдоль периметра котлована указывают на наличие внешнего яруса обвязки стропил. Здесь же располагались стены дома, ограничивавшие его внутреннее жилое пространство. В плане эти ямы формируют квадратное внутреннее жилое пространство. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные

столбы, служившие опорой центральной обвязки кровли и столбы, подпиравшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. В центральной части жилища на уровне пола располагался очаг. Очаг имел подквадратную форму, вероятно он сооружен внутри специальной конструкции – короба.

Таким образом, жилище 35 представляло собой прямоугольную в плане полуземлянку каркасно-столбовой конструкции, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны жилища несколько смещены относительно сторон света. Площадь жилой части дома составляет 30 м². Выход не прослеживается.

На поселении Лебединый 1 исследованы остатки одного полуподземного жилища *пильтунской* культуры. Основой жилища 48 является подквадратной формы котлован, размерами 7,5x7,5 м, углубленный в почву на глубину 0,5-0,7 м (Рис. 114). Заполнение сформировано мешаными супесями серо-коричневого цвета с углистыми подмазками. Стенки относительно ровные. Жилище ориентировано по сторонам света.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Внутренний периметр котлована прослеживается по контуру желто-коричневого пятна в центральной части котлована. Оно маркирует внутреннее жилое пространство дома. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы, служившие опорой центральной обвязки кровли и столбы, подпиравшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. Несколько ям в самом центре котлована, вокруг очага, остались от столбов еще одного яруса обвязки, в который упирались верхние концы стропильной конструкции кровли. В центральной части жилища, на возвышении располагался очаг. Пятно очага подквадратной формы.

Таким образом, жилище 48 представляло собой квадратную в плане каркасно-столбовую конструкцию – полуземлянку, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны дома ориентированы по сторонам света. Площадь составляет 25 м². Выход не прослеживается.

На поселении Мыс Островной, пункт 1 реконструируются остатки одного жилища *пильтунской* культуры – № 1. Основой жилища 1 является подпрямоугольной формы котлован, размером 7,5х7,5 м, углубленный в почву на глубину 0,7-0,9 м (Рис. 115). Заполнение сформировано песком серого цвета с угольками. Стенки котлована ровные. Котлован ориентирован по сторонам света.

В основание котлована жилища впущены столбовые ямы. Внутренний периметр котлована прослеживается по контуру серо-коричневого пятна в центральной части котлована. Оно маркирует внутреннее жилое пространство дома. Ямы в центральной части котлована указывают на центральные столбы, служившие опорой центральной обвязки кровли и столбы, подпиравшие наклонные лаги, формировавшие ребра пирамидальной кровли. Несколько ям в самом центре котлована, вокруг очага, остались от столбов еще одного яруса обвязки, в который упирались верхние концы стропильной конструкции кровли. В центральной части жилища, на возвышении располагался очаг. Он округлой формы.

Жилище 1 представляло собой квадратную в плане полуземлянку каркасно-столбовой конструкции, имевшую кровлю пирамидальной формы. Стороны дома ориентированы по сторонам света. Площадь жилой части дома составляет 36 м². Выход не прослеживается.

Таким образом, жилища *пильтунской* культуры обладают следующими общими признаками (Таблица 17):

- все жилища имеют четырехугольную – подквадратную либо подпрямоугольную форму;
- все они каркасно-столбовой конструкции;
- все имели пирамидальную кровлю;
- все однокамерные без вспомогательных помещений;
- все жилища имели открытый очаг, иногда ограниченный коробом либо плахами;
- очаг располагался на уровне пола или на возвышении;

- все жилища углублены в землю, глубиной котлована 0,3-0,9 м, то есть относятся к полуподземному типу;
- вход через проем в стене или коридор не прослеживается;
- хозяйственные ямы расположены за пределами жилищ в межжилищном пространстве.

Увеличение глубины котлованов, отмеченное в жилищах поселений Лебединый 1 и Мыс Островной, пункт 1, объясняется, по-видимому, стремлением их строителей снизить теплопотери в суровых условиях морской косы. Возможно, этим же и небольшим количеством членов семьи объясняется небольшой размер домов.

По размерам выделяются: средние, площадью 25-36 м²; и большие жилища, площадью 42-49 м².

Общим для жилищ *набильской* и *пильтунской* культур является наличие каркасно-столбовой конструкции, углубленной в котлован, использование очага открытого типа, расположенного на возвышении либо на уровне пола и иногда ограничиваемого коробом или плахами. При этом в отличие от жилищ *набильской* культуры жилища *пильтунской* отличаются большим единообразием. Это, на наш взгляд, объясняется различиями в технологии возведения жилищ обеих культур. Технология постройки жилищ носителями *набильской* культуры позволяла возводить как пирамидальные, так и многоугольные постройки, тогда как технология возведения жилищ *пильтунской* культуры предполагала возведение только пирамидальных конструкций с четырехскатной кровлей. В основе последней лежит квадратный или прямоугольный центральный ярус обвязки.

Подобный тип жилищ имеет известные аналогии в регионе. В частности, большинство жилищ *урильской* культуры (или по другим данным *какорминского* типа) середины I тыс. до н. э. поселения Максим Горький в Восточном Приамурье имели вид пирамиды с четырехскатной кровлей [Нестеров и др., 2000, с. 103; Яншина, 2013, с. 318; Нестеров, 2018, с. 59-60].

Керамика. Технологические особенности керамики *пильтунской* археологической культуры обладают сходством на всем протяжении существования культуры. В основе формовочной массы лежит глинистое сырье с минеральной отощающей добавкой. Количество глинистых компонентов в керамике по результатам рентгеноструктурного анализа невелико и составляет около 10% (Рис. 116). Судя по наличию мелкозернистой окатанной фракции, присутствующей в составе керамического теста, в качестве источника глинистого сырья выступали суглинки осадочного генезиса.

Минеральный отощитель характеризуется неоднородной гранулометрической сортировкой. Размеры зерен 0,05-1,5 мм, преобладает мелкозернистая фракция размером 0,15-0,3 мм. Редко встречаются отдельные обломки размерами до 2,5-3 мм. Редко встречаются отдельные обломки размерами до 2,5 - 3 мм. Отдельные фрагменты содержат шамот (Таблица 18; Рис. 117-118).

Керамика, как правило, имеет окрас от серого до темно-серого, при этом встречаются участки с оранжево-розовым оттенком. Вероятно, это объясняется восстановительным режимом обжига изделий. Также часто встречаются следы утилизации изделий: нагары и пригары. При использовании метода повторного нагрева изменение цвета образцов отмечено при 550°C (Рис. 119). Эта информация позволяет предполагать ямный способ обжига. Керамика качественная, структура черепка плотная. Цвет поверхности и излома черепка, как правило, равномерный, полоса недожога отмечается крайне редко.

Керамика изготовлена ленточно-кольцевым способом (Рис. 124). Сосуды изготавливались по емкостной программе. Нарращивание тулова производилось неширокими (3-4 см) лентами, внахлест, с последующим вертикальным распределением излишков формовочной массы. Судя по фиксируемому на некоторых изделиях пересохшему спаю, часть сосудов изготавливалась из двух частей – верхней и нижней с последующим их

соединением. Формообразование шаровидной нижней части тулова производилось с использованием гладкой колотушки. Выбивка диагностируется ямками и неровностями внутренней стенки, а также более тонкой стенкой в нижней части изделия. Здесь реже диагностируются спаи, по-видимому, вследствие дополнительного механического воздействия на стенки изделия.

Стенки изделий тщательно обработаны твердым орудием – костяным, деревянным или каменным лощиком, на что указывают субпараллельные ряды царапинок и бороздок на поверхности изделий. Их течение не имеет строгой ориентации и обусловлено наклоном обрабатываемого участка поверхности. Обработке подверглись как внешняя, так и внутренняя стенки, внешняя обработана тщательнее.

Морфология изделий. Все сосуды *пильтунской* культуры имеют округлое дно, что является отличительным признаком керамики данного типа (Рис. 120-123). По форме верхней части изделия относятся к двум морфологическим типам. К первому типу относятся профилированные изделия с выраженными плечиками и шейкой (Рис. 120, 121, 122-2, 3, 4, 123), ко второму – с плечиками, но без шейки (Рис. 122-1, 5). По высотному показателю изделия относятся к средневысотным и маловысотным.

В жилищах 188 и 189 поселения Чайво 1 отмечены только сосуды (4 экз.) с выраженными плечиком и шейкой, средней высоты (Рис. 120). Изделия имеют малую либо среднюю высоту горловины, широкое и очень широкое горло. Профиль шейки выражен. Плечико средневысокое, высокое и очень высокое, слабо либо очень слабо выпуклое. Тулово имеет малую и среднюю высоту.

Сосуды *пильтунского* типа поселения Кашкалебагш 2 (3 экз.) маловысотные и средневысотные (Рис. 121). Они имеют малую и среднюю высоту горловины, широкое горло. Профиль шейки выражен в различной степени: от слабо до хорошо выраженного. Плечико средней высоты либо высокое, слабо выпуклое. Тулово невысокое или средней высоты.

Сосуды из жилища 48 поселения Лебединый 1 относятся к изделиям с выраженными плечиками и шейкой (3 шт.) и с плечиками, но без шейки (2 шт.) (Рис. 123). Первые относятся к изделиям малой либо средней высоты. Горловина мало- либо средневысотная. Горловина широкая и очень широкая. Шейка имеет выраженный профиль. Плечико средней высоты либо высокое, слабо выпуклое. Тулово невысокое. Изделия без шейки малой и средней высоты. Горловина широкая. Плечико очень высокое, слабо или очень слабо выпуклое. Тулово малой и средней высоты.

К профилированным изделиям относится сосуд из *пильтунского* комплекса объекта 51 поселения Лебединый 1 (Рис. 123-1). Сосуд средней высоты, с широким невысоким горлом, профилированной шейкой. Тулово средней высоты; плечико высокое слабо выпуклое.

Также к изделиям первого морфологического типа принадлежит сосуд, обнаруженный в жилище *пильтунской* археологической культуры поселения Мыс Островной, пункт 1 (Рис. 123-2). Он относится к изделиям малой высоты, с широким невысоким горлом; слабопрофилированной шейкой. Тулово малой высоты; плечико высокое слабо выпуклое.

Венчики сосудов *пильтунского* типа, как правило, имеют овальную (симметричную и внешне симметричную) кромку (Таблица 19; Рис. 125-128). Кромка венчика часто связана с утолщением-бордюром, расположенным под ним. Данный элемент имел декоративный характер. Он образован из излишка формовочной массы, возникавшей при ее распределении в области спая. Несколько отличную форму имеют сосуды без шейки поселения Лебединый 1. Их форма, сходная с венчиками *набильской* керамики, имеет грибовидную внутренне асимметричную форму (Рис. 128-2).

Таким образом, морфологический облик изделий *пильтунской* культуры определяют сосуды с широким невысоким горлом, профилированной шейкой, высоким слабо выпуклым плечиком, невысоким туловом (Таблица 19). Изделия без шейки с очень высоким, слабо и очень слабо выпуклым туловом обнаружены только в комплексе одного из жилищ *пильтунской* культуры. Их

морфология напоминает изделия *набильской* археологической культуры, но при этом они сохраняют характерное для *пильтунской* керамики округлое дно. Наряду с морфологическим сходством, с керамикой *набильской* культуры рассматриваемые сосуды сближает формы венчиков и некоторые особенности орнаментации. Подобное смешение признаков является отражением смешения *набильской* и *пильтунской* керамических традиций.

Все археологически целые сосуды *пильтунской* культуры орнаментированы. Орнамент присутствует на подавляющем большинстве фрагментов венчиков и частей горловин керамических изделий (Рис. 125-126). Это позволяет предполагать полную орнаментированность керамической посуды *пильтунской* культуры. Декор наносился в проксимальной части сосуда на кромку венчика, зону венчика и горловину, всегда выше зоны транзита. Орнамент никогда не переходил на придонную часть тулова.

Керамические изделия поселения Кашкалебагш 2 декорированы на $1/3$ высоты тулова, поселения Лебединый 1 – на $1/3$, редко чуть более, сосуды жилища 189 поселения Чайво 1 - около $1/2$, остальные сосуды этого же поселения - на $1/4-1/3$.

Декор представлен как позитивными (налепы), так и негативными (оттиски, вдавления) формами. Позитивные формы декора представлены горизонтальными бордюрами, являющимися либо частью кромки венчика, либо оформленными под ним (Рис. 125-126). Иногда бордюров могло быть два: непосредственно под венчиком и на шейке изделия (Рис. 125-4-5). Широко распространен прием насекания кромки венчика либо штамповки по его плоскости. Встречается резной орнамент, например, в виде насечек по кромке бордюра и прочерченный орнамент (Рис. 126-3, 6). Наиболее распространен тисненый орнамент. Тиснение выполнялось стеком, орнаментиром с овальным краем, но чаще всего гребенчатым орнаментиром. Вариантом последнего является двухрядный гребенчатый орнаментир, оставляющий узоры «гусеничного» вида (Рис. 127-1; 128-2).

Формы гребенчатых орнаментов достаточно разнообразны. Часто встречаются оттиски, оставленные многозубыми инструментами (до 15 зубцов). Форма зубьев, как правило, подчетырехугольная с подквадратным либо ромбовидным зубом. Встречаются также округлые оттиски (Рис. 120-1, 3; 125-3). Наличие подобных оттисков отмечено на керамике поселения Кашкалебагш 2. Оттиски аналогичной формы присутствуют на керамике из бассейна реки Алдан в Якутии, в частности Дюктайской пещеры, в слое, содержащем материалы, относящиеся к эпохе Раннего железного века [Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы, 1983, с. 283].

Декор выполнялся различными техниками, среди которых преобладает штамповая. Существенно реже орнамент наносился с использованием прочерченной и насечной техник. Очень редко встречается орнамент, выполненный отступающе-накольчатой техникой. Вероятно, эта техника является заимствованной. Например, в ней выполнен орнамент одного из сосудов из жилища 48, имеющего иные черты сходства с керамикой *набильской* археологической культуры (Рис. 122-5).

Преобладающим элементом орнамента являются диагональные короткие линии, выполненные гребенчатым штампом, орнаментом с овальным ложем, насечками или резными линиями. Декор керамики *пильтунской* культуры более разнообразен, чем декор керамики *кашкалебагшской* и *набильской* культур. Простые, составленные из одного орнаментального элемента, узоры на сосудах *пильтунской* культуры редки, большинство узоров составлено из нескольких элементов. Довольно много узоров составлено из четырёх различных орнаментальных элементов. Узоры исследуемой керамики образуют линейно-геометрические композиции. Часто встречается сочетание диагональных коротких оттисков, образующих узоры типа «елочки», а также сочетания различных элементов (насечек, тиснения) с бордюром (Рис. 120-1-3; 121-2, 3).

Подводя итог рассмотрению керамики *пильтунской* археологической культуры, следует отметить ее уникальность относительно иных керамических типов северного Сахалина. Технологические отличия проявляются в восстановительном режиме обжига изделий и продолжительности обжига. Это способствовало формированию плотного черепка с однородной структурой. Восстановительная среда, по-видимому, достигалась посредством обжига в костровой яме. В *набильской* культуре восстановительный режим обжига керамики отмечен только на позднем ее этапе. Не исключено, что на развитие представлений гончаров *набильской* культуры повлияли их контакты с гончарами *пильтунской* археологической культуры.

Морфологические отличия *пильтунских* сосудов обусловлены их круглодонностью, наличием профилированной шейки, невысоким туловом, преобладанием венчиков с овальной кромкой. Особенности декора проявляются в большей орнаментированности изделий, большем разнообразии орнаментальных узоров и способах орнаментации. Специфическими для *пильтунской* культуры элементами выступает наличие валика-бордюра, в виде утолщения кромки венчика или на горловине изделия. Этот прием часто использовался в сочетании с другими орнаментальными элементами, в частности узора типа «елочки», образованного разнонаклонными рядами диагональных коротких отрисков. Указанные элементы и формы декора находят аналогии в материалах памятников бассейна реки Лена и ее восточных притоков (Рис. 108).

Появление *пильтунской* культуры на северном Сахалине в VIII-V вв. до н. э. кардинально отличается от предшествующего события. Носители *пильтунских* традиций вселяются не на «пустую» территорию, а в ареал, уже занятый иным в культурном отношении набильским населением. Характер смешения культурных признаков позволяет квалифицировать этот процесс как инфильтрацию. Аргументами в пользу этого являются:

1. На среднем и позднем этапах *набильской* культуры появляются синкретические черты, в том числе налестной бордюры и техника насекания. В *пильтунских* комплексах, в свою очередь, фиксируются черты, сближающие их с *набильской* керамикой: отступающе-накольчатая техника, грибовидные венчики на сосудах без шейки (Лебединый 1). Это указывает на активные межкультурные контакты и взаимовлияние, а не на изоляцию пришельцев.

2. Распространение в керамике позднего этапа *набильской* культуры восстановительного обжига (отдел Б), характерного для *пильтунской* традиции, что является свидетельством влияния пришлого населения на местное гончарство.

Еще один элемент сходства – использование мастики черного цвета для ремонта трещин, возникших в процессе утилизации изделий. В отчетных и литературных материалах присутствуют различные точки зрения на источник данного вещества. В. А. Голубев считал его клеем, приготовленным из рыбы, О. А. Шубина, В. А. Дерюгин – производным природных битумов, А. А. Василевский и В. А. Грищенко – клеем на основе смолы с примесями рыбьего клея или лососевой икры, В. М. Дьяконов – березовой смолы (варом). [Голубев, 1979, с. 28; Шубина, 1992, с. 126; Дерюгин, 2010, с. 247; Василевский, Грищенко, 2012, с. 37; Дьяконов, 2012, с. 110; Дерюгин и др., 2018, с. 39].

Однако помимо определения источника мастики, важно выявить истоки распространения традиции её применения. Подобная технология починки сосудов была широко распространена в бассейне реки Лена уже во II тыс. до н. э. [Дьяконов, 2012, с. 110]. В керамических комплексах южного Сахалина использование этой техники не отмечается ни на керамике I тыс. до н. э., ни в более поздних комплексах. Это позволяет локализовать ареал ее распространения бассейном Лены и северным Сахалином.

На северном Сахалине ремонт трещин сосудов черной мастикой отмечен в *кашкалебагшской* культуре, комплексы которой относятся к XII-IX вв. до н. э. В более ранних неолитических комплексах северного Сахалина,

использование подобной техники для починки сосудов не отмечается. Таким образом, описываемая техника, распространившаяся в бассейне реки Лена не позднее II тыс. до н. э., на рубеже II-I тыс. до н. э., начинает использоваться населением северного Сахалина. Исходя из этого, можно предполагать трансляцию данной традиции из бассейна р. Лена на северный Сахалин в конце II тыс. до н. э.

Каменный инвентарь пильтунской культуры довольно немногочислен и представлен изделиями, изготовленными в техниках шлифовки (Рис. 129), оббивки (Рис. 130-1) и ретуширования (Рис. 130-2-7). Комплекс каменных изделий жилища 48 поселения Лебединый 1 насчитывает 42 орудия: 20 из них изготовлены шлифовкой, 20 – ретушью, остальные оббиты либо имеют следы естественного износа.

Среди орудий наиболее представительна коллекция рубящих орудий (Рис. 129-5). Они изготовлены на галечных отдельностях вулканических (андезит, базальт, дацит) (5 шт.) и осадочных (аргиллит (6 шт.), глинистый сланец (7 шт.) горных пород. Орудия обработаны методом оббивки и шлифовки поверхностей. Особое внимание уделялось шлифовке рабочей кромки.

Рубящие орудия имели подтрапцевидную либо подпрямоугольную форму. Лезвия ассиметричны в профиль. В зависимости от формы лезвия – прямого (10 экз.) или скошенного (5 экз.) - орудия определяются как тесла или топоры соответственно. Среди первых выделяется массивное тесло подпрямоугольной формы из аргиллита. Большая часть орудий данной группы имела средние размеры, подтрапцевидную форму, остальные – небольшие размеры.

Все изделия имеют следы сработанности рабочего края, что позволяет предполагать их активное использование жителями дома. На это же указывает наличие фрагментов орудий данной группы.

Скребки концевые на пластинчатых отщепах, изготовлены из серого кремня. Рабочий край оформлен крутой либо отвесной ретушью в дистальной

части. Помимо дистальной части крутой ретушью оформлены латерали отщепов, на которых изготовлены орудия.

Выемчатые орудия типа стругов оформлены на отщепах сургучной яшмы и зеленовато-серого кремня. Выемка оформлена крутой грубой ретушью. Небольшой бифас удлинённо-листовидной формы оформлен уплощающей ретушью на отщепе из сургучного яшмоида (Рис. 130-2). Серия из трех скребловидных орудий оформлена на отдельностях вулканических пород (базальт, андезит). Их форма удлинённо-подпрямоугольная либо удлинённо-аморфная, на одной или двух длинных противоположащих сторонах грубой оббивкой оформлен рабочий край.

Орудия на отщепах (9 шт.) имеют мелкую приостряющую либо крутую ретушью по одной, либо по нескольким граням. Аморфная андезитовая отдельность с затертыми углами определена как пест-терочник.

Каменный инвентарь жилища 1 пункта 1 поселения Мыс Островной содержит столь же невыразительную коллекцию каменного инвентаря, как и жилище 48 поселения Лебединый 1. В комплексе данного жилища найдены четыре не завершённых тесла. Рубящие орудия имели подтрапециевидную форму; ассиметричный в профиль рабочий край. Все орудия выполнены на галечных отдельностях из аргиллита, базальта и кремнистой породы, оформлены очень грубой оббивкой вдоль периметра и подшлифовкой поверхностей. При этом каждое из орудий оставляет впечатление незавершённости: ни у одного из них шлифовкой не оформлен рабочий край. Вероятно, эти артефакты являются заготовками тесел.

Четыре скребловидных орудия сделаны на отдельностях из базальта и кремнистой породы. Их форма удлинённо-подпрямоугольная либо удлинённо-аморфная, на двух длинных противоположащих сторонах грубой оббивкой оформлен рабочий край (Рис. 130-1).

Два концевых скребка на удлинённых отщепах, изготовлены из серого кремня и яшмоида (Рис. 118-4). Рабочий край оформлен крутой или отвесной ретушью в дистальной части. Два ножа на оформлены на латералиях отщепов

из серо-зеленого кремня. Орудия имеют удлинённо-четырёхугольную форму. Рабочий край выпуклый, оформлен унифасиальной приостряющей ретушью по дорсалу.

Два мелких наконечника стрел или гарпунов выполнены на отщепе серо-зеленого кремня. Один из них удлинённо-треугольной формы с выемчатой базой, возможно являлся наконечником стрелы, другой – треугольной формы с широкой прямой базой, возможно был наконечником гарпунной головки. Ещё одно мелкое вытянутое орудие имело приостренный кончик, крутую ретушь боковых граней. Оно интерпретируется как дрель или провертка (Рис. 130-7). Орудие на отщепе серо-зеленого кремня имеет ретушь по двум противоположающим латералиям. Ретушь бессистемная, возникла, по-видимому, в процессе использования отщепа в качестве рабочего лезвия. Пест-терочник на длинной уплощенной базальтовой отдельности имеет затёртый рабочий край и заполировку боковой грани.

Отмечаем немногочисленность каменного инвентаря *пильтунской* археологической культуры. Формы тесел, скребков, наконечников не имеют отличий от аналогичных изделий *набильской* культуры. Отличительной особенностью первой является широкое использование сланцевого шифера для изготовления тесел. Подобное сырьё для изготовления тесел не встречено ни в одном из памятников *набильской* культуры. Ещё одной особенностью является малое количество орудий на отщепах, что обусловлено общей немногочисленностью дебитаж в *пильтунских* комплексах. Это позволяет предполагать импортный характер каменных ретушированных изделий в них.

Абсолютный возраст. По совокупности радиоуглеродных определений календарный возраст комплексов *пильтунской* археологической культуры относится к середине VIII в. до н. э. – I в. н. э. (Таблица 20; Рис. 131).

Появление на северном Сахалине *пильтунской* совпадают с началом фазы похолодания на рубеже суббореала и субатлантика [Клименко, 2009, с. 26] (Рис. 132). Это климатическое событие не только создавало предпосылки для миграции населения из внутриконтинентальных районов материка, но и

определяло наиболее вероятные пути перемещения. В современных условиях акватория Сахалинского залива и прилегающие участки Охотского моря в зимний период покрываются сплошным и прочным льдом (Рис. 133). В условиях более сурового климата рубежа эр этот ледовый покров вероятно был ещё стабильнее и существовал дольше, что превращало зимний морской лёд в устойчивую транспортную магистраль. В летний же период, напротив, противотечение из Амурского лимана (Рис. 134) создавало бы препятствия для контролируемого перемещения водным путём.

Таким образом, наиболее вероятным маршрутом проникновения групп населения, оставившего *пильтунскую* культуру на о. Сахалин является зимняя миграция по льду из материковых районов через Сахалинский залив, что согласуется с данными о направленности культурных связей и палеоклиматическими реконструкциями (Рис. 135).

Характер взаимодействия *набильской* и *пильтунской* культур, по-видимому, определялся двумя обстоятельствами. Предполагаем, что на рубеже суббореала / субатлантика (между VIII и V вв. до н. э.) появление мигрантов наряду с похолоданием климата повлияло на миграцию части носителей *набильской* культуры в южные районы о. Сахалин (Рис. 91). В дальнейшем на северном Сахалине происходит смешение культур, что отражается в керамике как *набильской* (памятники, относящиеся к её позднему этапу), так и *пильтунской* (жилище 48 поселения Лебединый 1, Мыс Островной, пункт 1) культур.

Какорминская керамическая традиция

Керамика *какорминской* группы в составе комплекса одного из объектов (жилища 1) *кашкалебагшской* культуры, исследованных на поселении Кашкалебагш 5, определена В. А. Дерюгиным [Дерюгин, 2020, С. 80]. Вопрос о культурной принадлежности носителей этой керамики остаётся дискуссионным: одни исследователи сближают её с *урильской* традицией [Дерюгин, 2020], другие рассматривают как синкретичное явление в рамках *урило-польцевского* круга [Яншина, 2013].

Жилище. При рассмотрении плана основания жилища 1 в нем отмечено большое количество столбовых ям, что отличает его от двух других жилищ *кашкалебагшской* культуры. Группа столбовых ям, расположенных вдоль периметра котлована, маркирует внешний ярус обвязки кровли жилища *кашкалебагшской* культуры. Внутренний ярус обвязки этого жилища, судя по всему, опирался на столбы располагавшихся в центральной части котлована. Подобная описанной конфигурация столбовых ям отмечается в жилищах 3 и 6, исследованных в рамках раскопа на поселении Кашкалебагш 5. Вместе с тем в жилище присутствует группа столбовых ям, не вписывающихся в данную конфигурацию. Они образуют замкнутый в плане прямоугольник правильной формы. Предполагаем их предназначение в качестве опоры стропильной системы более позднего жилища, сооруженного внутри котлована жилища *кашкалебагшской* культуры.

В пользу версии о наличии впущенного в котлован жилища *кашкалебагшской* культуры жилища, связанного с носителями *какорминской* керамической традиции, свидетельствует также распределение находок керамики *какорминской* группы внутри периметра, образуемого описываемыми столбовыми ямами (Рис. 137). Внутри данного периметра располагается также углистое заполнение очага, из которого получена дата, противоречащая *кашкалебагшскому* комплексу и, по-видимому, связанная с керамикой *какорминской* группы – 2340±45 л. н. (СОАН-7528).

Судя по конфигурации столбовых ям, это более позднее жилище имело прямоугольную форму, размеры 4,4х3,9 м. Отметим наличие аналогий в планах жилищ *урильской* культуры Нижнего Приамурья, также часто имеющих прямоугольную форму [Нестеров, 2018, с. 58], что позволяет предполагать культурные связи носителей *какорминской* традиции с населением, оставившим памятники *урильской* культуры.

Керамика. Внутри обозначенного столбовыми ямами, предполагаемого жилища середины I тыс. до н. э. отмечено наличие керамики, по декоративным

особенностям определенной В. А. Дерюгиным как керамика *какорминской* группы [Дерюгин, 2020, с. 80].

В основе формовочной массы этой керамики лежит глинистое сырье с примесью алевро-песчаного материала и обломками шамота (Таблица 21; Рис. 138; 139-3). Минеральный отощитель характеризуется преимущественно мелкозернистой песчаной и алевритовой фракциями с преобладанием эпидота и кварца. Размеры зерен 0,01-0,6 мм. Редко встречаются фрагменты крупнопесчаной фракции размерами до 2 мм.

Шамот занимает 15-20% ее объема. Обломки шамота достигают размеров 10 мм. Шамот состоит из глинистого вещества с минеральным отощителем кварца с зернами эпидота. Значимую долю керамического теста занимают плагиоклаз и рудные минералы. Керамика имеет кирпичный окрас.

Обнаруженные фрагменты керамического сосуда содержат следы его изготовления ленточно-кольцевым способом, с креплением лент внахлест. Ширина лент около 4 см. В процессе формовки поверхность сосуда выбивалась фигурной колотушкой, оставившей на его поверхности ромбовидные отпечатки (ложнотекстильный технический декор). После изготовления тулова, выбивки стенки и механической обработки поверхностей сосуда, выполнено ангобирование. Остатки ангоба отмечены как на внешней, так и на внутренней стороне керамики.

Восстановить целостную форму сосуда невозможно. Отсутствует придонная часть изделия. Сохранившиеся фрагменты верхней части указывают, что изделие имело воронковидный профиль верхней части, с овальной кромкой (Рис. 139-1-2). По аналогии с керамикой *урильской* культуры Приамурья предполагаем, что изделие имело вытянутую, расширяющуюся кверху форму, приземистое тулово, узкое дно. Сосуды *урильской* культуры сходной формы выделены А. П. Деревянко в тип IV [Деревянко, 1973, с. 193, 335].

Орнамент нанесен на плечико изделия ниже изгиба шейки. Декор выполнен четырехзубым гребенчатым орнаментом в отступающе-

накольчатой и прочерченной техниках. Размеры зуба орнамента небольшие, около 2 мм. Узор составлен из двух последовательных рядов четырехзубых гребенчатых оттисков, выполненных в отступающе-накольчатой технике, друг под другом, ниже нанесен узор в виде волны, еще ниже следует ряд из четырех гребенчатых оттисков, выполненных в отступающе-накольчатой технике, ряд прямолинейно-прочерченного орнамента служит основанием орнаментального узора (Рис. 139-1-2). Отметим, что различные элементы орнамента выполнены одним инструментом, что характерно для керамики данного типа [Яншина, 2013, с. 322].

Следует отметить, что минеральный состав керамики *какорминской* группы принципиально отличается от состава керамики северного Сахалина I тыс. до н. э. Полагаем, что она имела привозное для данной территории происхождение. Этот вывод подтверждают наблюдения антропологов. Так, В. А. Грищенко (со ссылкой на С. В. Васильева) отмечает, что человек, чьи останки обнаружены в котловане жилища, будучи взрослым, возможно, питался продуктами земледелия [Грищенко, 2015б, с. 125]

Однако климатические условия северного Сахалина делали невозможным занятие земледелием. Следовательно, продукты земледелия могли быть получены либо в ходе обмена, либо употреблялись данным индивидом в Приамурье – наиболее близком ареале культивирования растений. Эта гипотеза находит прямое подтверждение в археоботанических материалах Нижнего Приамурья.

Как показывают исследования Е. А. Сергушевой, в I тыс. до н. э. население относительно благоприятных для земледелия районов Приамурья специализировалось на выращивании итальянского проса (*Setaria italica*). Оно доминирует в пробах с памятников *польцевской* культуры [Сергушева, 2023, с. 60]. При этом поселение Нижнетамбовское 2, расположенное в зоне рискованного земледелия, содержало массовые находки этого же проса, которые, по мнению исследователя, вероятно, могли быть получены путем импорта от земледельческих групп, живших выше по течению Амура [Там же,

с. 64]. Однако, уже на памятнике Гольй Мыс 6 (северо-восток Приамурья) культурные знаки полностью отсутствуют, что фиксирует северную границу возможного земледелия и зону исключительно присваивающего хозяйства [Там же, с. 60]. Таким образом, модель получения продуктов земледелия путем обмена населением, проживающим в неблагоприятных климатических условиях, археологически доказана для Нижнего Приамурья и может быть экстраполирована на ситуацию с северным Сахалином.

В связи с этими обстоятельствами считаем справедливым вывод, сделанный В. А. Дерюгиным о проникновении амурского населения на о. Сахалин [Дерюгин, 2020, с. 82]. При этом, судя по имеющимся отчетным материалам, поселение Кашкалебагш 5 является не единственным местом, содержащим остатки керамики, относящейся к *какорминской* группе. Так, мотив волны вместе с горизонтальными гребенчатыми линиями присутствует в узоре керамики поселения Даги 2, зафиксированной А. С. Колосовским. Данное поселение расположено в 100 км южнее поселения Кашкалебагш 5 [Колосовский, 1988, с. 58].

Абсолютный возраст. По совокупности радиоуглеродных определений наиболее вероятный календарный возраст комплекса с керамикой *какорминского* типа, зафиксированного на поселении Кашкалебагш 5, относится к середине VI-IV вв. до н. э. (Таблица 22; Рис. 140). Появление носителей *какорминской* керамической традиции, так же, как и *пильтунской* культуры, соответствует похолоданию климата рубежа суббореала / субатлантика (Рис. 141).

Материалы поселения Кашкалебагш 5 предоставляют наиболее яркий и археологически верифицированный пример инфильтрации населения Восточного Приамурья в северные районы о. Сахалин (Рис. 142). Контекст залегания *какорминской* керамики – впущенное в более ранний *кашкалебагшский* котлован жилище – наглядно демонстрирует модель «встраивания» пришлого меньшинства. Пришлой население использует готовый котлован, сооружая внутри него постройку с иной, прямоугольной

конфигурацией столбовых ям. При этом они используют собственную керамику, маркером которой является высокое содержание шамота (15-20%) и ложнотекстильный технический декор, что полностью чуждо местной сахалинской керамике. Кратковременность или малочисленность этого проникновения объясняет отсутствие широкого распространения *какорминской* керамики на острове - инфильтрация не переросла в колонизацию.

Вероятно, немногочисленностью носителей *какорминской* керамической традиции на северном Сахалине объясняется отсутствие отчетливо фиксируемых в материальной культуре признаков их взаимодействий с местным населением. Объяснением характера взаимодействия населения Нижнего Приамурья и северного Сахалина может служить сходство в облике украшений, которое позволяет предполагать обменные связи между населением Нижнего Приамурья и северного Сахалина. В свою очередь наличие обменных связей позволяет предполагать, что именно население Нижнего Приамурья являлось источником импорта металлических изделий для населения Сахалина, в I тыс. до н. э.

3. 3. Характер взаимодействия *набильской* и *сусуйской* культур на южном Сахалине в I тыс. до н. э.

Материалы *сусуйской* культуры чрезвычайно широко распространены по южной части о. Сахалин, известны на о. Хоккайдо и по прилегающим мелким островам (Монерон, Ребун, Рисири) (Рис. 143). За 30 лет, прошедших с момента обобщения в диссертационном исследовании А. А. Василевского материалов начала и раннего этапа *охотской* культуры [Василевский, 1990], источниковая база *сусуйской* культуры пополнилась материалами раскопок поселений Усть-Айнское 1, Чиркова 1, Белокаменная-часи. Материалы первого из указанных обобщены в работах К. Ямаура, Т. Кумаки [Ямаура, 2002; Кумаки, 2003], второго – в сообщениях И.А. Самарина [Самарин, 2002а;

20026], третьего – в серии публикаций О.А. Шубиной и монографии У. Маэда [Усиро и др., 1998; Шубина, 1999, 2007; Маэда, 2002].

Абсолютный возраст. Первые радиоуглеродные даты карбонизированных остатков, залежавших в едином контексте с материалами *сусуйской* культуры, получены в 1970-е гг. [Васильевский, 1973, с. 212; Васильевский, Голубев, 1976, с. 138, 143, 146; Шубин, Шубина, 1984, с. 20-22]. В начале 2000-х гг. они были существенно дополнены в ходе датирования ряда образцов методами ускорительной масс-спектрометрии [Васильевский и др., 2003, с. 37; Kuzmin et al., 2004, p. 353; Васильевский и др., 2004, с. 49].

Руководствуясь принципами отбора образцов для I тыс. до н. э., подробно изложенными в главе 2 данной работы, мы провели анализ всего опубликованного массива радиоуглеродных дат комплексов и образцов *сусуйской* культуры. Из 28 опубликованных дат *сусуйской* культуры к верифицированным, опорным, по нашему мнению, относятся 17 (таблица 24; Рис. 144).

Исходя из полученных данных, наиболее древними памятниками, содержащими материалы *сусуйской* культуры, являются поселение Белокаменная-часи и Сусуйская стоянка (вероятно, ее наиболее ранний горизонт). Материалы поселения Белокаменная-часи по совокупности 14С-определений датируются второй половиной VIII-V вв. до н. э. Отметим, что керамика, с которой отобраны образцы, имела острое дно и гребенчатый декор [Васильевский и др., 2004, с. 49]. С этими материалами коррелирует наиболее ранняя 14С дата, полученная по образцу, взятому в юго-западной части *сусуйской* стоянки. Ее калиброванный возраст – VIII – первая половина VI вв. до н. э. Отметим, что в одном контексте с углистым пятном (зольником), из которого отобран уголь для 14С-определения, располагались фрагменты керамики, декорированной гребенчатыми оттисками [Васильевский, Голубев, 1976, с. 51]. Вторая дата *сусуйской* стоянки получена из шурфа, не содержащего находок, поэтому затруднительно соотнести ее с каким-либо комплексом.

Серия дат с памятников Поречье 1, Тагуй, Пугачево 9 получена в ходе работ С. В. Горбунова и Я. В. Кузьмина. Источники их отбора не ясны, однако в целом они не противоречат определениям, имеющим очевидный *сусуйский* контекст. Калиброванные, они относятся к V-II вв. до н. э. С этими датами соотносятся радиоуглеродные определения из *сусуйского* слоя поселения Таранай 1 – IV-II вв. до н. э. Наконец, наиболее поздние даты *сусуйской* культуры, полученные из *сусуйского* слоя поселения Озерск 1 и культурного слоя поселения Шахтерск. Они относятся к I-IV вв. н. э.

Таким образом, абсолютные даты *сусуйской* культуры указывают на то, что она существовала со второй половины VIII в. до н. э. по IV в. н. э. Они образуют три последовательных хронологических этапа: середина VIII-V вв. до н. э., IV-II вв. до н. э., I-IV вв. н. э. (Рис. 144).

Керамика. Следует отметить, что взаимосвязь материалов *сусуйской* культуры с культурами северной части острова прослеживается прежде всего на основе керамических материалов. Это обусловлено отсутствием исследованных закрытых или условно закрытых комплексов *сусуйской* культуры. Каждый из исследованных *сусуйских* комплексов имеет впущенные позднейшие объекты либо сам обустроен на местах стоянок и поселений предшествующих периодов и эпох. Таким образом, соотнесение материалов северной и южной частей острова Сахалин в настоящее время возможно производить только на основе анализа керамических комплексов.

Методические основы для такого анализа разработаны в рамках историко-культурного подхода и изложены в работах А. А. Бобринского, Ю. Б. Цетлина. В рамках исследования древнего и современного гончарства эти исследователи выделили субстратные и приспособительные навыки труда гончаров [Бобринский, 1978, с. 242-256; Цетлин, 2012, с. 130-133]. К субстратным, то есть наименее подверженным изменениям, относятся навыки формообразования, изготовления начина и полого тела сосуда [Бобринский, 1978, с. 244; Цетлин, 2012, с. 133], к приспособительным – навыки отбора сырья, составления рецептур формовочных масс и обработки поверхностей

[Бобринский, 1978, с. 244; Цетлин, 2012, с. 129-130]. Эти навыки меняются очень быстро и даже самый устойчивый из них – навык обработки поверхностей при смешении гончарных традиций менялся в рамках жизни одного поколения гончаров [Бобринский, 2021, с. 13]. Отражение в керамике смешанных гончарных навыков является признаком смешения и слияния носителей различных гончарных традиций, что отражает происходящие в обществе процессы инфильтрация, интеграции и ассимиляции населения. Результатом этого процесса является формирование культурно однородного населения [Бобринский, 1978, с. 243; Цетлин, 2012, с. 243].

На южном Сахалине керамика *набильской* археологической культуры обнаружена на поселении Усть-Айнское 1, в составе объекта на дюне (Рис. 28-30, 60-1). Эта керамика полностью идентична северным образцам керамики *набильской* культуры, что прослеживается как в характере изготовления сосудов, основанном на емкостной программе формовки изделий, так и в морфологии сосудов и особенностях их орнаментации.

Декор. Вместе с тем другая керамика с этого же поселения, исследованная в ходе археологических работ 1993 г. (жилище 1 у протоки, вытекающей из озера Айнское), обладает значительно большей вариабельностью. Это наглядно проявляется в ее декоре [Голубев, 1995; Ямаура, 2002, с. 38-39]. К примеру, один из фрагментов венчика сосуда несет признаки смешения двух различных традиций: *анивской* и *набильской* культур (Рис. 145-3). К декору *анивской* культуры отсылает наличие ряда сквозных проколов под венчиком и девяти параллельных рядов оттисков шнура, к орнаменту *набильской* – сочетания горизонтальных и диагональных линий, последние к тому же выполнены гребенчатым штампом [Василевский, 2002а, с. 5; Пашенцев, 2021а, с. 60]. Вместе с тем отметим, что поверхность описываемого фрагмента покрыта водно-дисперсионным ангобоподобным составом – прием, характерный для южной, *анивской*, традиции обработки поверхности сосудов [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 49]. Также отметим большое количество элементов орнамента в виде петель в керамике из жилища 1 (Рис. 145-1, 2, 4,

146-1, 2). Этот элемент совершенно не представлен в керамике *набильской* культуры северного Сахалина, что позволяет предполагать его южное происхождение. В керамике жилища 1 поселения Усть-Айнское 1 данный узор воспроизведен в том числе с использованием гребенчатого штампа (рисунки 145-1-2, 146-2).

На наличие большого количества керамических изделий *сусуйского* типа, декорированных гребенчатым орнаментом, обнаруженных в центральной части западного побережья Сахалина, обращали внимание исследователи ранее [Ито, 1942, с. 24; Нииока, 1970, с. 7]. Т. Нииока выделил ее в особый тип *эсутору* [Нииока, 1970, с. 7]. Подобное выделение оправдано, если понимать под типом *эсутору* северный субстрат гребенчатой остродонной керамики. Последний в настоящее время интерпретируется как керамика *набильской* культуры. Появление объекта среднего этапа *набильской* культуры в центральной части западного побережья Сахалина свидетельствует о миграции части носителей *набильской* культуры в южные районы острова. Соответственно, в этом районе острова они оказали наибольшее влияние на местное население. Южнее, а также на юго-восточном побережье, гребенчатые оттиски встречаются гораздо реже или не встречаются вовсе [Василевский, 1990, с. 108; Герус, 1979, с. 35].

Представляется, что помимо предполагаемых торгово-обменных связей в центральной части западного побережья острова происходил процесс частичной ассимиляции пришлого «северного» и местного «южного» населения. Это находит материальное отражение в полном повторении отдельных, типичных для *набильской* культуры узоров в жилище 1 на поселении Усть-Айнское 1. На носителей *сусуйской* культуры других районов юга острова данный процесс влиял меньше, отсюда и меньшая доля «северных» элементов в декоре их керамики.

При этом сходство и различия керамики *набильской* и *сусуйской* культур проявляются не только в особенностях декора. В технологическом аспекте различия касаются составов формовочных масс, которые в «южной» керамике

содержат более крупнозернистую отощающую фракцию. Это отличие «южной» керамики от «северной» ранее отмечено И. С. Жущиховской [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 47]. Наши наблюдения *сусуйских* образцов керамики полностью подтверждают данный вывод. Однако с позиций историко-культурного подхода данный признак является приспособительным. Еще одним приспособительным признаком является нанесение ангобopodobного состава на поверхность сосуда. Этот признак также характерен для «южной» гончарной традиции [Василевский, 1990, с. 36].

Морфология изделий. При детальном рассмотрении различия в морфологии *набильской* и *сусуйской* керамики значительны. Они прослеживаются в высотном и широтногорловинном указателях форм (Таблица 23; Рис. 147-149). В керамике *сусуйской* культуры высотный и широтногорловинный показатели выше, чем в *набильской* керамике. *Сусуйские* сосуды более вытянутые, часто имеют прямое или отогнутое открытое горло, тогда как *набильские* – более приземистые и имеют слабо вогнутое закрытое горло. Высотные показатели тулова и плечика практически идентичны в обеих традициях. Несколько различаются показатели выпуклости плечиков. В керамике *набильской* культуры они образуют устойчивый показатель, а в *сусуйской* отмечаем морфологическое разнообразие. Другим отличным параметром является форма и толщина дна. Донца *набильских* сосудов всегда имеют приострэнно-округлую форму, сохраняя равную толщину с придонной частью тулова. На их окончании, как правило, присутствует небольшое утолщение – «сосок», имеющий символическое или функциональное назначение. Донца сосудов *сусуйской* культуры приострэнно-овальные, приострэнно-округлые, часто с уплощением или уплощённые снаружи, но приострэнно-овальные внутри сосуда. При этом их толщина, как правило, (иногда в 2-3 раза) превышает толщину придонной части и образует массивную нашлепку или поддон (Рисунки 145-5; 146-5; 147-2; 148-1, 3; 149-2-3).

Начин. Описанные различия в морфологии обусловлены различиями подходов гончаров к изготовлению сосудов, то есть разными программами формовки изделий. Основой для конструирования сосуда и в *набильской*, и в *сусуйской* гончарной традиции служил ленточно-кольцевой налеп с наложением последующих лент внахлест на предшествующие. Однако начин сосудов принципиально различен. Гончары *набильской* культуры использовали ёмкостную программу формовки, при которой изготовление сосуда производилось от венчика к донцу, тогда как *сусуйские* мастера использовали донные начини и наращивали стенки от донной части к венчику. Именно этой разницей объясняются имеющиеся отличия в морфологии, а также более вытянутая форма *сусуйских* изделий. Этим же объясняется значительное количество уплощенных или плоских доньев *сусуйских* керамических сосудов (Рис. 148-2, 149-1, 4). Массивное донце, характерное для сосудов *сусуйской* культуры – это не что иное, как попытка придать приострѐнно-округлую форму изначально плоскому донцу изделия. Именно поэтому донца сосудов *сусуйской* культуры имеют, как правило, рыхлую структуру.

Таким образом, программа формовки *сусуйских* изделий базировалась на тех же принципах, что и формовка изделий *анивской* культуры [Василевский, Жушиховская, 1988, с. 29]. Поскольку принципы формирования начина и полого тела относятся к числу наиболее устойчивых (субстратных) признаков гончарства, можно утверждать, что керамика *сусуйской* культуры сформировалась на базе местных традиций *анивской* культуры, несколько видоизменившихся под воздействием гончарных традиций населения северного Сахалина – *набильской* культуры, но оставшихся неизменными в своей основе.

К признакам воздействия *набильских* образцов на гончарство населения юга острова следует отнести изготовление южными (*анивскими*) гончарами остродонных сосудов, заимствование отдельных техник, элементов, узоров и композиций декора. При этом последние переосмысливались местными

гончарами на основе привычных образцов и практик. В частности, это привело к появлению смешанных видов декора. Например, это характерный для *набильской* культуры орнаментальный узор, но наносимый не традиционным для неё гребенчатым орнаментом, а с использованием шнура, типичного для *анивской* культуры. Таким образом, совокупность имеющихся данных позволяет выдвинуть тезис о том, что сосуда *сусуйской* археологической культуры являются подражаниями образцам *набильской* керамики. Интенсивность воздействия северной (*набильской*) культуры на южную (*анивскую*) была значительной. При этом оно не привело к изменениям субстратных признаков керамики, а выразилось в изменениях внешнего облика керамических изделий. Прежде всего изменились морфология и декор керамики смешанного населения юга острова. Отметим, что сила описанного воздействия оказалась настолько значительной, чтобы воспринимать эти изменения как культурно-значимые.

На поздних этапах носители *сусуйской* культуры, по-видимому, испытали влияние носителей культуры *товада*, что также отразилось в керамике *сусуйского* типа [Кумаки, 2003, с. 59]. Данные разнородные влияния формируют ощущение эклектичности *сусуйской* культуры (или этнокультурной общности), неоднократно отмечавшееся её исследователями [Василевский, 1993, с. 64; Василевский, Шубина, 2002, с. 214].

Влияния и заимствования всегда направлены от носителей более развитых технологий и производств к менее развитым. Поскольку каких-либо влияний южных культур в керамике северного Сахалина не отмечается, можно считать заимствования однонаправленными – от пришлых северных к местным южным. Следующим является важный вопрос о том, что именно способствовало культурным заимствованиям. Предполагаем, что ответ на него находится в контексте процессов, происходивших на о. Сахалин в I тыс. до н. э. В этот период (между второй половиной VIII и V вв. до н. э.) происходят хозяйственно-бытовые изменения, по-видимому связанные с проникновением и частичным использованием металлических изделий. Вместе с тем этот

новый материал, по-видимому, был достаточно редок, чтобы полностью заместить камень, но в то же время пришлое население должно было продемонстрировать очевидные преимущества, связанные с его использованием. Этот импульс был достаточно сильным, чтобы привести к складыванию нового *сусуйского* типа керамики и новой *сусуйской* культуры. Таким образом, предполагаем формирование зависимости населения южного Сахалина от импорта изделий из металла и, в более широком понимании, от процессов обмена в данный период.

3. 4. Обзор палеокультурных процессов в I тыс. до н. э. на сопредельных с о. Сахалин континентальных и прибрежных районах Дальнего Востока

Для территории Приморья в эпоху палеометалла характерны активные межкультурные взаимодействия, результатом которых являлись процессы ассимиляции и аккультурации [Сидоренко, 2016, с. 180]. В работе, посвященной эпохе палеометалла в Приморье, её авторами отмечена высокая изменчивость культурных комплексов и возникающие в связи с этим затруднения в использовании для систематизации термина «археологическая культура» [Роров et al., 2020, p. 2].

Сходные процессы отмечаются в Приамурье, где достоверное начало палеометалла связано с *урильской* культурой [Нестеров и др., 2008, с. 41; Нестеров, 2017, с. 34; Нестеров, 2022, с. 53]. Многочисленные для дальневосточных памятников эпохи палеометалла металлические изделия здесь обнаружены в горизонтах, датируемых от XI-X вв. до н. э. [Нестеров и др., 2000, с. 97; Нестеров и др., 2008, с. 41; Нестеров, 2017, с. 36]. На территории Восточного Приамурья *урильская* культура распространяется приблизительно в это же время [Шевкомуд, 2015, с. 149; Нестеров, 2021, с. 18], а первые изделия из железа, обнаруженные в этом районе, относятся к среднему и позднему этапам данной культуры [Нестеров, 2022, с. 54]. Носители *урильской* культуры в Приамурье, по-видимому, были мигрантами

из Маньчжурии и Внутренней Монголии [Деревянко, 1969, с. 99; Нестеров, 2017, с. 34; Нестеров, Гирченко, 2018, с. 206; Нестеров, 2021, с. 18; Нестеров, 2022, с. 53].

Чрезвычайно широкое распространение в Приамурье металлургии железа и изделий из него связано с появлением на этой территории носителей *польцевской* культуры [Деревянко, 1976, с. 277]. Генезис этой культурной группы пока не до конца ясен. Её распространение, по-видимому, произошло в Восточном Приамурье во второй половине I тыс. до н. э. [Деревянко, Медведев, 2008, с. 33; Шевкомуд, 2015, с. 149; Нестеров, 2021, с. 22]. Из Приамурья носители *польцевской* культуры либо продвинулись на юг, где смешались с *кроуновским* населением Приморья [Деревянко, Медведев, 2008, с. 32; Медведев, 2013, с. 302], либо приамурская и приморская группы *польцевской* культуры сформировались на основе единого источника [Яншина, 2013, с. 326].

Кроме названных культур на территориях Восточного Приамурья исследователями отмечается разнообразие культур и керамических типов I тыс. до н. э. В частности, выделяются *большебухтинская* [Шевкомуд, 1995, с. 315] и *соргольская* [Окладников, Деревянко, 1968, с. 139; Медведев, 2003, с. 168-170; Шевкомуд, 2015, с. 164] культуры, а также керамика типов *змейка*, *какорминского*, *эворонского* [Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52-53; Яншина, 2013, с. 318-326].

В I тыс. до н. э. отмечается непосредственное влияние культур Приамурья на северный и центральный районы острова Сахалин. В первую очередь это отмеченное выше наличие комплексов, содержащих *какорминскую* группу керамики, свидетельствующих об инфильтрациях данного населения в северные районы острова [Дерюгин, 2020, с. 80]. Кроме того, в комплексах северной части острова отмечено наличие керамики *польцевской* культуры [Дедахин и др., 2004, с. 256-257]. Однако сильнее всего ощущается влияние *большебухтинской* культуры, в ареал которой входили восточные районы Приамурья, вплоть до северо-восточной части Приморья, а также северные,

центральные и, вероятно, южные районы Сахалина [Номура, 1990, с. 92; Федорчук, 1998, с. 143; Шевкомуд, Фукуда, 2007, с. 298; Сакакида и др., 2007, с. 24; Шевкомуд, 2008, с. 169; Дерюгин, 2010, с. 251; Василевский, Грищенко, 2012, с. 37; Сидоренко, 2016, с. 180; История Сибири, 2019, с. 159].

Большебухтинский керамический тип характеризуют круглодонные тонкостенные сосуды с профилированным горлом. Орнамент содержит выделенный под венчиком бордюр, одинарный или двойной ряд выдавленных изнутри сосуда тиснений – «жемчужин», как правило расположенных в шахматном порядке, тиснения стеклом, выполненные в отступающе-накольчатой технике, и гребенчатую орнаментацию. Эта керамика находит прямые аналогии в материалах *большебухтинской* культуры Восточного Приамурья, где она датирована в интервале III-I вв. до н. э. [Фукуда, 2015, с. 19] Проблема для Сахалина заключается в том, что ни одного целостного комплекса *большебухтинской* культуры здесь пока не исследовано. Нет данных о её абсолютной и относительной хронологии. Поэтому рассуждать о том, когда *большебухтинская* культура появляется и распространяется на Сахалине, пока можно только предварительно, по аналогии с приамурскими материалами. Если экстраполировать датировку ее нижнеамурских комплексов на материалы Сахалина, то, вероятно, на острове *большебухтинская* культура наследует *набильской* и сосуществует с *пильтунской* в позднейшее время бытования последней.

Все описанные выше обстоятельства указывают на интенсивные этнокультурные контакты и связи населения Восточного Приамурья и северного Сахалина в I тыс. до н. э. Предметным выражением данных контактов является наличие в комплексах *набильской* культуры цилиндрических бус и дисков, имеющих прямые аналогии в *урильских* и *польцевских* комплексах Приамурья и Приморья [Дервянко, Медведев, 2013, с. 31; Медведев, 2013, с. 303-305; Шевкомуд и др., 2017, с. 292].

Однако основным средством обмена в этот период должны были служить изделия из металла. Судя по косвенным признакам, собственная металлургия

у народов Сахалина в этот период отсутствовала либо находилась в зачаточном состоянии. На это, в частности, указывает отсутствие прогресса в температурах обжига керамики I тыс. до н. э. [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 54]. Поэтому предполагаем, что обнаруженные в комплексах *набильской* культуры фрагменты корродированного железа, по-видимому, являются остатками импортных железных изделий. Импортными же, по-видимому, являются железные изделия, обнаруженные на памятниках *сусуйской* культуры [Голубев, 1995, с. 12; Шубина, 1999, с. 238].

Вследствие кислого характера сахалинских почв и гумидного островного климата, как правило, изделия из металла, даже относящиеся к более близким к настоящему времени эпохам, почти не сохраняются, а дошедшие до нас корродированы до такой степени, что не позволяют провести их сравнение с изделиями сопредельных районов материка. Однако отмеченные прямые контакты населения Восточного Приамурья и северного Сахалина позволяют предполагать, что именно Восточное Приамурье являлось тем районом, из которого на Сахалин в I тыс. до н. э. поступают изделия из металла.

Считается, что в начале I тыс. н. э. между приамурским или приморским центром металлургии и северными регионами, включая Чукотку, вдоль побережья Охотского моря сформировался торговый маршрут, основой которого были изделия из железа [Dyakonov et al., 2019, p. 376]. Не исключено, что подобный маршрут торговли металлом несколько раньше, в I тыс. до н. э. связывал народы севера, а затем и юга Сахалина с Приамурьем. На это, в частности, указывает появление первых изделий из железа на охотском побережье между концом I тыс. до н. э. и серединой I тыс. н. э. [Lebedintsev, 2015, p. 4].

Ещё одной смежной территорией, культурные воздействия которой отмечаются в археологических комплексах северного Сахалина, является территория Алданского нагорья и Приленского плато Якутии. На связи населения северного Сахалина с данным регионом указывает уже упомянутая техника ремонта треснувших керамических изделий чёрной мастикой.

Предполагаем, что распространение данной техники на территории северного Сахалина связано с инфильтрацией на остров носителей круглодонной керамики.

Возраст ранних комплексов о. Сахалин, содержащих круглодонную керамику, относится к середине VIII – V вв. до н. э. Эти материалы атрибутируются как относящиеся к *пильтунской* культуре. Использование мастики черного цвета на указанных изделиях чрезвычайно широко. При этом данные материалы имеют характерные черты, сближающие их с якутскими образцами. Во-первых, это круглодонность сосудов; во-вторых, сходство в орнаментах, выражающееся в наличии утолщённой губы-валика по венчику либо бордюра-валика непосредственно под кромкой венчика, в присутствии диагональных оттисков гребенчатого штампа, оттисков двузубого штампа с округлыми зубьями, а также встречно-диагональных узоров типа «ёлочка». Все эти элементы характерны для керамики раннего железного века Якутии и прежде всего керамики обнаруженной на памятниках бассейна реки Алдан и его притоков (Рис. 135) [Федосеева, 1970, с. 148; 1975, с. 66; Константинов, 1978, с. 113-114, 116-121, 123, 125; Алексеев, 1996, с. 77; Археологические памятники Якутии, 1983, с. 192, 205, 213, 216, 218-219, 265, 283, 294, 306, 309, 358; Степанов, Дьяконов, 2005, с. 119].

Палеометалл на территории Якутии начинается во II тыс. до н. э., что связывается исследователями с инфильтрациями в бассейн р. Лена мигрантов с юго-запада, принесших на эти территории бронзовые изделия и технологии бронзолитейного производства [Лескова, Федосеева, 1975, с. 105; Эртюков, 1990, с. 112; Эртюков, 1992, с. 155; Эртюков, 1999, с. 109; Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 38; Дьяконов, 2012, с. 114; Мочанов, Федосеева, 2017, с. 489]. Комплексы раннего железного века появляются на территории Якутии между VIII и III вв. до н. э. [Степанов и др., 2014, с. 108; Дьяконов, Бравина, 2015, С. 14]. Их появление связывается исследователями как с местным субстратом, так и с этнокультурными контактами с пришлым населением из Приангарья и

Приамурья [Константинов, 1978, с. 84, 100; Степанов, 2014, с. 41; Дьяконов, Бравина, 2015, с. 13-14].

Таким образом, прослеживаются прямые аналогии в комплексах северного Сахалина, сопредельных и географически близких территорий Приамурья, Алданского нагорья и Приленского плато. Полагаем единство историко-культурного процесса, происходившего в рассматриваемый период на Северо-Востоке Азии и на островах. Данный процесс характеризуется возросшей по отношению к предшествующей неолитической эпохе мозаичностью, динамизмом и изменчивостью культур, что, по-видимому, является отражением происходивших в регионе миграций населения.

Важной причиной происходивших миграций, по-видимому, были колебания климата. В связи с этим отметим, что территория Северо-Восточного Приамурья и район к северу от неё отмечается как один из районов, где отмечены наибольшие отклонения среднегодовых температур от современных значений (более -2°C), для раннего субатлантика [Клименко, 2009, с. 130], при значительном падении зимних температур [Там же, с. 139]. По-видимому, сходные явления наблюдались и в похолодание первой половины I тыс. до н. э., когда происходит большинство описываемых в настоящей главе событий. С похолоданием раннего субатлантика, вероятно, связано распространение *большебухтинской* культуры (Рис. 152-153). Учитывая её возраст, можно высказать предположение о том, что именно *большебухтинская* культура в конце I тыс. до н. э. замещает *набильскую* на северном Сахалине.

Однако только климатом невозможно объяснить всё многообразие появления новых материковых культур на северном Сахалине. Предполагаем, что Сахалин в этот период встраивается в формирующуюся систему региональных торгово-обменных связей. В условиях общественного разделения труда данные связи обуславливают формирование специфического хозяйственно-культурного типа [Чеснов, 1970, с. 22].

Заключение

Палеокультурные изменения в I тыс. до н. э. происходят на фоне заметных климатических колебаний, связанных с переходом от суббореала к субатлантику. В поздней фазе суббореала климат северного Сахалина был теплее и суше современного [Клименко, 2009, с. 26; Микишин, Гвоздева, 2013, с. 105; Микишин и др., 2020, с. 105]. На рубеже суббореала и субатлантика в Нижнем Приамурье, на южном Сахалине, Якутии и островах Малой Курильской гряды отмечается похолодание, приведшее к смене растительности на более холодолюбивую [Шумова, Климанов, 1989, с. 156; Томская, 1989, с. 115; Клименко, 2009, с. 26; Igarashi, 2013, p. 149].

В этот период в Приморье фиксируется смещение на юг зоны темнохвойной тайги, понижение уровня моря и утолщение раковин моллюсков [Короткий и др., 1988, с. 162, 166]. Описываемое похолодание (между 800 и 400 гг. до н. э.) является в Евразии отчетливым долгосрочным событием. Одной из его основных причин считаются два длительных интервала низкой солнечной активности [Dergachev et al., 2007, p. 841; Клименко, 2009, с. 159–160]. Авторы одного из исследований указывают на наличие кратковременного, но экстремального изменения потока космических лучей около 813 г. до н. э., за которым последовал Великий солнечный минимум [Jull et al., 2018, p. 7]. События резкого изменения климата были достаточно масштабными, чтобы повлиять на людей и экосистемы [Dergachev et al., 2007, p. 850; Клименко, 2009, с. 336–337].

Помимо естественно-географического фактора, историко-культурные процессы на Сахалине в I тыс. до н. э. определялись региональной спецификой, проявляющейся в прямых аналогиях с культурами сопредельных и географически близких территорий – Приамурья, Алданского нагорья и Приленского плато. Единство историко-культурного процесса, происходившего на этих смежных территориях, выражается в возросших по сравнению с предшествующей неолитической эпохой мозаичности,

динамизме и изменчивости культур, что является отражением происходивших в регионе миграций населения [Деревянко, 1969, с. 99; Деревянко, 1976, с. 277; Константинов, 1978, с. 84, 100; Деревянко, Медведев, 2008, с. 32–33; Василевский, Грищенко, 2012, с. 37; Медведев, 2013, с. 302; Яншина, 2013, с. 326; Степанов, 2014, с. 41; Дьяконов, Бравина, 2015, с. 13–14; Шевкомуд, 2015, с. 149; Сидоренко, 2016, с. 180; Нестеров, 2017, с. 34; Нестеров, Гирченко, 2018, с. 206; История Сибири, 2019, с. 159; Конькова, 2019, с. 142; Нестеров, 2021, с. 18; Нестеров, 2022, с. 53]. Причинами движений населения являлись как климатические колебания, так и процессы формировавшейся новой системы региональных торгово-обменных связей, связанных с усложнением общественных отношений в эпоху бронзы и раннего железа.

В I тыс. до н. э. традиция изготовления остродонной керамики распространилась на всём Сахалине, а затем проникла на северную оконечность Хоккайдо и прилегающие острова. Учитывая отсутствие каких-либо связей *набильской* культуры с предшествовавшей ей *кашкалебагшской* культурой финального неолита, полагаем, что *набильская* культура появляется на северном Сахалине в результате миграции её носителей. Предполагаем, что эта миграция произошла вследствие появления и последующего распространения в Приамурье начиная с XI–X вв. до н. э. носителей *урильской* культуры [Нестеров и др., 2000, с. 97; Нестеров и др., 2008, с. 41; Нестеров, 2017, с. 36; Нестеров, 2022, с. 53]. Появление чужеродного населения, как часть всеобщего движения на рубеже поздней бронзы и раннего железного века, должно было вызвать реакцию со стороны автохтонного населения [Черных, 2009, с. 286; 2013, с. 293], что типично для территорий, периферийных по отношению к центрам металлургии и производящего хозяйства.

Набильская культура играет ключевую роль, связывая культуры севера и юга Сахалина. Её абсолютный возраст – X–II вв. до н. э. Проведённый анализ палеоклиматических данных, ландшафтно-почвенных особенностей

поселений, жилищ, керамики, каменного инвентаря и украшений позволяет предложить следующую периодизацию.

Ранний этап (X-IX вв. до н. э.) приходится на позднюю фазу суббореала – время относительно тёплого и сухого климата. Он связан с немногочисленными группами мигрантов, оставившими слабоуглублённые жилища подквадратной формы с каркасно-столбовой конструкцией. Каменный инвентарь включает как шлифованные рубящие орудия (топоры, тесла), так и ретушированные изделия на отщепах, что отражает универсальную хозяйственную стратегию, ориентированную на ресурсы эстуариев. Керамика раннего этапа характеризуется технологическим и морфологическим единообразием при наибольшем композиционном разнообразии декора. В её основе лежит ёмкостная программа формовки ленточно-кольцевым налепом с тщательным заглаживанием внешней поверхности. Сосуды закрытого типа, широкогорлые, с приплюснутым туловом, невыраженной шейкой, вогнутым венчиком овальной или грибовидной формы и сосцевидным налепом на дне. Орнамент линейно-геометрический, выполненный преимущественно гребенчатым штампом; преобладает сочетание горизонтальных и коротких вертикальных или диагональных линий.

Средний этап (VIII-V вв. до н. э.) протекал на фоне похолодания рубежа суббореала/субатлантика и инфильтрации на север Сахалина носителей *пильтунской* культуры. Сочетание этих факторов обусловило широкое распространение *набильской* культуры по острову и хозяйственную диверсификацию: наряду с лагунными поселениями (Чайво 1) появляются специализированные речные посёлки (Аскасай 7). Начинается проникновение *набильского* населения на юг (Усть-Айнское 1). Жилища становятся полуподземными, углублёнными до 0,8 м, с многоугольной (пяти-, восьмиугольной) планировкой, внутренними хозяйственными ямами и двухкамерными конструкциями. Каменный инвентарь по-прежнему немногочислен, что косвенно указывает на использование железных изделий;

навыки камнеобработки сохраняются. Присутствуют импортные украшения, свидетельствующие о региональных обменных связях с Приамурьем и южным Сахалином.

Керамика среднего этапа при сохранении технологического инварианта демонстрирует резкую дивергенцию орнаментальных традиций. В орнаментальных традициях (Усть-Айнское 1) прослеживаются особенности, подтверждающие миграцию носителей *набильской* культуры в юго-западные районы острова.

Поздний этап (IV-II вв. до н. э.) соответствует максимуму похолодания раннего субатлантика. Поселения располагаются в экстремальных условиях открытых морских кос (Мыс Островной). Жилища приобретают пятиугольную форму и дополняются длинными подземными коридорами-лазами, максимально адаптированными к ветровым нагрузкам. В структуре инвентаря фиксируется функциональная специализация: пункт 7 интерпретируется как промысловый лагерь с высокой долей охотничьего вооружения и орудий первичной обработки добычи; пункт 4, судя по высокой концентрации заготовок рубящих орудий и отбойников, мог выполнять функции производственной площадки по изготовлению каменных орудий. Каменный инвентарь изготавливался на месте, о чем свидетельствуют площадки расщепления. Найдены дисковидные подвески, цилиндрические бусины и янтарные украшения, указывающие на устойчивые обменные связи. В жилище пункта 7 обнаружены корродированные железные предметы – пока единственные для *набильской* культуры.

В керамике позднего этапа при сохранении *набильских* инвариантных признаков (остродонность, ёмкостная программа формовки, сосцевидный налеп) появляются инокультурные элементы – налепной бордюром, насечка, а также фиксируется переход к восстановительному режиму обжига, что свидетельствует о контактах с *пильтунской* культурой. Увеличивается доля слабопрофилированных сосудов, видоизменяются формы венчиков. Появление инокультурных черт свидетельствует о нарушении этнокультурной

однородности и начале аккультурации, которые в дальнейшем привели к трансформации *набильской* культуры.

Изученные материалы позволяют выделить два основных фактора, определявших динамику *набильской* культуры: палеоклиматические изменения и приток нового населения. Опираясь на теоретическую модель Л. С. Клейна [1999], представляется возможным выделить четыре миграционные волны, различающиеся по характеру.

Первая волна (X в. до н. э.) связана с носителями *набильской* культуры и может быть охарактеризована как колонизация относительно свободных эстуарных ниш северо-восточного Сахалина. Об этом свидетельствуют полнота и внутренняя однородность культурного комплекса на раннем этапе, а также отсутствие выраженных следов смешения с местными культурами финального неолита.

Вторая волна (VIII-V вв. до н. э.) связана с *пильтунской* культурой и представляет собой инфильтрацию населения с иными (вероятно, связанными с Якутией) корнями на уже освоенный ареал. Её особенностью является синхронное сосуществование памятников обеих культур в пределах одних микрорегионов и появление синкретических черт в материальной культуре.

Третья волна (VI-IV вв. до н. э.) представлена носителями керамики *какорминской* группы, которую исследователи относят либо к *урильской* культуре, либо рассматривают в рамках *урило-польцевского* круга. Это пример малочисленной, кратковременной инфильтрации населения с континента. Появление этого компонента не приводит к трансформации местных культурных традиций, однако свидетельствует о культурном многообразии населения северного Сахалина в этот период.

Четвёртая волна (III-I вв. до н. э.) связывается с *большебухтинской* культурой. По имеющимся данным, её распространение коррелирует с исчезновением *набильской* культуры как целостного феномена. Предполагаем, что в конце I тыс. до н. э. межкультурное взаимодействие приняло характер аккультурации или ассимиляции, приведшей к растворению носителей

набильских традиций в среде нового, вероятно, более многочисленного населения, связанного с нижнеамурским очагом.

Историческое значение *набильской* археологической культуры заключается в том, что она стала проводником инноваций эпохи палеометалла для населения острова Сахалин. Находки металла в её комплексах единичны и пока обнаружены только на позднем этапе (Мыс Островной 7). В середине I тыс. до н. э. на южном Сахалине под влиянием инфильтрации носителей *набильской* культуры формируется *сусуйская* культура.

Отличительными чертами этого процесса являются наличие подражаний *набильской* керамике и размывание морфологических традиций местного гончарства, что свидетельствует о прямых культурных контактах [Бобринский, 1978, с. 242; Цетлин, 1998, с. 51; Цетлин, Волкова, 2010, с. 54]. Поскольку изменения затронули только гончарное производство южного населения, можно констатировать односторонний характер воздействия. Это позволяет считать носителей *набильской* культуры активными участниками обменных сетей, через которые металлические изделия поступали с континента к автохтонному населению юга острова. Следствием этого процесса стало появление на юге Сахалина изделий из металла (поселения Усть-Айнское, Белокаменная-часи) и включение всей территории острова в систему контактов с носителями новых технологий на материке.

Товарно-обменные связи между различными частями Сахалина существовали, начиная с эпохи позднего палеолита [Василевский, 2008, с. 237], однако в I тыс. до н. э. их характер изменился: северные мигранты несли не только сам металл, но и новые приёмы работы с ним, что стало определяющим фактором в сложении новой *сусуйской* культуры.

Изучение памятников I тыс. до н. э. на Сахалине не позволяет утверждать наличие собственной металлургии. На отсутствие принципиальных этапных изменений в гончарной технологии *сусуйской* культуры, в том числе признаков использования более совершенных теплотехнических устройств, обратила внимание И. С. Жущиховская [Zhushchikhovskaya, 2010, p. 56].

Исследования соседних территорий показывают, что даже длительные контакты обществ, владеющих металлургией и не обладающих ею, могли не приводить к появлению этапных инноваций в последних [Конькова, 2019, с. 142]. Исходя из этого, констатируем, что специфической чертой эпохи палеометалла на о. Сахалин является отсутствие собственной металлургии и импорт готовых металлических изделий.

Таким образом, в диссертационном исследовании доказано, что факторами культурных изменений в комплексах *набильской* культуры выступали климатические колебания и миграции носителей иных культурных традиций. *Набильская* культура сформировалась в результате миграций на север Сахалина около X в. до н. э. и прошла три этапа развития: ранний (X – первая половина VIII в. до н. э.), средний (вторая половина VIII – V в. до н. э.) и поздний (IV – II вв. до н. э.). Традиции изготовления остродонной керамики с гребенчатым орнаментом в VIII-V вв. до н. э. распространились на южном Сахалине, оказав воздействие на местные гончарные традиции и приведя к формированию *сусуйского* керамического типа. При этом отсутствие принципиальных изменений в гончарной технологии и сохранение неолитических традиций каменной индустрии при наличии единичных железных изделий является свидетельством начала палеометалла. Специфической чертой этого периода на Сахалине выступает отсутствие собственной металлургии и импорт готовых металлических изделий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники: научные отчёты

1. Василевский А. А. Формирование *охотской* культуры на Сахалине (I тыс. до н. э.). Дисс. на соиск. уч. степени к. и. н. Южно-Сахалинск, 1990 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 99.
2. Василевский А. А. Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 г. Том 4. О спасательных археологических раскопках, проведенных отрядом № 1 Сахалинского государственного университета на объекте культурного наследия – древнем поселении Джимдан 5 в Ногликском районе Сахалинской области в зоне строительства трубопроводов по проекту Сахалин 1 в 2004 г.: научный отчет. Южно-Сахалинск, 2006а // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.
3. Василевский А. А. Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 г. Том 5. О спасательных археологических раскопках, проведенных отрядом № 1 Сахалинского государственного университета на объекте культурного наследия – древнем поселении Чайво 6 в Ногликском районе Сахалинской области в зоне строительства трубопроводов по проекту Сахалин 1 в 2004 г.: научный отчет. Южно-Сахалинск, 2006б // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
4. Василевский А. А. Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 г. Том 3. Спасательные раскопки на поселении Чайво 1 Нгаян в 2004 г. Проект Сахалин 1: научный отчет. Южно-Сахалинск, 2005в // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.
5. Василевский А. А. Том.1 Археологические разведки в Анивском, Охинском и Ногликском р-нах Сах. Обл. в 2004 г. Охранные раскопки Крильонского городища в 2004 г. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2005г // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51.

6. Василевский А. А. Исследования отряда №1 археологической экспедиции СахГУ в полевой сезон 2010 г. на территории Сахалинской обл. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2012 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.
7. Василевский А. А. Отчет о раскопках Стоянки Мыс Островной пункт 1, Стоянки Мыс Островной пункт 5, Стоянки Мыс Островной пункт 7 в МО Городской округ "Охинский" Сахалинской области в 2013 году. (по открытому листу № 1052 от 05.08.2013 г., сроком действия с 05.08.2013 г. по 31.12.2013 г.). Научный отчет в 2-х томах. Южно-Сахалинск, 2017 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
8. Василевский А. А. Отчет о работах отряда 1 археологической лаборатории ЮСГПИ на Южном Сахалине в полевой сезон 1988 года (Долинский, Корсаковский район). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1989 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
9. Василевский А. А. Отчет о спасательных раскопках поселения Кашкалебагш-2, Крильонского городища и археологических разведках на острове Сахалин в 2003 г. (отряд №1 лаборатории археологических исследований Сахалинского государственного университета). Т. 1. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2004 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
10. Василевский А. А. Научный отчет о работах отряда №1 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в 2006 году. Археологические разведки в Сахалинской области в 2006 году. Южно-Сахалинск, 2007а // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
11. Василевский А. А. Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия «Лебединый-1» в Охинском районе Сахалинской области, в 2007 году, в рамках реализации проекта «Сахалин-1». Научно-производственный отчет. Южно-Сахалинск, 2007б // Электронный архив отчетов УАМ СахГУ.
12. Вязовская В. В. Отчёт об осмотре стоянок Сахалина. // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р-1. №23102, 1972.

13. Голубев В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалиннефть» (Северо-Восточное побережье о. Сахалин). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1979 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
14. Голубев В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалинсовхозводстрой» (южная часть о. Сахалин). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1981 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
15. Голубев В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалинсовхозводстрой» (юго-западное побережье о. Сахалин). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1983 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
16. Голубев В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалинсовхозводстрой» (юго-западное побережье о. Сахалин). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1984 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.
17. Голубев В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалинсовхозводстрой» (юго-западное побережье о. Сахалин). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1985 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.
18. Голубев В. А. Раскопки стоянки Усть-Айнская в Томаринском районе Сахалинской области (открытый лист № 557 форма № 4). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1995 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36.
19. Горбунов С. В. Отчет. Археологическая разведка 1993 г. 1994 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32.
20. Грищенко В. А. Охранные археологические раскопки поселения Кашкалебагш 5 в Охинском районе Сахалинской области в 2008 году. Т.1. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2010а // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71.
21. Грищенко В. А. Охранные археологические раскопки поселения Кашкалебагш 5 в Охинском районе Сахалинской области в 2008 году. Т.2.

Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2010б // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72.

22. Грищенко В. А. Разведочные исследования отряда №2 археологической экспедиции СахГУ в 2011–2012 году // Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2013 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84.

23. Грищенко В. А. Спасательные археологические раскопки поселения Аскасай 7, в Ногликском районе Сахалинской области в 2011 году. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2015а // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.

24. Грищенко В. А. Спасательные археологические раскопки стоянки Мыс Островной (пункт 4) в городском округе «Охинский» Сахалинской области в 2015 году. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2019 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102.

25. Кашицын П. В. Отчет о полевых исследованиях отряда № 2 лаборатории археологических исследований Сахалинского государственного университета в 2002 году. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2003 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45.

26. Кашицын П. В. Отчет об археологических разведках отряда № 1 в Тымовском, Ногликском и Александровск-Сахалинском районах Сахалинской области в 2005 г. Дополнения и уточнения 2007 г. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2007. (утв. 2007 г.). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2007 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92.

27. Колосовский А. С. Новые археологические находки севера Сахалина за 1987 год. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1988 // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р-1. Д. 12208.

28. Колосовский А. С. Отчет об археологических исследованиях на севере Сахалина полевой сезон 1987 г. 1987 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.

29. Можяев А. В. Отчет об археологической разведке на территории городских округов Анивский, Долинский, Корсаковский, Курильский,

Макаровский, Невельский, Ногликский, Томаринский Сахалинской области в 2016 – 2017 году (по открытому листу № 838, от 24.06.2016 г.). В восьми томах. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2020 // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128.

30. Пашенцев П. А. Отчет об археологических разведках на территории объектов археологического наследия Поселение Залив Чайво 1 (Мыс Нгаян 1), Поселение Анива 1 Пункты 1, 2, Река Ныш, поселение 1, Река Ныш, поселение 2, Река Ныш, поселение 3 Пункты 1, 2, Река Ныш, поселение 4 Пункты 1, 2, Река Ныш, поселение 5 Пункты 1, 2, Река Ныш, поселение 6, Река Ныш, поселение 7, Поселение Река Чайка 2, Поселение Река Чайка 3, Поселение Бухта Юяньки 2, Поселение Бухта Юяньки 6, Поселение Бухта Юяньки 7, Антоново 4, Укрепленное поселение Чайкино 2 («Уничаси»), Стоянка Река Ивановка 1, Укрепленное поселение Село Взморье 4 в Анивском, Долинском, Ногликском, Макаровском, Невельском, Холмском городских округах Сахалинской области в 2019 году (по открытому листу № 1914-2019 от 30.08.2019 г.). В шести томах. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2020а // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 127.

31. Пашенцев П. А. Отчет об археологических разведках на территориях Охинского, Ногликского, Смирныховского, Углегорского, Невельского, Курильского, Южно-Курильского городских округов Сахалинской области в 2019 году (по Открытому листу № 2195-2019 от 19.09.2019 г.). В тринадцати томах. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 2020б // Архив УАМ СахГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 131.

32. Шубина О. А. Отчет о полевых археологических исследованиях в зоне лицензированных участков нефтегазопроисковых работ АНК «Шельф» в Ногликском и Охинском районах Сахалинской области в 1995 г. по Открытому листу № 576, по форме 2. Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1995 // Электронный архив отчетов УАМ СахГУ.

33. Шубина О. А. Отчет о полевых археологических исследованиях в Корсаковском, Охинском и Ногликском районах Сахалинской области в 1987

году (по Открытому листу № 569, форма 2). Научный отчет. Южно-Сахалинск, 1987 // Электронный архив отчетов УАМ СахГУ.

Источники: музейные коллекции

34. ТКМ. Инв. № 612. Первая речка. Сборы 2002 г.
35. УАМ СахГУ. Колл. 1030. Поселение Аскасай 7. Раскоп 2011 г.
36. УАМ СахГУ. Колл. 1106. Поселение Мыс Островной, пункт 1. Раскоп 2013 г.
37. УАМ СахГУ. Колл. 1107. Поселение Мыс Островной, пункт 7. Раскоп 2013 г.
38. УАМ СахГУ. Колл. 1110. Стоянка Озеро Бивачное 4. Сборы 2013 г.
39. УАМ СахГУ. Колл. 1209. Поселение Мыс Островной, пункт 4. Раскоп 2015 г.
40. УАМ СахГУ. Колл. 135. Поселение Стародубское 3. Раскоп 1990 г.
41. УАМ СахГУ. Колл. 17. *Сусуйская* стоянка. Раскоп 1968 г.
42. УАМ СахГУ. Колл. 179. Поселение Усть-Айнское 1. Раскоп 1993 г.
43. УАМ СахГУ. Колл. 181. Поселение Усть-Айнское 1. Сборы 1993 г.
44. УАМ СахГУ. Колл. 205. Поселение Усть-Айнское. Сборы 1997 г.
45. УАМ СахГУ. Колл. 210. Стоянка Старый Набиль. Сборы 1998 г.
46. УАМ СахГУ. Колл. 25. Поселение Село Озерск 1. Раскоп 1974 г.
47. УАМ СахГУ. Колл. 265. Поселение Река Кадыланья. Сборы 1978 г.
48. УАМ СахГУ. Колл. 382. Астох 6. Сборы 2002 г.
49. УАМ СахГУ. Колл. 384. Поселение Кашкалебагш 2. Сборы 2002 г.

50. УАМ СахГУ. Колл. 445. Поселение Кашкалебагш 2. Раскоп 2, 2003 г.
51. УАМ СахГУ. Колл. 51. Поселение Кузнецово 1. Раскоп 1980 г.
52. УАМ СахГУ. Колл. 576. Поселение Джимдан 5. Раскоп 2004 г.
53. УАМ СахГУ. Колл. 577. Поселение Чайво 6. Раскоп 2004 г.
54. УАМ СахГУ. Колл. 581. Поселение Чайво 1. раскоп 2004 г.
55. УАМ СахГУ. Колл. 601. Поселение Чайво 26. Подъемные сборы 2005 г.
56. УАМ СахГУ. Колл. 605. Поселение Чайво 25. Подъемные сборы 2005 г.
57. УАМ СахГУ. Колл. 750. Поселение Лайда 1. Подъемные сборы 2006 г.
58. УАМ СахГУ. Колл. 775. Поселение Лебединый 1. Раскоп 2007 г.
59. УАМ СахГУ. Колл. 807. Поселение Старый Набилъ 9. Подъемные сборы 2007 г.
60. УАМ СахГУ. Колл. 881. Поселение Кашкалебагш 5. Раскоп 2008 г.
61. УАМ СахГУ. Колл. 1023. Поселение Вази 5. Подъемные сборы 2011 г.
62. УАМ СахГУ. Колл. 1396. Река Баури 2. Подъемные сборы 2019 г.

Картографические материалы

63. Карта-схема ледовой обстановки Охотского моря / сост. по данным КА «Арктика-М» №1/МСУ-ГС, NOAA-18, 19 / AVHRR, AQUA / MODIS, SENTINEL-2B / MSI © ESA ; ФГБУ «Научно-исследовательский центр космической гидрометеорологии „Планета“». – 09-11.01.2023. - 1 л. - URL:<https://www.dvrcpod.ru/Ice.php> (дата обращения: 18.05.2023)

Литература на русском языке

64. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 95 с.
65. Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
66. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы / Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, А. Н. Алексеев, В. И. Козлов, Н. Н. Кочмар, Н. М. Щербакова. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.
67. Атлас береговой зоны Сахалина. Владивосток: ИПК Дальпресс, 2002. 51 с.
68. Атлас Сахалинской области. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1967. 135 с.
69. Базарова В. Б., Климин М. А., Лящевская М. С., Захарченко Е. Н., Макарова Т. Р. Геохронология, стратиграфия, особенности палеогеографии и климатических изменений в голоцене Юго-Западного Приохотья (залив Нерпичий) на основе изучения развития торфяника // Геология и геофизика. 2025. Т. 66, № 9. С. 1138–1157. DOI: 10.15372/GiG2025126.
70. Бессуднов А. А. «Комплексное» изучение каменных индустрий в культурно-хронологических построениях: есть ли альтернатива типологии? // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 29–33.
71. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / науч. ред. А. А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
72. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

73. Бобринский А. А. Общие закономерности функционирования гончарной технологии // Вестник «История керамики». 2022. Вып. 4. С. 7–14.
74. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
75. Бровко П. Ф. Развитие прибрежных лагун. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 148 с.
76. Бровко П. Ф. Формирование лагунных берегов дальневосточных морей в условиях умеренного климата // Бентос и условия его существования на шельфовых зонах Сахалина. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 4–19.
77. Бровко П. Ф., Малюгин А. В., Терентьев Н. С., Храмушин В. Н. Геоморфологический мониторинг лагунных берегов Сахалина // Мореходство и морские науки. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. типография, 2012. С. 133–142.
78. Бровко П. Ф., Микишин Ю. А. Современные тенденции развития берегов северо-восточного Сахалина // Гидрометеорологические и экологические условия дальневосточных морей: оценка воздействия на морскую среду. Владивосток: Дальнаука, 1999. Тематический выпуск № 2. С. 193–203.
79. Бровко П. Ф., Микишин Ю. А., Рыбаков В. Ф. Лагуны Сахалина. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 80 с.
80. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Том 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
81. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
82. Василевский А. А. Итоги третьего сезона раскопок поселения Стародубское-3 в 1990 г. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1991. № 2. С. 62–72.
83. Василевский А. А. К концепции эпохи средневековья островного мира Дальнего Востока // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2018. № 20. С. 147–167.

84. Василевский А. А. К понятию «неолит» и его периодизации на о-ве Сахалин // Вперед... в прошлое: к 70-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 150–160.
85. Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 412 с.
86. Василевский А. А. Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1995. № 2. С. 93–110.
87. Василевский А. А. Неолитические памятники юго-восточного Сахалина (К проблеме выделения *анивской* культуры) // Проблемы сахалинского краеведения. Тезисы выступлений на краеведческой конференции 18 мая 1988 года. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1988. С. 16–18.
88. Василевский А. А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше (о. Сахалин, эпоха первобытности) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1993. № 4. С. 56–69.
89. Василевский А. А. Охотская проблема и её современное прочтение в России и в Японии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Омск. педагогическ. ун-т, 1999а. С. 129–133.
90. Василевский А. А. Памятники Эпи Дземона на Сахалине // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002а. С. 1–23 (на рус. и яп. яз.).
91. Василевский А. А. Парадокс *охотской* культуры – прощание с великой легендой // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2005а. № 2. С. 3–17.
92. Василевский А. А. Районирование человеческой деятельности на острове Сахалин в голоцене // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: СахГУ, 1999б. № 1. С. 84–90.

93. Василевский А. А. Стратегия адаптации в деятельности человека в условиях островных экосистем // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». Магадан: СМУ, 2005б. С. 135–138.
94. Василевский А. А. *Сусуя* и Эпи Дземон // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002б. С. 89–100 (на рус. и яп. яз.).
95. Василевский А. А. Факторы естественной защиты в *сусуйской* и *охотской* фортификации // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1996. № 3. С. 281–291.
96. Василевский А. А., Горбунов С. В., Кузьмин Я. В., Шубина О. А. Радиоуглеродная и календарная хронология археологических культур Сахалина и Курильских островов // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2004. № 4. С. 45–53.
97. Василевский А. А., Грищенко В. А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2012. № 9. С. 29–41.
98. Василевский А. А., Грищенко В. А. Сырьевые центры и сырьевой обмен в эпоху камня и палеометалла на Сахалине и Курильских островах // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 114–126.
99. Василевский А. А., Грищенко В. А., Кашицын П. В., Федорчук В. Д. Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2005а. № 5. С. 48–56.

100. Василевский А. А., Грищенко В. А., Кашицын П. В., Федорчук В. Д., Берсенева Е. В., Постнов А. В. Текущие археологические исследования на Сахалине (2003–2005 гг.) / 6-th Annual meeting of the RANA. Tokyo: Kitaajia chosa kenkyu hokoku-kai jikkō iinkai, 2005b. С. 11–18 (на рус. и яп. яз.).

101. Василевский А. А., Грищенко В. А., Можяев А. В., Перегудов А. С., Пашенцев П. А. Два десятилетия археологических исследований в международных нефтегазовых проектах. Защита и изучение памятников археологии на Дальнем Востоке России. Сахалин, Курильские о-ва и Хабаровский край (1996–2017 гг.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017.

102. Василевский А. А., Жущиховская И. С. Предрефлянка – новый памятник сахалинского неолита // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Препринт. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 26–36.

103. Василевский А. А., Кузьмин Я. В., Горбунов С. В., Шубина О. А. Радиохронология памятников археологии I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. на Сахалине и Курильских островах // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2003. С. 37–46.

104. Василевский А. А., Плотников Н. В., Самарин И. А. Итоги полевого сезона археологической экспедиции Южно-Сахалинского педагогического института 1991 г. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1992. № 2. С. 119–124.

105. Василевский А. А., Шубина О. А. Неолит Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: СОКМ, 2002. № 9. С. 196–230.

106. Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 268 с.
107. Васильевский Р. С. Становление и развитие приморской системы хозяйства в северной части тихоокеанского бассейна // Краткие сообщения Института археологии. 1985. Вып. 181. С. 57–60.
108. Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (*Сусуйская* стоянка). Новосибирск: Наука, 1976. 273 с.
109. Волков Д. П. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 7: Археология и этнография. С. 176–182.
110. Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
111. Волкова Е. В. Орнаментальные традиции фатьяновских гончаров (опыт выделения субстратных и приспособительных традиций) // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 88–106.
112. Волкова Е. В. Очаг или кострище? (экспериментальный обжиг посуды) // Самарский научный вестник. 2015а. № 3 (12). С. 37–55.
113. Волкова Е. В. Что может рассказать керамика о социальной структуре и стратификации древнего общества? // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015б. С. 24–33.
114. Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 58–62.
115. Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б. О разработке методики определения температуры обжига древней керамики // Краткие сообщения Института археологии. 2016. № 245. Ч. 2. С. 254–264.

116. Вострецов Ю. Е. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.

117. Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / отв. ред. Ж. В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

118. Вострецов Ю. Е. Изучение влияния природных изменений на культурную адаптацию населения Приморья в среднем – начале позднего голоцена (методический аспект) // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 32–38.

119. Вострецов Ю. Е. Реконструкция эволюционных изменений в технологии рыболовства в заливе Петра Великого в среднем голоцене // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 3. С. 37–49. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-3-37-49.

120. Вострецов Ю. Е. Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 40–65.

121. Вострецов Ю. Е. Экологические факторы формирования культурной динамики в прибрежной зоне Восточной Азии в эпоху палеометалла // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1. С. 109–116.

122. Вострецов Ю. Е., Артёмкин Р. А. Хозяйственная адаптация населения палеометалла на памятнике Клерк-5 в Приморье // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 3. С. 5–17. DOI: 10.24866/1997-2857/2024-3/5-17.

123. Высоков М. С., Василевский А. А., Костанов А. И., Ищенко М. И. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учебное пособие для высших учебных заведений по специальности

«история». Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 712 с.

124. Гвоздева И. Г., Микишин Ю. А. Стратиграфия и палеогеография голоцена юго-западного Сахалина // Естественные и технические науки. 2008. № 3. С. 177–183.

125. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. № 1. С. 114–135.

126. Герус Т. А. Археологические памятники залива Терпения // Археология Амура-Сахалинского региона. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 30–36.

127. Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 34–45.

128. Гиря Е. Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // Советская археология. 1991. № 3. С. 115–129.

129. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. Археологические изыскания. Вып. 44. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

130. Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // Российская археология. 1993. № 4. С. 5–24.

131. Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

132. Голубев В. А., Василевский А. А. Новые данные по археологии Сахалина // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986. С. 208–212.

133. Голубев В. А., Лавров Е. Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 240 с.

134. Горбунов С. В. Каталог археологических коллекций Тымовского краеведческого музея. Поступления 1994–1995 годов. Южно-Сахалинск: Краеведческий клуб «Абориген», 1995. 24 с.
135. Городцов В. А. Типологический метод в археологии // Антология советской археологии (1917–1933): в 3 т. / сост. А. А. Формозов. М., 1995. Т. 1. С. 27–30.
136. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 115–125.
137. Гриднев А. Н., Гриднева Н. В. Основы лесной биогеоценологии: учебное пособие для студентов по направлению подготовки – 35.04.01 Лесное дело. Уссурийск: ПГСХА, 2016. 213 с.
138. Грищенко В. А. *Каишкалебагшская* культура финального неолита острова Сахалин (к вопросу о сосуществовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н. э. в островном мире Дальнего Востока) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2015б. № 11–12. С. 117–131.
139. Грищенко В. А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 184 с.
140. Грищенко В. А., Пашенцев П. А. Раскопки поселения *Набильской* культуры Аскасай 7 на Северном Сахалине // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2021. № 31. С. 162–185. DOI: 10.24412/2658-5960-2021-31-162-185.
141. Дедяхин О. Ю., Василевский А. А., Кашицын П. В., Федорчук В. Д. Средневековая керамика о. Сахалин (сер. I тыс. н. э. – сер. II тыс. н. э.): проблемы классификации, хронологии и культурно-исторического контекста // “Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region” North-East Asia International

Cooperative Symposium Preliminary Papers. Токио: Университет Тюо, 2004. Т. 2. С. 253–266 (на рус. и яп. яз.).

142. Демонтерова Е. И., Пашенцев П. А., Грищенко В. А., Почекунин Д. М. Оценка условий обжига археологической керамики с помощью ступенчатого нагрева на примере керамики поселения Аскасай 7 (о. Сахалин) // Краткие сообщения Института археологии. 2024. Вып. 274. С. 331–344.

143. Деревянко А. П. В поисках оленя Золотые рога // Наука в Сибири. Новосибирск, 2 октября 2008. № 39 (2674). С. 8–9.

144. Деревянко А. П. Приамурье (I тыс. до н. э.). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.

145. Деревянко А. П. Проблема бронзового века на Дальнем Востоке // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск: ИАЭТ СО АН СССР, 1969. № 6. Вып. 2. С. 94–99.

146. Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.

147. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 288 с.

148. Деревянко А. П., Медведев В. Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 14–35.

149. Деревянко Е. И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.

150. Деревянко Е. И. К проблеме бронзового века на Дальнем Востоке // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 287–297.

151. Дерюгин В. А. К вопросу определения понятия «охотская культура» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 58–66.
152. Дерюгин В. А. Керамика тымского типа и вопросы классификации, периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 246–258.
153. Дерюгин В. А. Охотоморская культурная общность? (Эпизод первый) // Записки Гродековского музея. Вып. 3: Археология и этнография. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 53–66.
154. Дерюгин В. А. Предварительные результаты исследования грунтового могильника Быстрая-2 // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1998. С. 85–91.
155. Дерюгин В. А. Предварительные результаты исследования на памятнике Ясное-8 Тымовского района в рамках проекта Сахалин-2 // Археологические исследования переходного периода от неолита к железному веку на Дальнем Востоке России. Токио: Токийский университет, 2007. С. 39–47.
156. Дерюгин В. А. Сахалинский штрих к характеристике керамики *какорминской* группы северо-восточного Приамурья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. № 1. С. 72–86. DOI: 10.24411/2658-3550-2020-10004.
157. Дерюгин В. А. Ясное-8 – памятник эпохи палеометалла центрального Сахалина // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: Материалы региональной научной конференции (Владивосток, 18–20 ноября 2013 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 256–267.
158. Дерюгин В. А., Лосан Е. М. Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья //

Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2009. С. 47–73.

159. Дерюгин В. А., Суховерхов С. В., Удзииэ Ё., Павлов А. Д. Идентификация природного битума с археологического памятника Ясное-8 (остров Сахалин) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1 (46). С. 34–40. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.1.034-040.

160. Дьяков В. И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 296 с.

161. Дьякова О. В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО РАН, 1987. С. 51–66.

162. Дьяконов В. М. Керамика Улахан-Сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 106–115.

163. Дьяконов В. М., Бравина Р. И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. № 4 (13). С. 12–15.

164. Жущиховская И. С. Динамика традиций гончарства раннего и среднего Дземона (по материалам стилей Нижний Энто и Верхний Энто) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 186–201.

165. Жущиховская И. С. К характеристике обжига древней керамики юга Дальнего Востока // Технология древних производств Дальнего Востока. Препринт. Владивосток: АН СССР. ДВО. ИИАЭ, 1988. С. 3–9.

166. Жущиховская И. С. Петрография в изучении древней керамики Дальнего Востока: вопросы методики // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Сборник научных статей. Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 72–81.

167. Жущиховская И. С. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3. С. 9–20. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20.

168. Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материале неолитических – средневековых культур Приморья) // Методы естественных наук в археологическом изучении древнейших производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 55–67.

169. Жущиховская И. С., Лазина А. А. Обжиг керамики в открытом костре и яме: экспериментальный опыт // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН, 2022. Вып. 4. С. 84–107.

170. Загорулько А. В. Роль внутренней планировки в исследовании эскимосских жилищ // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». Магадан: СМУ, 2005. С. 147–149.

171. Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. Т. 32, № 1. С. 151–164. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-151-164.

172. Зимина О. Ю. Керамика в палеосоциологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. 2017. Т. 18, № 2. С. 135–151. DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-12.

173. Золотарев А. М. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин) // Советская археология. 1936. № 1. С. 18–19.

174. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 500 с.

175. Ивлев А. М. Особенности генезиса и биогеохимия почв Сахалина. М.: Наука, 1977. 144 с.

176. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. 496 с.
177. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895 / сост. П. П. Семёнов [в 3 ч.]. Ч. II. Отдел IV. СПб., 1896. 526 с.
178. История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.
179. Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 83–94.
180. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования: учеб. пособие / И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. Изд. 2-е, испр. и доп. Иркутск: ИГУ, 2014. 163 с.
181. Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
182. Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.
183. Клейн Л. С. Археологические источники: Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 120 с.
184. Клейн Л. С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк: Донецкий национальный университет, 2012. 622 с.
185. Клейн Л. С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк: Донецкий национальный университет, 2013. 599 с.
186. Клейн Л. С. История археологической мысли: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. – 688 с.
187. Клейн Л. С. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52–71.
188. Клименко В. В. Климат: непрочитанная глава истории. М.: Издательский дом МЭИ, 2009. 408 с.

189. Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н. Орнамент древней керамики: методы и подходы к изучению: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Алт. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2008. 48 с.
190. Коваль Ю. Б. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН, 2016. 128 с.
191. Коворкова Н. В., Леонова Н. Б. Методика исследования скоплений кремня // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 48–64.
192. Козырева Р. В. Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1960. 96 с.
193. Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. 120 с.
194. Козырева Р. В. Неолитическое поселение Стародубское II на о. Сахалине // Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. С. 49–72.
195. Колпаков Е. М., Бочкарев В. С. и др. Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник. М.: ИА АН СССР, 1990. 156 с.
196. Колумбы земли русской. Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1989. 463 с.
197. Константинов И. В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 128 с.
198. Конькова Л. В. Эпоха раннего металла на востоке Евразии. Проблема культурных взаимодействий // Краткие сообщения Института археологии. 2019. № 257. С. 134–145.
199. Короткий А. М., Плетнев С. П., Пушкарь В. С., Греберникова Т. А., Разжигаева Н. Г., Сахэбгареева Е. Д., Мохова Л. М. Развитие природной среды юга Дальнего Востока (поздний плейстоцен – голоцен). М.: Наука, 1988. 240 с.

200. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
201. Крейнович Е. А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 496 с.
202. Крестов П. В., Баркалов В. Ю., Таран А. А. Ботанико-географическое районирование острова Сахалин // Растительный и животный мир острова Сахалин (материалы Международного сахалинского проекта). Владивосток: Дальнаука, 2004. Т. 1. С. 67–90. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biosoil.ru/files/00000823.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).
203. Кривуля Ю. В. Раннесредневековые жилища Приморья // Освоение Северной Пацифики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1996. С. 155–174.
204. Кумаки Т. К вопросу периодизации керамики типов *сусуя* и *эсутору* в *предохотской* культуре Сахалина и Хоккайдо // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2003. С. 47–66.
205. Ламина Е. В., Лотова Э. В., Добрецов Н. Н. Минералогия древней керамики Барабы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. 128 с.
206. Лебединцев А. И. О происхождении углубленных жилищ Севера Дальнего Востока // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока (материалы Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан: СВКНИИ, 1980. С. 69–78.
207. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
208. Лескова Н. В., Федосеева С. А. Химический состав бронзовых изделий усть-мильской культуры Якутии // Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1975. С. 100–105.

209. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 2002. 240 с.

210. Медведев В. Е. Академик А. П. Окладников и неолит Нижнего Приамурья: развитие идей // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 164–171.

211. Медведев В. Е. Об исследовании *польцевской* культуры в Приамурье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 298–308.

212. Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 16–34.

213. Медведев Г. И., Савельев Н. А., Лежненко И. Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 114–115.

214. Микишин Ю. А. Палеогеография долины реки Тымь (остров Сахалин) в голоцене // Научное обозрение. 2006. № 2. С. 4–14.

215. Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Средний-поздний голоцен *Северо-сахалинской* равнины // Russian Journal of Earth Sciences. 2013. № 2 (14). С. 97–108. URL: <http://www.fegi.ru/elibrary/articles/paleoecology/332-mikishin010/file> (дата обращения: 31.03.2022).

216. Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Стратиграфия и палеогеография голоцена юго-западного Сахалина // Естественные и технические науки. 2008. № 3. С. 177–183.

217. Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Субфоссильные спорово-пыльцевые комплексы Сахалина и прилегающих территорий. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 162 с.

218. Микишин Ю. А., Горбунов А. О., Гвоздева И. Г., Черепанова М. В. Палеоклиматы, растительность и геохронология ландшафтно-климатических изменений на побережье юго-западной окраины Сахалина в среднем–позднем голоцене // Геосистемы переходных зон. 2022. Т. 6, № 3. С. 218–236. DOI: 10.30730/gtrz.2022.6.3.218-236.

219. Микишин Ю. А., Пушкарь В. С., Гвоздева И. Г. Палеогеография побережья южного Сахалина в суббореальном периоде голоцена // Успехи современного естествознания. 2020. № 10. С. 97–107. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37497> (дата обращения: 26.03.2022).

220. Можаяев А. В. Поселение Чайво 1 Нгаян на Сахалине (некоторые результаты изучения 2002–2010 гг.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г. Красноярск, 22–25 марта 2011 г. Красноярск: КГПУ, 2011. С. 185–187.

221. Можаяев А. В. Раскопки на о. Сахалин // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 410–412.

222. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.

223. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 122–127.

224. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов

базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 38–58.

225. Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А. Яма-хранилище для квашения рыбы Барабинской неолитической культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. № 27. С. 195–200. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0195-0200.

226. Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Конец эпохи камня и начало эпохи раннего металла. Т. 3. Якутск: Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС (Я), 2017. 522 с.

227. Мыльникова Л. Н. Методы изучения археологической керамики: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2007. 82 с.

228. Нестеров С. П. Бронзовые лапчатые бляшки *урильской* культуры из Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2017. Т. 24, № 2. С. 33–36. DOI: 10.15372/HSS20170205.

229. Нестеров С. П. Домостроение у населения *урильской* культуры раннего железного века Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2018. Т. 25, № 2. С. 56–61. DOI: 10.15372/HSS20180209.

230. Нестеров С. П. Начало железодельного производства на востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 3 (50). С. 49–59. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.3.049-059.

231. Нестеров С. П. Современное состояние проблемы происхождения *польцевской* культуры в Восточном Приамурье // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2021. Т. 28, № 1. С. 14–24. DOI: 10.15372/HSS20210102.

232. Нестеров С. П., Гирченко Е. А. Концепции происхождения *урильской* культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб.: Росток, 2018. С. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27.

233. Нестеров С. П., Гребенщиков А. В., Алкин С. В., Болотин Д. П., Волков П. В., Кононенко Н. А., Кузьмин Я. В., Мыльникова Л. Н., Табарев А. В., Чернюк А. В. Древности Бурей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.

234. Нестеров С. П., Дураков И. А., Шеломихин О. А. Ранний комплекс *урильской* культуры с Букинского Ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 32–42.

235. Нестерова М. С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 271 с.

236. Окладников А. П. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1958. Вып. 71. С. 190–118.

237. Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 году на Амуре // Советская археология. 1936. Вып. 1. С. 275–277.

238. Окладников А. П. Петроглифы Сикачи-Алянской группы и культурно-этнические связи древнего населения Амура // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. 664 с.

239. Окладников А. П., Деревянко А. П. Неолит Дальнего Востока // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 127–150.

240. Окладников А. П., Деревянко А. П. Польце – поселение раннего железного века в бассейне Среднего Амура // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Выпуск 1. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1970. 304 с.

241. Орехов А. А. Жилища лахтинской культуры (древняя приморская культура северо-западного Берингоморья во II тысячелетии до н. э. – XVII–

XVIII вв. н. э.) // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 71–85.

242. Пантелеева С. Е. Погребальная керамика гороховской культуры: вариативность как маркер социальных границ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, Вып. 3: Археология и этнография. С. 180–193.

243. Пашенцев П. А. Керамика *набильского* типа поселения Чайво-1 (по материалам археологических раскопок 2004 г.) // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области. Материалы научно-практической конференции (24 января 2012 года). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012. С. 174–180.

244. Пашенцев П. А. Керамика *набильской* археологической культуры острова Сахалин // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021а. Т. 35. С. 52–71. DOI: 10.26516/2227-2380.2021.35.52.

245. Пашенцев П. А. Комплексы позднего периода *набильской* археологической культуры (северо-восточный Сахалин) // Теория и практика археологических исследований. 2021б. Т. 33, № 2. С. 127–145. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).07.

246. Пашенцев П. А. Культурно-хронологические этапы *набильской* археологической культуры (о. Сахалин) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2023. № 39. С. 83–97. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-39-83-97.

247. Пашенцев П. А. Особенности исследования археологических комплексов I тыс. до н. э. о. Сахалин // Тихоокеанская археология: новые материалы, проекты, исследования. 5-й Международный симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2022 г.: тезисы докладов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2022. С. 118–123.

248. Плотников Н. В. Первые шаги сахалинской археологии (по материалам архива Санкт-Петербургского отделения Института археологии

Российской Академии наук) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1994. № 1. С. 139–144.

249. Плотников Н. В. Раскопки на поселении Стародубское III в 1989 г. // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. II. Тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой 8–9 декабря 1989 г. Южно-Сахалинск: ВООПИК СОО, 1989. С. 9–10.

250. Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

251. Поляков И. С. Отчёт об исследованиях на острове Сахалин, в Южно-уссурийском крае и в Японии. Приложение к Запискам Императорской Академии Наук. Т. XLVIII. № 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 61 с.

252. Поляков И. С. Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг. И. С. Полякова члена сотрудника императорского русского географического общества (письма к секретарю общества). Приложение к Известиям Императорского русского географического общества. Т. XIX, вып. 1. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1883. 132 с.

253. Поляков И. С. Сахалин // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семёнова. Т. 12. Ч. 2. Восточные окраины России. Приморская и Амурская области. М.; СПб.: Товарищество М. О. Вольф, 1895. С. 229–272.

254. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 131–226.

255. Прокофьев М. М. Японские учёные – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX века): библиографические очерки. Книга первая. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2006. 144 с.

256. Прокофьев М. М., Дедахин О. Ю. Айны и нивхи Сахалина в неопубликованных трудах Л. С. Грибановой (1955–1956) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1998. № 5. С. 163–167.
257. Разжигаева Н. Г., Ганзей Л. А., Гребенникова Т. А., Копотева Т. А., Мохова Л. М., Паничев А. М., Кудрявцева Е. П., Арсланов Х. А., Максимов Ф. Е., Петров А. Ю., Климин М. А. Изменения природной среды в позднем голоцене, зафиксированные в отложениях озера Изюбриные Солонцы, Сихотэ-Алинь // Сибирский экологический журнал. 2017. № 4. С. 512–527. DOI: 10.15372/SEJ20170411.
258. Ременец А. И., Климов И. Н. Эволюция лагунного побережья залива Пильтун в голоцене // Развитие природной среды в плейстоцене. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 123–126.
259. Сайко Э. В., Кузнецова Л. В. Методологические основы исследования древней керамики. М.: Гос. ордена Ленина биб-ка СССР им. В. И. Ленина, 1977. 52 с.
260. Самарин И. А. Многослойное поселение Чиркова-1 // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002a. С. 24–26 (на рус. и яп. яз.).
261. Самарин И. А. Раскопки многослойного поселения Чиркова-1 в 1992 г. // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002b. С. 27–29 (на рус. яз.).
262. Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: АН СССР, 1957. 240 с.
263. Сергушева Е. А. Использование растений населением Нижнего Приамурья в эпоху палеометалла // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 4. С. 52–72. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-52-72.
264. Серегин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях // Советская археология. 1984. № 1. С. 11–25.

265. Сидоренко Е. В. Модели межкультурных коммуникаций в Приморье в эпоху палеометалла // Россия и АТР. 2016. Вып. 2. С. 170–182.
266. Сидоренко Е. В. Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 271 с.
267. Степанов А. Д. История исследований железного века Якутии // Известия лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 33–42.
268. Степанов А. Д., Дьяконов В. М. Керамика железного века долины Туймаада // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». Магадан: СМУ, 2005. С. 117–122.
269. Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Джалл Д. Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 106–112.
270. Сукачѳв В. Н., Дылис Н. В. (ред.) Основы лесной биогеоценологии. М.: Наука, 1964. 574 с.
271. Татаурова Л. В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 142–154.
272. Тахтаджян А. Л. Флористические области Земли. Л.: Наука, 1978. 248 с.
273. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
274. Томская А. И. Климат позднеледниковья и голоцена Якутии (по палинологическим данным) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 109–116.
275. Федорчук В. Д. Археологические комплексы северного побережья залива Терпения с круглодонной керамикой, орнаментированной

жемчужинами // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002. С. 44–47 (на рус. и яп. яз.).

276. Федорчук В. Д. Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1998. № 5. С. 143–162.

277. Федорчук В. Д. Типологический ряд керамики *Эноура* // Movement in Medieval North-East Asia. People, material goods, technology. Vladivostok International Symposium, 2005. Program and Abstract. Vol. 1. Tokyo: University Chuo, 2005. С. 239–245.

278. Федосеева С. А. Древние культуры долины Май // Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1975. С. 53–78.

279. Федосеева С. А. Ранний железный век Алдана (по материалам стоянки Белькачи I и Дюктайской пещеры) // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1970. С. 143–153.

280. Филатова И. В. Использование естественнонаучных данных в изучении гончарных традиций неолитического населения Нижнего Приамурья: к истории вопроса // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 374–385.

281. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

282. Цетлин Ю. Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1998. Вып. 3. С. 50–63.

283. Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

284. Цетлин Ю. Б., Волкова Е. В. Роль естественно-научных методов в изучении древней керамики как источника исторической информации // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2010. № 4 (44). С. 52–59.
285. Чард Ч. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана // *Советская этнография*. 1962. № 5. С. 94–99.
286. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Экология и типы традиционного сельского жилища // *Типология основных элементов традиционной культуры*. М.: Наука, 1984. С. 34–64.
287. Черных Е. Н. *Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
288. Черных Е. Н. *Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*. М.: *Рукописные памятники Древней Руси*, 2009. 624 с.
289. Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина) // *Советская этнография*. 1970. № 6. С. 15–26.
290. Чубарова Р.В. *Древняя история Сахалина (по археологическим данным)*: Автореф. дисс. канд. ист. наук Л: ИИМК АН СССР ЛО, 1955. - 18 с.
291. Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина // *Советская этнография*. 1957. № 4. С. 60–75.
292. Чубарова Р. В. Работы сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1958. Вып. 71. С. 119–128.
293. Шевкомуд И. Я. *большебухтинская культура в Нижнем Приамурье* // *Традиционная культура востока Азии*. Выпуск пятый. Памяти профессора Б. С. Сапунова (1936–2006). Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 158–170.
294. Шевкомуд И. Я. *Исследования новых памятников на Нижнем Амуре* // *Археологические открытия 1994 года*. М.: НПБО «Фонд археологии», 1995. С. 314–315.

295. Шевкомуд И. Я. Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: Материалы региональной научной конференции (Владивосток, 18 – 20 ноября 2013 г.) / отв. ред. Н. А. Ключев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 140–176.

296. Шевкомуд И. Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2003. С. 7–36.

297. Шевкомуд И. Я. Поселение Большая Бухта-1 и некоторые проблемы культур Нижнего Амура и Сахалина // Записки Гродековского музея. Вып. 3: Археология и этнография. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 37–52.

298. Шевкомуд И. Я., Фукуда М. Поселение Голый Мыс-1 и некоторые проблемы стратиграфии и хронологии культур II–I тыс. до н. э. на северо-востоке Нижнего Приамурья // История и культура Приамурья. Хабаровск: ДВГНБ, 2007. № 1. С. 122–133.

299. Шевкомуд И. Я., Фукуда М. Стратиграфия и хронология культур II–I тыс. до н. э. на северо-востоке Нижнего Приамурья по материалам памятника Голый Мыс-1 // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 293–301.

300. Шевкомуд И. Я., Шаповалова Е. А., Косицына С. Ф. Нижнетамбовский могильник (раскоп 2007 г.) // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда: сборник статей. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 278–297.

301. Шнирельман В. А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 40 с.
302. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2: Этнографическая часть. Первая половина: главные условия внешнего быта. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 314 с.
303. Шубин В. О. К вопросу о происхождении и развитии *охотской* культуры на Южном Сахалине // Исследования по археологии Сахалинской области. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 15–20.
304. Шубин В. О. Обзор археологических коллекций из фондов Сахалинского областного краеведческого музея. 1930–2003 гг. // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2005. № 12. С. 113–169.
305. Шубин В. О., Шубина О. А. Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1984. 45 с.
306. Шубин В. О., Шубина О. А. Стоянка Стародубское II // Археология Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 48–55.
307. Шубин В. О., Шубина О. А. Стоянки первобытного человека на южном Сахалине // Исследования по археологии Сахалинской области. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 62–102.
308. Шубина О. А. Археологические памятники Северного Сахалина // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Препринт. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 22–26.
309. Шубина О. А. Археологические раскопки поселения Северо-Сахалинск 1 в Охинском районе в 1991 г. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1992а. № 2. С. 125–126.
310. Шубина О. А. Дореволюционные археологические исследования на Сахалине и современное состояние археологической изученности острова

// Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Материалы международной научной конференции (31 октября – 2 ноября 1991 г.). Т. 2. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1992б. С. 112–119.

311. Шубина О. А. Жилища древнего поселения Залив Чайво-1 на северном Сахалине (по итогам археологических исследований 2003 г.) // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Нивхи. М.: Энерджи Пресс, 2011. С. 8–24.

312. Шубина О. А. Жилища поселений *имчинской* неолитической культуры (Северный Сахалин). Препринт. Южно-Сахалинск: ИМГиГ, 1987. 33 с.

313. Шубина О. А. Исследование неолитического поселения Имчин XII на Северном Сахалине // Новое в археологии Севера Дальнего Востока (Материалы Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 143–157.

314. Шубина О. А. Современное состояние археологической изученности Сахалина и задачи сахалинской археологии // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск: Общество изучения Сахалина и Курильских островов, 1990. № 4. С. 106–119.

315. Шубина О. А. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-часи на Южном Сахалине // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1999. № 6. С. 227–252.

316. Шубина О. А., Жущиховская И. С. К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1986. С. 16–18.

317. Шумова Г. М., Климанов В. А. Растительность и климат позднеледниковья и голоцена прибрежной зоны Среднего Приморья // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 154–160.

318. Щеглов Д. И., Брехова Л. И. Процессы почвообразования: учебное пособие. Воронеж: ВГУ, 2016. 58 с.

319. Щербань А. Л., Щербань Е. В. О функциях украинских глиняных сосудов // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 164–172.

320. Эртюков В. И. К вопросу об истоках усть-мильской культуры эпохи бронзы Якутии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 106–112.

321. Эртюков В. И. Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 144–160.

322. Эртюков В. И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 150 с.

323. Яковлева Е. С. Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 53–68. DOI: 10.24411/2542-0275-2020-0205.

324. Ямаура К. Археологические раскопки поселения Усть-Айнское на Сахалине в 1993 году // *Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. 28.02-1.03.2002. Sapporo: Hokkaido University, 2002. С. 30–43 (на рус. и яп. яз.)*.

325. Яншина О. В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб.: МАЭ РАН, 212 с.

326. Яншина О. В. Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований // *Российский археологический ежегодник*. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2013. № 3. С. 289–337.

Литература на английском языке

327. Adams J. L. *Ground Stone Analysis: A Technological Approach*. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2002. 320 p.

328. Aikens C. M., Zhushchikhovskaya I. S., Rhee S. N. Environment, Ecology, and Interaction in Japan, Korea, and the Russian Far East: the Millennial History of a Japan Sea Oikumene // *Asian Perspectives*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. Vol. 48, No. 2. P. 207–248. DOI: 10.1353/asi.2009.0004.
329. Attenbrow V., Kononenko N. *Microscopic Revelations: The Forms and Multiple Uses of Ground-edged Artefacts of the New South Wales Central Coast, Australia*. Sydney: Australian Museum, 2019. 101 p.
330. Bazarova V. B., Klimin M. A., Mokhova L. M., Orlova L. A. New pollen records of Late Pleistocene and Holocene changes of environment and climate in the Lower Amur River basin, NE Eurasia // *Quaternary International*. 2008. Vol. 179, No. 1. P. 9–19. DOI: 10.1016/j.quaint.2007.08.031.
331. Befu H., Chard C. S. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea // *American Antiquity*. Society for American Archaeology. 1964. Vol. 30, No. 1. P. 1–18.
332. Binford L. R. *Bones: Ancient Men and Modern Myths*. New York: Academic Press, 1981. 320 p.
333. Binford L. R. Butchering, Sharing, and the Archaeological Record // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. Vol. 3. P. 235–257.
334. Binford L. R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press, 1978. 509 p.
335. Binford L. R. Willow Smoke and Dogs' Tails: Hunter-Gatherer Settlement Systems and Archaeological Site Formation // *American Antiquity*. 1980. Vol. 45, No. 1. P. 4–20.
336. Bronk Ramsey C. OxCal v.4.4.4 [Software]. 2021. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html> (дата обращения: 10.03.2026).
337. Chard C. S. Time Depth and Culture Process in Maritime Northeast Asia // *Asian Perspectives*. 1961. Vol. 5, No. 2. P. 213–216.
338. Dergachev V. A., Rasporov O. M., Damblon F., Jungner H., Zaitseva G. I. Natural climate variability during the Holocene // *Radiocarbon*. 2007. Vol. 49, No. 2. P. 837–854. DOI: 10.1017/S0033822200042715.

339. Dubreuil L., Savage D. Ground stones: a synthesis of the use-wear approach // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 48. P. 139–153. DOI: 10.1016/j.jas.2013.06.023.
340. Dunnell R. C. *Systematics in Prehistory*. New York: Free Press, 1971. 214 p.
341. Dyakonov V. M., Pestereva K. A., Stepanov A. D., Mason O. K. The spread of metal and metal production technology in the Far Northeast and Alaska over the second millennium BC to the first millennium AD // *World Archaeology*. 2019. Vol. 51, No. 3. P. 355–381. DOI: 10.1080/00438243.2019.1708785.
342. Fahrni S. M., Southon J., Fuller B. T., Park J., Friedrich M., Muscheler R., Wacker L., Taylor R. E. Single-year german oak and californian bristlecone pine 14C data at the beginning of the Hallstatt plateau from 856 BC to 626 BC // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 00, No. 00. P. 1–19. DOI: 10.1017/RDC.2020.16.
343. Fitzhugh W. A. *Comparativ Approach to Nothern Maritame Adaptation // Prehistoric Maritime Addaptations of the Circumpolar Zone*. Paris: The Hague. Mouton Publishers, 1975. P. 339–386.
344. Frank A. G., Gills B. K. *The 5,000-Year World-System – An Interdisciplinary Introduction // The World System. Five Hundred or Five Thousand?* London: Routledge, 1993. P. 3–55.
345. Gorbarenko S. A., Xue X., Lin Y., Bosin A. A., Velivetskaya T. A., Anikin A. A., Novorotskaya E. Yu., Zou J., Yao R., Korotzevich I. A. Northern Hemisphere climate variability over the last 10,000 years: The sequence of Holocene centennial cooling events and driving mechanisms // *Frontiers in Earth Science*. 2024. Vol. 12. Article 1415180. P. 1–16. DOI: 10.3389/feart.2024.1415180. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feart.2024.1415180/full> (дата обращения: 09.02.2026).
346. Gosselain O. P. Bonfire of the enquiries. Pottery firing temperatures in archaeology: What for? // *Journal of Archaeological Science*. 1992. Vol. 19, No. 3. P. 243–259. DOI: 10.1016/0305-4403(92)90014-T.

347. Hamilton W. D., Haselgrove C., Gosden C. The impact of Bayesian chronologies on the British Iron Age // *World Archaeology*. 2015. Vol. 47, No. 4. P. 642–660. DOI: 10.1080/00438243.2015.1053976.
348. Igarashi Y. Holocene vegetation and climate on Hokkaido Island, northern Japan // *Quaternary International*. 2013. No. 290–291. P. 139–150. DOI: 10.1016/j.quaint.2012.09.030.
349. Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. *Technology and Terminology of Knapped Stone*. Nanterre: C.R.E.P., 1999. 191 p.
350. Jull A. J. T., Panyushkina I., Miyake F., Masuda K., Nakamura T., Mitsutani T., Lange T. E., Cruz R. J., Baisan C., Janovics R., Varga T., Molnár M. More rapid ¹⁴C excursions in the tree-ring record: a record of different kind of solar activity at about 800 BC? // *Radiocarbon. Selected Papers from the 2nd Radiocarbon in the Environment Conference, Debrecen, Hungary, 3–7 July 2017*. 2018. P. 1–12. DOI: 10.1017/RDC.2018.53.
351. Kidder J. E. *The Jomon pottery of Japan*. Ascona: Artibus Asiae Publishers, 1957. 200 p.
352. Kikuchi T. On the Okhotsk Culture in Sakhalin // *Bulletin of the Institute for the Study of North Cultures Hokkaido University*. Sapporo: Hokkaido University Faculty of Letters, 1971. No. 5. P. 31–53 (на яп. и англ. яз.).
353. Kumaki T. An Introduction to Susuya Type Pottery Collected in the Southern Part of Sakhalin in 1924 // *Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда: сборник статей*. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 243–249.
354. Kuzmin Y. V., Vasilevski A. A., Gorbunov S. V., Burr G. S., Timothy Jull A. J., Orlova L. A., Shubina O. A. Chronology of prehistoric cultural complexes of Sakhalin island (Russian Far East) // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46, No. 1. P. 353–362.
355. Lebedintsev A. I. Distribution of metal throughout the coastal margins of the Okhotsk Sea maritime region // *European Science Review*. 2015. No. 9–10. P. 3–6.

356. Leipe C., Nakagawa T., Gotanda K., Muller S., Tarasov P. E. Late Quaternary vegetation and climate dynamics at the northern limit of the East Asian summer monsoon and its regional and global-scale controls // *Quaternary Science Reviews*. 2015. No. 116. P. 57–71. DOI: 10.1016/j.quascirev.2015.03.012.

357. Livingstone Smith A. Bonfire II: The Return of Pottery Firing Temperatures // *Journal of Archaeological Science*. 2001. Vol. 28, No. 9. P. 991–1003. DOI: 10.1006/jasc.2001.0713.

358. Mauss M. *The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Cohen & West Ltd, 1966. 168 p.

359. Mikishin Yu. A., Gvozdeva I. G., Orlova L. A. Basic Holocene Section of South West Sakhalin // *Environment development of East Asia in Pleistocene-Holocene (boundaries, factors, stages of Human mastering)*. Proceedings of International Scientific Conference, September 14–18, 2009, Vladivostok, Russia. Vladivostok: Dalnauka, 2009. P. 149–152.

360. Ohyi H. *The Okhotsk Culture, a Maritime Culture of the Southern Okhotsk Sea Region // Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone*. Paris: The Hague. Mouton Publishers, 1975. P. 123–158.

361. Ono H. Relationship between the Susuya Culture and the Aniwa Culture // *Problems of the Formative Stage of the Okhotsk Culture*. Bulletin of the Hokkaido University Museum. Sapporo: Hokkaido University Press, 2003. No. 1. P. 19–31.

362. Park J., Park J., Yi S., Kim J. C., Lee E., Choi J. Abrupt Holocene climate shifts in coastal East Asia, including the 8.2 ka, 4.2 ka, and 2.8 ka BP events, and societal responses on the Korean peninsula // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9, No. 1. 15706. DOI: 10.1038/s41598-019-47264-8.

363. Pikirayi I., Lindahl A. Ceramic production technology and society: Postcolonial approaches to material culture studies in Southern Africa – some unanswered questions // *Recent Approaches to Ancient Ceramics in Archaeology*. International Symposium (29–31 October 2013, Moscow). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2015. P. 96–110.

364. Popov A. N., Zhushchikhovskaya I. S., Nikitin Y. G. Paleometal Epoch in the Primorye (south of the Far East of Russia) // *World Archaeology*. 2020. DOI: 10.1080/00438243.2019.1722737.

365. Razzhigaeva N. G., Ganzeva L. A., Panichev A. M., Grebennikova T. A., Mokhova L. M., Kopoteva T. A., Kudryavtseva E. P., Arslanov Kh. A., Maksimov F. E., Starikova A. A., Zakusina S. V. Response of Landscapes of the Sikhote-Alin Western Slopes to the Middle-Late Holocene Climatic Changes // *Stratigraphy and Geological Correlation*. 2017. Vol. 25, No. 7. P. 679–698. DOI: 10.1134/S0001433817070076.

366. Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62, No. 4. P. 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41..

367. Shepard A. O. *Ceramics for the Archaeologist*. Publication 609. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1995. 447 p.

368. Spaulding A. C. Statistical Techniques for the Discovery of Artifact Types // *American Antiquity*. 1953. Vol. 18, No. 4. P. 305–313.

369. Taylor R. E. Six decades of radiocarbon dating in new world archaeology // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51, No. 1. P. 173–212. DOI: 10.1017/S0033822200033774.

370. Thér R. Identification of Pottery Firing Structures Using the Thermal Characteristics of Firing // *Archaeometry*. 2013. Vol. 56. P. 1–22. DOI: 10.1111/arc.12052.

371. Tipping R., Davies A., McCulloch R., Tisdall E. Response to late Bronze Age climate change of farming communities in north east Scotland // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35, No. 9. P. 2379–2386. DOI: 10.1016/j.jas.2008.03.007.

372. Tsetlin Yu. B. Gentes groups in the structure of Neolithic cultures of the Central Russian Plain // *Documenta Praehistorica XXXIX*. 2012. P. 53–66. DOI: 10.4312/dp.39.3.

373. Van Geel B., Bokovenko N. A., Burova N. D., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Dirksen V. G., Kulkova M., Nagler A., Parzinger H., van der Plicht J., Vasiliev S. S., Zaitseva G. I. Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis // *Journal of Archaeological Science*. 2004. Vol. 31, No. 12. P. 1735–1742. DOI: 10.1016/j.jas.2004.05.004.

374. Vasilevski A. A., Takashi S., Kaoru A., Tomoharu H., Toshio Y. The list of the Professor of Tohoku University Ito Nobuo's collections, made up in Karafuto-Sakhalin during his personal scientific trip around the Middle and Southern parts of the island in 1933–193 // *Bulletin Tohoku University Museum*. 2006. No. 5. P. 57–82 (на англ. и яп. яз.).

375. Vasilevskii R. S. The Origin of the Ancient Koryak Culture on the Northern Okhotsk Coast // *Arctic Anthropology*. University of Wisconsin Press, 1969. Vol. 6, No. 1. P. 150–164.

376. Vasilevsky A., Shubina O. Neolithic of the Sakhalin and the Southern Kurile island // *Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / British Archaeological Reports [BAR]. International Series S 1540*. Oxford: Archaeopress, 2006. P. 151–166.

377. Vostretsov Y. E. Interaction of Maritime and Agricultural adaptation in the Japan Sea Basin // *The Prehistory of Food: Appetites for Change / ed. by J. Hather, C. Gosden*. London: Routledge, 1999. Vol. 32. P. 322–332.

378. Wiessner P. Beyond Willow Smoke and Dogs' Tails: A Comment on Binford's Analysis of Hunter-Gatherer Settlement Systems // *American Antiquity*. 1982. Vol. 47, No. 1. P. 171–178. DOI: 10.2307/280065.

379. Wiessner P. Style and Social Information in Kalahari San Projectile Points // *American Antiquity*. 1983. Vol. 48. P. 253–276. DOI: 10.2307/280450.

380. Wylie A. Radiocarbon Dating in Archaeology: Triangulation and Traceability // *Data Journeys in the Sciences* / ed. Sabina Leonelli, Niccolò Tempini. 2020. P. 285–300. DOI: 10.1007/978-3-030-37177-7_15.

381. Yoshizaki M. Prehistoric Culture in Southern Sakhalin in the Light of Japanese Research // *Arctic Anthropology*. 1963. Vol. 1, No. 2. P. 131–158.

382. Zhushchikhovskaya I. S. Pottery Making of Sakhalin Island in Historical Dynamics: From the Neolithic to the Paleometal Period // *Arctic Anthropology*. 2010. Vol. 47, No. 2. P. 42–58.

Литература на японском языке

383. Аmano Т. “О расширении и региональных вариациях охотской культуры” [天野哲. オホーツク文化の拡散と地域差について] // Бюллетень Института изучения северных культур Университета Хоккайдо [北海道大学文学部附属北方文化研究施設報告]. Саппоро: Изд-во литературного факультета Университета Хоккайдо, 1978. № 12. С. 75–92.

384. Василевский А. А., Грищенко В. А. “О периодизации эпохи неолита в прибрежном и островном мире” [A. A. Vasilevsky, V. A. Grishchenko. 沿海・島嶼世界における新石器時代の時期区分について] // Ежеквартальная археология [季刊考古学]. Токио: Юдзанкаку, 2013. № 125. С. 74–78.

385. Василевский А. А., Грищенко В. А., Федорчук В. Д., Можяев А. В. “Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг.” [Vasilevski A. A., Grischenko V. A., Fedorchuk V. D., Mozaev A. V. 2003–2007年におけるサハリン国立大学による考古学調査] // Ежегодник Хоккайдского археологического общества 2008 г. Материалы конференции по исследованию памятников [2008年度 北海道考古学会 遺跡調

査報告会 資料集]. Саппоро: Хоккайдское археологическое общество, 2008. С. 71–83.

386. Игараси Я., Сагаяма Ц., Хигаке Т., Фукуда М. “Изменения окружающей среды в позднем четвертичном периоде в центральном и на северном Сахалине, Россия” [五十嵐八枝子、嵯峨山積、樋掛 哲也、福田正己. ロシア・サハリン中・北部における第四紀後期の環境変遷] // Четвертичные исследования [第四紀研究]. 2000. Т. 39, № 2. С. 165–173.

387. Ито Н. “Опыт периодизации керамики доисторического периода Карафутто” [伊藤信雄. 樺太先周時代土器編年試論] // Сборник статей по истории государства, посвященный памяти проф. С. Есида [吉田定一博士追悼記念国史論集]. Токио: Дайтосёкан, 1942. С. 19–44.

388. Кикути Т. “Происхождение *охотской* культуры и её соотношение с культурами соседних регионов” [菊池俊彦. オホーツク文化の成立と周辺文化との関係] // Бюллетень Института изучения северных культур Университета Хоккайдо [北海道大学文学部附属北方文化研究施設報告]. Саппоро: Изд-во литературного факультета Университета Хоккайдо, 1978. № 12. С. 39–74.

389. Кикути Т. “Пути сообщения между северным побережьем Охотского моря и Сахалином: в связи с раскопками гребенчатой керамики” [菊池俊彦. オホーツク海北岸とサハリンの交流ルート: 櫛目文土器の発掘に関連して] // Исследовательский отчет Музея Университета Хоккайдо [北海道大学総合博物館研究報告]. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2013. С. 18–26.

390. Кияма К. “Керамика типа *Сусуя*, раскопанная на стоянке Усть-Айнская” [木山克彦. ウスチ・アインスカヤ遺跡出土の鈴谷式土器] // Море и археология [海と考古学]. Токио: Тамаки Яги, 2005. С. 7–14.

391. Кумаки Т. “О керамике типа *Сусуя* в северной части Хоккайдо” [熊木俊朗. 北海道北部における鈴谷式土器について] // Древняя культура [古代文化]. Киото, 1996. Т. 48, № 5. С. 12–20.

392. Кумаки Т. “Обмен по «Сахалинскому маршруту» во второй половине периода *Дзёмон*, в *охотский* период и период *Саюмон*” [熊木俊朗. 縄文時代後半期・オホーツク期・擦文期における「サハリン・ルート」を介した交流] // Переосмысление «Сахалинского и Курильского маршрутов» как доисторических культурных коридоров [先史文化回廊としての「サハリン・千島ルート」再考]. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2015. С. 35–48.

393. Кумаки Т. “Пересмотр хронологии керамики типа *Сусуя*” [熊木俊朗. 鈴谷式土器編年再考] // Формирование культуры айнов [アイヌ文化の形成]. Саппоро: Издательский центр Хоккайдо, 2004. С. 167–189.

394. Маэда У. “О процессе формирования *охотской* культуры” [前田潮. オホーツク文化の成立過程について] // Исторические исследования [史観]. Токио: Токийский педагогический университет, 1976. № 106. С. 1–21.

395. Маэда У. Археология Охотска [前田潮. オホーツクの考古学]. Токио: Досэйся, 2002. 231 с.

396. Маэда У., Кияма К. “Остатки полуподземных жилищ на археологическом памятнике западного побережья Сахалина” [前田潮, 木山克彦. サハリン西海岸の遺跡における竪穴住居跡] // Археологические исследования Цукуба [筑波考古研究]. Цукуба: Университет Цукуба, 2002. № 13. С. 113–122.

397. Нагао М. Остатки аборигенов [長尾三郎. 土人之遺跡]. Нэмуру, 1932. 48 с.

398. Нииока Т. Археология Хоккайдо и Карафутто [新岡武彦. 北海道・樺太の考古学]. Саппоро: Хоккайдо сюшпан кикаку сэнта, 1977. 237 с.

399. Нииока Т. “Результаты археологических исследований в северной части западного побережья Карафутто” [新岡武彦. 樺太西海岸北部地域の考古学的調査成果] // Антропологический журнал [人類学雑誌]. 1940. Т. 55, № 8. С. 370–389. DOI: 10.1537/ase1911.55.370.

400. Нииока Т. “Очерк доисторической керамики бывшей японской территории Карафутто” [新岡武彦. 旧樺太の先史土器概観] // Археология Хоккайдо [北海道考古学]. 1970. № 6. С. 1–14.

401. Нииока Т., Утагава Х. Археологические находки в Южном Сахалине [新岡武彦, 宇田川洋. 南サハリンの考古学的遺物]. Саппоро, 1992. 327 с.

402. Нииока Т., Утагава Х. Археологические памятники в Южном Сахалине [新岡武彦, 宇田川洋. 南サハリンの遺跡]. Саппоро, 1990. 240 с.

403. Номура Т. “Археологические материалы памятника в районе озера Невское, центральный Сахалин” [野村崇. サハリン中部ネフスコエ湖周辺地域の遺跡の考古学的資料] // Ежегодный отчет Исторического музея Хоккайдо [北海道開拓記念館年報]. Саппоро: Исторический музей Хоккайдо, 1990. № 18. С. 89–100.

404. Оба Т. “Охотская культура на Хоккайдо и прилегающих территориях. Часть 1: Сахалин” [大場利夫. 北海道とその隣接地域におけるオホーツク文化. 第1部: サハリン] // Исследования северной культуры [北方文化研究]. Саппоро: Исследовательский центр северной культуры Университета Хоккайдо, 1967. № 2. С. 1–26.

405. Огасавара М., Хара Н. “Идентификация месторождения и пути распространения янтарных плоских бусин, обнаруженных на археологических памятниках эпохи *эпидзёмон* на Хоккайдо” [小笠原正明, 原奈々絵. 北海道の統縄文遺跡から出土した琥珀製平玉の産地同定とその流通] // Наука о культурных ценностях [文化財科学]. 2022. № 63. С. 37–57.

406. Сакакида Т., Кумаки Т., Фукуда М. “Керамика из раскопок стоянки Стародубское-2 в Сахалинской области, хранящаяся в Городском музее Асахикавы” [榊田朋広, 熊木俊朗, 福田正己. 旭川市博物館所蔵のサハリン州スタロドゥプスコエ遺跡発掘土器] // Археологические исследования переходного периода от неолита к железному веку на Дальнем Востоке России

[極東ロシアにおける新石器時代から鉄器時代への移行期の考古学研究].

Токио: Токийский университет, 2007. С. 13–38.

407. Усиро Х. “Проблемы хронологии *охотской* культуры” [後藤秀一. オホーツク文化の編年的諸問題] // Ежегодный отчет Исторического музея Хоккайдо [北海道開拓記念館年報]. Саппоро: Исторический музей Хоккайдо, 1991. № 19. С. 23–52.

408. Усиро Х., Кобаяси Ю., Кобаяси К., Шубина О. А. “Археологическое исследование памятника Белокаменная-Часи на Сахалине – совместное исследование с Сахалинским областным краеведческим музеем в 1996 г.” [後藤秀一, 小林幸雄, 小林和樹, О. А. Shubina. サハリン・ベロカメンナヤ・チャシ遺跡の発掘調査 – 1996年サハリン州立郷土博物館との共同研究] // Предварительные отчеты по «Исследовательскому проекту истории культурного обмена Севера» за 1998 г. [平成10年度「北方文化交渉史研究」予備調査報告書]. Саппоро: Исторический музей Хоккайдо. 1998. С. 23–42.

409. Фудзимото Ц. “Культура Охотского моря” [藤本強. オホーツク海文化] // Культура морей и островов. 1. Японское море и северная культура [海と島の文化. 1. 日本海と北方文化]. 1995. С. 67–93.

410. Фукуда М. “История адаптации мигрантов умеренных широт в северных районах Японского архипелага в голоцене (культуры *дзёмона* Хоккайдо и «Сахалинский путь»)” [福田正己. 完新世における日本列島北部への温帯性移住者の適応史 (北海道の縄文文化と「サハリンルート」)] // Переосмысление «Сахалинского и Курильского маршрутов» как доисторических культурных коридоров [先史文化回廊としての「サハリン・千島ルート」再考]. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2015. С. 3–33.

411. Фукуда М. “Комментарий к японскому переводу статьи В. А. Грищенко «*Кашкалебагшская* культура общности *эпи-дзёмон* на северном Сахалине: к вопросу о сосуществовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н. э. в островном мире Дальнего Востока»” [福田正己. В. А.

Grishchenko 論文「北サハリンにおけるエピ・ジョモン期のカシュカレバグシュ文化: 紀元前1千年紀の極東島嶼世界における石器時代と古金属時代伝統の共存について」の日本語訳への解題] // Археологическое изучение процесса неолитизации / дзёмонизации в северном пограничном регионе Японского архипелага: исследования стоянки Юбэцу-Итикава [日本列島北辺域における新石器化/縄文化過程の考古学的研究: 湧別・市川遺跡の調査]. Касива, 2015. С. 183–184.

412. Фукуда М. Хоккайдо и протоисторические культуры Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. [福田正己. 北海道と極東の先史文化: 紀元前1千年紀]. Саппоро: Хоккайдо сьуппан кикаку сэнта, 2007. 231 с.

413. Шубин В. О. “Проблемы и перспективы изучения *охотской* культуры” [V. O. Shubin. オホーツク文化研究の問題点と展望] // Изучение северных культур. V симпозиум в рамках Альянса дружбы Хоккайдо-Хэйлуцзян. 5 сентября 1991 г. [北方文化研究. 第5回北海道・黒龍江友好アライアンス・シンポジウム]. Саппоро, 1991. С. 24–25.

414. Шубина О. А. “Отчет об археологических исследованиях поселения Белокаменная-Часи в 1993 году, Корсаковский район, Сахалинская область” [О. А. Shubina. 1993年サハリン州コルサコフ地区ベロカメンナヤ・チャシ集落遺跡の発掘調査報告] // Археологические исследования переходного периода от неолита к железному веку на Дальнем Востоке России [極東ロシアにおける新石器時代から鉄器時代への移行期の考古学研究]. Токио: Токийский университет, 2007. С. 113–146.

415. Ямаура К. “Доисторическая керамика Сахалина (Часть 1). На основе керамики памятника *Хандуза*” [山浦清. サハリンの先史土器 (第1部). ハンドウザ遺跡出土土器を中心に] // Журнал Археологического общества Японии [考古学雑誌]. Токио: Археологическое общество Японии, 1985. № 1. С. 44–68, 131.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИИАЭ ДВО АН СССР – Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения академии наук СССР

Инв. № – инвентарный номер

Изд-во – издательство

Кал. – калиброванный

Колл. – коллекция

Л.н. – лет назад

НИС – Научно-исследовательский сектор

о. – остров

р. – река

Рис. – рисунок

с. – село

СахГУ – Сахалинский государственный университет

СЛАЭ – Сахалинская лаборатория археологии и этнографии

СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей

ТКМ – Тымовский краеведческий музей

Т. – том

тыс. – тысячелетие

у. м. – уровень моря

УАМ СахГУ – Учебный археологический музей Сахалинского государственного университета

ЦКП – центр коллективного пользования

ЮСГПИ – Южно-Сахалинский государственный педагогический институт

AMS – Accelerator Mass Spectrometry (метод ускорительной масс-спектрометрии)

LSC – Liquid Scintillation Counting (жидкостно-сцинтилляционный метод подсчета)

BP – before present (до 1950 г.)